Кремлёвский заговор от Хрущёва до Путина

Анисин Николай Михайлович

Москва, Эксмо, Алгоритм, 2009

В этой книге изнанка нашей послевоенной истории. В последние дни февраля 1953 года Сталин был бодр, работоспособен и вдруг впал в бессознательное состояние и пять дней мучительно умирал. Естественной ли была его смерть? Созидателя ядерного щита СССР Берию расстреляли с абсурдными обвинениями в шпионаже и намерении реставрировать капитализм. А каковы истинные причины скоропалительной расправы с ним?

Тайные политические игры в России от Хрущёва до Путина раскрываются в книге Николая Анисина, в прошлом спецкора газеты «Правда», соучредителя газеты «День», заместителя главного редактора газеты «Завтра», лауреата премии Союза журналистов СССР и члена Союза писателей России.

Глава 1. Да будет свет

Ливень за окном шумел уже полчаса. Кругом потоп, я покумекал: и Серёга заклинится в пробках. Но он выплыл к особняку Союза писателей ранее, чем столковано было. И в 19.20 позвонил из машины:

- Карета у парадного подъезда.

От писательского особняка, где наша редакция арендовала кабинеты, мы покатили по Комсомольскому проспекту и за Крымским мостом съехали на Садовое кольцо.

Жуткой мощи джип Серёга вёл лихо, как обычно, словами перекидывался спокойно. Но странную мину имел на физиономии: будто шуганули его где-то невзначай - испуг рассеялся, а не по себе.

У Смоленской площади Серёга повернул направо - в задворки МИДа. Там рванул, разметая лужи, по кривой улочке и закатил в зелёный двор - к яркой вывеске китайского ресторана:

- Вот тут и пображничаем.

Сказанул он это как ухарь-купец, удалой молодец. А смятение с лица не уронил.

Когда взбредало Серёге на ум тяпнуть со мной водки и посудачить

про политику, он завозил меня в кабак на Старом Арбате, где все официанты знали его по имени-отчеству. Ныне же почему-то новое выбрал место.

Холл китайского ресторана украшал рой русских юниц - в белых кофточках и чёрных юбчонках. Заметив нас на пороге, девушки все, как по команде, вспорхнули со скамеек.

Незанятых столиков в зале ресторана было полно. Но Серёга прошествовал мимо них - к двери в левой стенке. Мы вошли в отдельный кабинет. Сели за в снежной скатерти стол, и трое красоток из холла застыли перед нами. Одна - с меню в кожаных обложках, другая - с марлевыми, влажно-горячими салфетками для рук, третья - просто с улыбочкой: чего ещё изволите?

Вскрыв меню, Серёга поднял на меня глаза. Я кивнул: снова всё как всегда - что закажешь, то под водку и умнём. Неспешно и твёрдо Серёга пустился диктовать: сок из апельсинов выжать, солений таких подать, салатов - эдаких, запечь утку по-пекински...

- Я есть по менталитету фарцовщик джинсами из Калининграда.

Так нарисовался передо мной Серёга в день нашего знакомства.

Шла тогда вторая неделя смуты 1993-го. Под вечер во вторник я приплёлся в редакцию. Сдал в секретариат заметки со своими мыслишками о шуме-гаме в Москве. И услыхал от Жени Нефёдова - ответственного секретаря:

- Помощница Командира названивает. Тебя у приёмной обождался какой-то фестивальный мужик.

Кабинет Командира - главного редактора нашей газеты «День» Александра Андреевича Проханова - был этажом ниже секретариата. Я спустился по лестнице.

Рядом с приёмной прохановского кабинета в коридоре стоял диван. На нём восседал мордоворот лет тридцати пяти. С драгоценного его пиджака, казалось, сыпались искры, от высокого лба и упитанных щёк - веяло жарким курортом. В правой руке с золотым перстнем-печаткой он держал номер газеты «День» с моим последним репортажем из Дома Советов.

Ага, заметил я себе, очередной читатель прибыл пытать меня нотациями. Как вихри враждебные меж двумя ветвями власти завеяли, мне раз по десять на дню приходилось выслушивать: что писать надо во вразумление парламента. Наставлять через газету депутатов на победоносные шаги по выкуриванию Ельцина из Кремля жаждали и голодные, и сытые.

Мордоворот представился: Сергей Потёмкин. Продекларировал свой менталитет. Доложил, что в политику он никоим боком не вхож. И, к изумлению моему, далее изрёк:

- Мне не всё равно, кто победит: Ельцин или парламент. Поэтому я, Потёмкин, решил развеять тьму в Доме Советов и купил в подарок депутатам передвижную электростанцию.

Он взмахнул номером «Дня»:

- Вот вы тут расписываете, как маются в парламенте без света. Лично меня это не волнует. Заседают депутаты при свечах - и пусть. Пусть клянут Лужкова за лишение их удобств. Но, чтоб парламент мог доказать народу свою правоту перед Ельциным, ему нужно врубить его радиопередатчики и обратную связь держать с правильным людом - от Москвы до самых до окраин. А моей электростанции - залей в неё малость бензина - хватит и на радиотрансляцию, и на питание раций, и на зарядку телемобильников. И на свет для заседаний, кстати, тоже.

Изжоги у меня пижонистый гость редакции уже не вызывал. Я даже вмиг избавился от вызванной недельным недосыпом сонливости и сам продолжил разговор:

- До подарка такого парламенту вы додумались или кто-то другой?

Крупной ладонью светоносец Потёмкин поправил аккуратную причёску:

- Я - в прошлом комбат-десантник. Не один год в Афгане гонялся за душманами. Кому, как не мне, знать - что значит радиосвязь?

- Странно,- вырвалось у меня,- «афганцам» режим Ельцина солидные льготы в коммерции даровал, и они им довольны в большинстве своём. Вы, судя по виду вашему, также не бедствуете. Но покупаете для парламента инструмент против Ельцина.

- Я против Ельцина и с автоматом пойду, если стрельба начнётся. Не важно, какой у меня доход. Мне, нормальному человеку, мразь трудно переваривать.

Потёмкин откинулся на спинку дивана:

- Меня в 1989-м выписали из госпиталя, и что тут обнаружилось? Я - отставной боевой офицер с орденами - нищий, а с кооператоров, которых Горбачёв наплодил, жир капает. Они - кровь за Родину проливали? Они - луноход изготовили, БАМ построили? Разбогатели жулики с блатом - те, кто через власть выдоил государственные ресурсы в свои кооперативные ведёрки.

Я не пропал. Способ добывать на кусок хлеба нашёл - покупал джинсы в Польше и перепродавал в Калининграде и Риге. Но мои деньги - это труд весь на нервах. А жулики под речи Горбачёва о народном благе перестроили кооперативы в банки с биржами и не соки уже, а кровь стали из государства на халяву высасывать.

Ход мысли моего собеседника скуку не навевал, и я разговор не только не свернул, но сам продолжил:

- На ваш взгляд, Горбачёв и Ельцин - это два сапога - пара?

Потёмкин решительно замотал головой:

- Нет. Горбачёв - башмак в навозной жиже - вспоил-вскормил кровососов. Но при нём их аппетиты всё-таки ограничивались. А Ельцин - сапог в дерьме - сделал власть обслугой кровососов. Дал им цены без контроля и свободу афёр - с грошами, с арендой-покупкой зданий, с экспортом: налоги не платите, кредиты из бюджета заныкивайте, граждан с вкладами в банках облапошивайте, заглатывайте задарма торговлю и сервис, зарывайте за бугром валютную выручку, тащите импорт, а в таможне фиг оставляйте, а не пошлины. Короче: обогащайтесь как сумеете. Страну оголодите окончательно - не проблема. Построение капитализма требует жертв. Ельцин, в отличие от Горбачёва, не мечется туда-сюда между трудом и капиталом. Он своей политикой изготовляет капиталистов - бугров, столпов нового строя. Но из кого изготовляет? Из гнид. А я не хочу жить при вшивом капитализме.

Из руки в руку Потёмкин переложил номер «Дня» с моим репортажем из Дома Советов:

- Здесь у вас - точный вывод. Парламент мешал вхожему в Кремль жулью приватизировать самое лакомое: нефтескважины, газопроводы, шахты с рудниками, порты, крупные заводы. И именно потому Ельцин издал указ о его роспуске. Парламент указ не признал. За ним - закон. Но, как я понял из ваших слов, депутаты не рвут пуп, чтоб их постановление об отставке Ельцина было выполнено. Они сидят и ждут, что он сам уйдёт, что испужается скрипа перьев в Конституционном суде, который шьёт ему нарушение закона.

Но на кону - куш: несметное добро. Не исчезнет Ельцин из Кремля - гниды этот куш сорвут и в громадных вшей превратятся. Ельцин им позарез нужен. За ним - денежная сила гнид. Не выставит против неё парламент кулак из нормальных людей, всё профукает. Ему до этих людей надо докричаться, и моя электростанция тут может пригодиться. Поэтому я вас прошу мне подсобить.

Я вывел на лице недоумение:

- В чём подсобить?

- Все подступы к Дому Советов перекрыты. Проход только с одной стороны. Там - пост милиции. Надо, чтоб бойцы из охраны парламента его смяли и забрали у меня электростанцию. Вы, если вашей статье верить, в разные парламентские кабинеты вхожи. Можете с кем-то из начальников договориться насчёт бойцов?

- Вероятно, да.

- Тогда забираем станцию и - марш?

- Где забираем?

- Под окнами вашей редакции.

- Едем.

Мы встали с дивана. Потёмкин протянул мне руку:

- Приятно встретить писателя статей, который от теории готов перейти к практике.

Электростанция Потёмкина, упакованная в крепкий деревянный ящик, стояла на прицепе к авто - «Ладе» последнего писка моды. Когда мы сели в её кресла, я спросил:

- Машину вы напрокат взяли?

- Нет,- взметнул он бровями,- купил. Моя она.

- Но номера у неё московские. А вы говорили, что торгуете джинсами в Калининграде.

Потёмкин включил первую скорость:

- Торговал. До реформ Гайдара. Он цены отпустил, и денег в кармане у народа на еду еле хватать стало. Джинсы с куртками залёживались, и я переквалифицировался. Завязал постепенно со шмотками и взялся за харчи. Капиталец имелся, авторитет - тоже, и вышло недурно.

Он сделал паузу, выруливая со двора в поток машин на Цветном бульваре:

- А зимой позапрошлой приехал в Калининград мой батя. Мы вместе не живём тридцать лет - у него другая семья. Но отношения у нас прохладными никогда не были. Так вот, он узрел, как я дело с продуктами поставил, и приговорил: «Тебе нужен новый масштаб - перебирайся в Москву». Батя до разгрома СССР ходил в замах у союзного министра, связей у него полно. Кое-чем он мне помог, и теперь у меня фирма - здесь. Я арендовал нижний этаж жилого дома в Замоскворечье, откопал толковых хлопцев - из десантуры в основном, навёл мосты в местной системе купи-продай, и опт-вал наш на харчовом рынке хоть и не шибко, но растёт.

Так-так, мелькнуло в моих извилинах, выехал я в Дом Советов с рядовым фарцовщиком из провинции, приеду туда со спекулянтом-оптовиком из столичной торговли продуктами - сплошь почти криминальной. Дар парламенту от первого блистал бы благородством, дар же от второго попахивал корыстью.

Ведь мог бы Потёмкин, я рассуждал, ущучить у подъездов Дома Советов кого-то из депутатов, знакомых по телевизору, и мог сам договориться о доставке электростанции. Но в этом случае не исключалось: кто из деятелей парламента у него подарок принял, тот о нём, как о дарителе, тут же и забыл. А если преподнести станцию через журналиста, то факт дарения, как пить дать, попадёт на газетную полосу. Победит парламент, родится новая власть, и публикация даст шанс постучаться в её двери: голубушка, у меня, коммерсанта Потёмкина, заслуги перед тобой и моей фирме грех не посодействовать...

Мы миновали станцию метро «Баррикадная». За ней следовало поворотить налево. Но путь потёмкинской «Ладе» перегородил густой людской поток, валивший к Дому Советов. Застряли мы в нём минут на десять, и пока сквозь него продирались, мои подозрения о небескорыстном дарении электростанции укрепились.

Три дня назад в то же примерно время такого многолюдья сторонников парламента у «Баррикадной» не было. Но тогда и не было у Потёмкина желания дать свет депутатам. А сегодня, 28 сентября, оно у него вдруг появилось. Почему именно сегодня?

Недельное противоборство Кремля и Дома Советов завершилось вничью. 21 сентября президент Ельцин на бумаге совершил государственный переворот: издал противозаконный указ о роспуске парламента - высшего органа власти в Российской Федерации. Съезд депутатов тем же днём и также на бумаге с переворотом расправился - постановил отрешить Ельцина от должности. Но он остался хозяином в Кремле, а депутатов никто не выносил из Дома Советов - ни живыми, ни мёртвыми. Налицо была исключительно словесная война. А в ней, несмотря на то, что все электронные пушки били через эфир по парламенту, Ельцин не выигрывал.

Чем изощрённей телеканалы и радио смешивали депутатов с грязью, тем больше москвичей шли к Дому Советов выказать свою солидарность с ними.

Вялотекущая разборка двух ветвей власти каждому обывателю позволяла спокойно сделать выбор. А поскольку Ельцин, а не парламент, озолотил меньшинство и вверг в нищету большинство, то в подсознании этого большинства мало-помалу возникал иммунитет против ельцинской пропаганды. И все её потуги давали эффект прямо противоположный желаемому.

Политически пассивный гражданин смотрел телерепортаж, где Ельцин - благодетель, а парламент - сборище мракобесных болтунов, и делался политически активным. Но активным - на стороне парламента.

Вечером в понедельник, 27 сентября, у Дома Советов состоялся грандиозный митинг. Такой тьмы народа стены парламента раньше не видывали. На воскресный же митинг ельцинистов на Красной площади с концертом оркестра Ростроповича в качестве приманки людей собралось в несколько раз меньше.

Ничья в словесном поединке Ельцина и парламента была явно в пользу последнего. Выбор большинства стал очевиден - и не только политологам.

Сегодня поутру, когда я дома ещё корпел над заметками, мне позвонил мой главный редактор Проханов:

- Запиши телефон управления общественных связей банка «Менатеп». Освободишься, свяжись - там предлагают разместить у нас их рекламу.

Разумеется, я связался и получил приглашение - прийти и заключить договор на 22 миллиона рублей. Ни от каких банков прежде нам подобных приглашений не поступало.

Редколлегию нашего «Дня» украшали самые ненавистные Кремлю депутаты - Бабурин, Павлов, Астафьев, Константинов. Их фракция «Россия» доминировала в Верховном Совете. Они срывали бурные аплодисменты на массовых антиельцинских митингах. Им, свершись отставка Ельцина де-факто, если не ведущие министерские посты светили, то уж точно - решающая роль в формировании нового правительства. Так с бухты ли барахты крупный банк «Менатеп» поспешил осчастливить нас рекламой?

И не по сходным ли с банкирами мотивам неслабый коммерсант Потёмкин надумал через сотрудника «Дня» оказать услугу парламенту?

Вёл ли он со мной игру или из идейных убеждений электростанцию купил, мне было всё едино, по большому счёту. Я согласился стать посредником в благом деле и о том не пожалел - ни когда искал в Доме Советов генерала Макашова, ни когда с приданным мне по его приказу взводом казаков возвращался назад к Потёмкину.

Его «Лада» была припаркована у забора стадиона «Красная Пресня» - чуть поодаль от нескончаемой толпы, плывшей от метро к парламенту. Увидев меня с казачьей свитой, Потёмкин отсоединил от машины двухколёсный прицеп с электростанцией. Трое казаков подхватили его спереди и покатили задом. Остальные - прокладывали им дорогу в человеческом муравейнике. Милицейский пост задержать прицеп даже не попытался.

У поста я и расстался с поставщиком света парламенту. На прощание Потёмкин вручил мне визитку. Но ни словом, ни взглядом не намекнул на то, чтоб я не запамятовал им содеянное. В глазах его лишь читалось: что замыслил, исполнил - и на душе полегчало. От светлого потёмкинского довольства собой мои подозрения о корыстных мотивах дарения электростанции как-то поблёкли.

Я с приязнью пожал на прощание его стальную ладонь и потопал в толпе к Дому Советов.

Глава 2. Он вернулся из боя

Площадь перед дворцом парламента 28 сентября не была, как сутки назад, заполнена до краёв. Но народ всё прибывал - волна за волной. Народ пожилой и молодой, в обносках и шик-одеяниях с иголочки. Столь разнообличной публики вместе мне в былое время не доводилось видеть, хотя за два последних года я не пропустил ни одного из многих антиельциновских митингов. Ряды злобу на Ельцина выплёскивающих колоссально обновились и пополнились.

С балкона Дома Советов хрипло сотрясал воздух мегафон -

глаголились решения депутатов из провинции: Новосибирский облсовет не выполнит указ Ельцина о роспуске парламента, Владимирский - считает его не действующим в области... За каждым таким известием следовал гром аплодисментов. На площади витал победительный дух.

Я протиснулся в прорве митингующих к двадцатому подъезду Дома Советов и поднялся на пятый этаж - в буфет. Там, купив бутербродов, сел за столик к одиноко вкушавшему сыр с хлебом депутату Николаю Павлову. Он, неделю не покидавший здание парламента, полюбопытствовал:

- Ну и какие у вас на оккупированной территории новости?

- Забавные,- ответствовал я в тон ему.- К вам, в свободную от ельцинизма зону, вот-вот выдвинется Моссовет - в полном почти своём депутатском составе. Он ножками прошествует с Тверской на Красную Пресню и останется под вашей крышей дневать с вами и ночевать.

Павлов поморщился:

- Большая нам выпала удача. Ты б лучше соврал мне на радость, что из Рязани идёт маршем присягать парламенту десантная дивизия.

Я заглотил остаток бутерброда с философским причмоком:

- Все музы, от Каллиопы до Терпсихоры, любят терпеливо-упорных. Армия ценит отчаянно-лихих. Пусть голенище с усами, назначенное вами вместо Ельцина исполнять обязанности президента, совершит подвиг. Даже не подвиг, а сумасбродный поступок с риском для жизни - и флаги дивизий в гости к вам обеспечены.

В полемике Павлов напоминал волкодава. Но на сей раз он мой не бесспорный постулат не растерзал:

- Да в жизни всегда есть место подвигу. Но если господин Руцкой не нашёл его за целую неделю, то теперь уже не найдёт и подавно. Ты заметил, как с воскресенья Кремль изменил акценты в пропаганде?

- Помои на ваши головы пошли на убыль. Заседайте вы с сентября хоть до белых мух, хоть до чёрных. От вас самих вреда уже никакого - вы списаны указом Ельцина на свалку истории. Но поскольку вам туда не хочется, вы используете для защиты от Ельцина полууголовный сброд. К вам едут со всей страны головорезы, хлебнувшие крови в «горячих точках» бывшего СССР. Они, возрастая в числе день ото дня, получают оружие, захватывают заложников и пытают их в подвалах Дома Советов. То есть вы, истреблённые указом народные депутаты РСФСР, свиваете в центре Москвы гнездо террористов, и именно поэтому вас нельзя оставлять в покое. Так всё подаётся?

- Не знаю, как по телевидению, а по радио - близко к тому. А кому, по-твоему, галиматьевая страшилка адресована в первую очередь?

- Не столице нашей Родины.

- Но и не провинции. Казарме. Там нет источников информации, кроме ельцинских. Нет ни наших листовок, ни газет вроде вашей. Там высосанная из пальца угроза Москве от боевиков-наёмников и политической шпаны выглядит правдоподобной. А какой отсюда вывод?

Я не уразумел, к чему клонит Павлов:

- Какой?

- Винтовка, которая рождает власть, всё менее нейтральна к нам. Время работает против нас. Мы скоро получим статус стада баранов, приговорённых к закланию.- Павлов опустил кулаки на стол,- Ладно, хватит скулить. Пойдём на балкон покурим.

- Минуту,- не мог я уняться.- Вы ждали штурма Дома Советов в первую ночь после переворотного указа

Ельцина. Вы готовились к нему во вторую ночь и в третью... Но он не случился до сих пор. Почему? Оружие у вас выдано не шпане, а красным офицерам и белым казакам с боевым опытом. Ненавидя одинаково Ельцина и воров за ним, они кровушки не пожалеют - ни своей, ни потенциальных штурмовиков. Значит, приказ на штурм - это приказ на обильное кровопускание. Кто из генералов его отдаст, тот рано или поздно пойдёт под суд. А в нынешнем генералитете погоду делают те, кому собственная шкура - всего дороже. Маловероятно и появление приказа - риск для карьеристов велик - и его доблестное исполнение. В натасканных на штурм спецподразделениях командиры знают наверняка, что Дом Советов обороняют профи. Лезть под их пули ради спасения мошны ельцинских жирных котов спецназовцам резона нет. Так может не винтовка, а толпа родит новую власть - как это было в августе 1991-го?

На усталом лице Павлова вскипел гнев и вылился в частушку:

- Милый мой, Абрам кривой, я твоя подслепая... Он вонзил в меня зрачки:

- Ты веришь, что в августе 1991-го высшая номенклатура СССР, соорудив ГКЧП - Госкомитет по чрезвычайному положению, действительно хотела спасти от распада великое государство и изменить политику в пользу большинства?

Я развёл руками:

- Единственно правильного мнения на сей счёт не имею. Абсолютно точно знаю: Председатель КГБ СССР, член ГКЧП Владимир Александрович Крючков, уезжая с дачи в день изоляции Горбачёва в Форосе, сказал жене - Екатерине Петровне: «Не успел вот убрать черноплодную рябину. Теперь её птички поклюют». Что стоит за этой фразой? Возможно, сговор с Горбачёвым: сегодня я приказал запереть Михаила Сергеевича в Форосе, а завтра он с триумфом оттуда выйдет и мне, Крючкову, придётся малость посидеть в тюрьме - до того, как птички склюют мою рябину.

Кто-то, видимо, в составе ГКЧП был предателем, кто-то - трусом. Поэтому послушная комитету винтовка не выстрелила и не разогнала полупьяную толпу. И она своими криками сделала Ельцина главным в Кремле и позволила ему разгромить союзный Центр. Сейчас винтовка тоже, скорее всего, будет молчать - де-юре она подчиняется и. о. президента Руцкому, де-факто - низложенному президенту Ельцину. А ему ей, винтовке, возжелай он крови, с какой радости повиноваться? Так что...

- Не стратегически мыслите, сударь,- не дал мне договорить Павлов.- Приснопамятный ГКЧП - верхушка айсберга номенклатуры - плыл туда, куда дрейфовала основная глыба. А она уже успела словить кайф от того капиталистического уклада, который сладили в недрах социализма Горбачёв с Рыжковым. Номенклатура богатеть хотела, а не наводить прокукареканный ГКЧП порядок. Будь всё не так, чины из ЦК КПСС, Совмина СССР и силовых ведомств сгрызли бы кого угодно. Горбачёв, даже при шурах-мурах с кем-то из ГКЧП, вечно куковал бы в Форосе, а Ельцин, который, по сути, устроил мятеж против законного органа союзного правительства, пилил бы лес в красноярской тайге. Но у высшей советской номенклатуры не было стимулов драться за власть. С потерей постов главные чиновники в ЦК и министерствах СССР ничего не теряли - у всех уже были свои теневые фирмы, банки, совместные с иностранцами предприятия, доход от которых превышал все номенклатурные блага. А теперь иное время на дворе и иные ставки в драке за власть.

Павлов огладил свою иссиня-чёрную бороду:

- Вокруг Ельцина стоит круг лиц, имеющих не деньги, а огромные деньги. Его уход из Кремля не только создаёт им проблему - как сохранить и приумножить капитал? - но и открывает некоторым вид на тюремную решётку. Любому из них очевидно: в схватке Ельцина с парламентом толпа на нашей стороне. Поэтому они бросят мешки рублей и долларов на то, чтобы одних с винтовкой сбить с понталыку и удержать от вмешательства в схватку, а других - сделать наёмными убийцами. Ну а ты, я надеюсь, понимаешь: вопль толпы перед пальбой винтовки - ничто.

Железные вроде бы доводы Павлова меня не разубедили. Выстрелит ли винтовка - бабушка надвое сказала. А превеликая толпа с победительным духом - вот она - у стен парламента.

Сказанное Павловым о подкупе винтовки я вряд ли бы скоро вспомнил, если бы через пару часов от шелеста огромных денег не хрустнула моя правая ключица.

В сумерках Дом Советов наглухо изолировали. Вся территория вокруг него была оцеплена поливальными машинами и колючей проволокой. У единственного прохода к парламенту меж стадионом «Красная Пресня» и сквером, где был пост из пяти милиционеров в обычной форме, теперь стояла в два ряда орда ОМОНа - в бронежилетах, в касках, с пластиковыми щитами и резиновыми дубинками.

Прочь следовавших от Дома Советов омоновцы выпускали и никого к

нему не пропускали. Драли глотки, выставляя пред собой мандаты, депутаты Моссовета. С благим матом тыкались в бронепластиковый заслон неомандаченные граждане. ОМОН не внимал ни тем ни другим: проход туда был закрыт для всех.

Ор толпы мало-помалу оборачивался в единый воинственный гул: по какому праву нас лишают свободы передвижения по городу?! С теми, кому перекрыли дорогу, объединялись уходившие от Дома Советов. Возмущённые человеческие тела у рядов омоновцев набирали ту критическую массу, которая способна была продавить и разметать заслон. И тут раздался диковинный грохот.

Я околачивался на правом краю толпы и при гвардейском моём росте мог всё вокруг обозревать. Грохот издавала как из-под земли явившаяся с трёх сторон тьма солдат в шинелях и стальных зелёных касках. Шагая к толпе, солдаты лупили дубинками по щитам в их руках: всех сейчас будем мутузить!

Поголовного избиения не свершилось. И солдатики срочной службы из дивизии внутренних войск, как читалось по их погонам, и толстомордые мужи из ОМОНа обрушили дубинки на толпу как-то нехотя, лениво. Они не столько удары наносили по людям, сколько пугали их взмахами дубинок. Но масса солдат и омоновцев превышала массу толпы, и та вытеснена была по переулку на магистраль - улицу 1905 года. Толпа разлилась по тротуару, омоновцы и солдаты отхлынули назад к Дому Советов.

Паники в толпе натиск дубинок не вызвал ни малейшей. Заполненный народом тротуар клокотал, как кипяток: нас оскорбили применением силы, и мы должны отмстить. Стихийно, без всяких призывов, толпа обратно двинулась в переулок, из которого её только что выдавили. Но новую стычку с дубинками остановил истошный женский крик:

- Товарищи, мы не пройдём. Там - стена. Дом Советов - от мира отрезан. В нём уже убивают - и депутатов, и рядовых защитников Закона. Пусть об этом все узнают - выйдем на дорогу и остановим движение.

Истерика молодой по голосу дамы вдруг сработала как приказ. Толпа впервые за час услыхала конкретное указание и тут же взялась его исполнять.

На проезжую часть улицы с поднятыми вверх руками высыпали перед мчавшимися машинами сначала десятки, а затем сотни людей. Машины с двух направлений движения под мат водителей разворачивались и удалялись прочь. Толпа завладела улицей и немедленно приступила к строительству - строительству баррикады. Никто к тому не взывал. Толпой руководил неведомый какой-то инстинкт.

От расторопности баррикадостроителей у меня просто дух захватывало. Кто-то тащил со дворов на улицу металлические баки для мусора, кто-то - деревянные доски от столиков и скамеек. Скелет автомобиля «Запорожец» без колёс и стёкол, полусгнивший тополь,

покалеченный диван и пустые фанерные ящики изымались откуда-то и доставлялись на улицу 1905 года. Первая с того года баррикада в Москве сооружена была творчеством масс минут за пятнадцать.

Ещё столько же времени сотворившие её довольно поглядывали на собственную постройку и на круговые потоки машин с двух её сторон. А потом стали слышны речи: пора так же перекрыть Садовое кольцо.

Тысячи полторы людей, и я в их числе, рысью мелкой поднялись в горочку мимо станции метро «Баррикадная» к Садовому. Здесь перерезать автомобильное движение удалось быстрей. Бойкие парни из толпы сходу напали на троллейбус у остановки, высадили водителя и, скинув рога-токоприёмники с электролинии, руками выкатили внушительную машину поперёк дороги. Два прибывших троллейбуса постигла такая же участь. Возникла преграда транспорту из транспортных средств. Парализовав движение, толпа у троллейбусной баррикады начала скандировать:

- Ель-цин - у-бий-ца! Ель-цин - у-бий-ца!

В сотне метров от баррикады топтались у «Форда» с мигалкой трое офицеров ГАИ и спокойно наблюдали за буйством толпы. Но, не реагируя на неё, они сообщили о происходящем куда следует - Садовое опустело: коллеги офицеров заворачивали машины задолго до подъезда к баррикаде. Делалось это, как оказалось, не только для того, чтобы скрасить неудобство водителям.

Не успела толпа вволю пошуметь, как на пустынном Садовом со стороны Нового Арбата заревели сирены милицейских автобусов. Они мчали пятью колоннами и у баррикады рассыпались веером. Из них высыпали омоновцы - несть им числа - и, не проронив ни слова, бросились на толпу, охаживая дубинками всех подряд. Им отвечали кулаками. Но мужчины в толпе разделены были женщинами, и тех, кто пробовал отбиться в одиночку, захлобыстывали сразу несколькими дубинками.

Брызгая кровью, толпа попятилась к тротуарам и проёмам между троллейбусами. Окровавленные лица, стоны, ругательства и женские визги омоновцев не утихомиривали, а распаляли. За троллейбусной баррикадой толпа рассыпалась во всю ширь Садового, и избиение её пошло с таким остервенением, что она вся до единого человека побежала.

Я удирал от дубинного вала к площади Маяковского в компании народа, гораздо менее меня подвижного. Драпать было стыдно и противно. Кроме того, мне хотелось поглазеть - кого и как будут колошматить, чтоб завтра это описать. Поэтому, прибавив темп, я изрядно от компании оторвался и стал у арки монументального дома с видом случайного прохожего: не понимаю - что здесь за буза?

Компания строителей баррикады прочесала мимо меня с минутным примерно отрывом от дюжины преследовавших её омоновцев. Я, добродушно скрестив руки на груди, замер на месте: мне ни до чего нет дела. Но один из дюжины так не посчитал и, поравнявшись со мной, повернул к стене дома и сходу опустил дубинку на мою голову. Я

уклонился от удара, спружинив корпусом. Омоновец саданул меня ботинком в бедро. Я плюхнулся в стену и, оттолкнувшись от неё, пнул ногой его в живот. Он отлетел на пару метров. Но сбоку подскочил другой омоновец и со всего размаха огрел меня дубинкой - целил он по голове, попал по ключице. От боли острой в моих глазах потемнело. Я сполз вниз по стене с мыслью: надо закрыть голову - иначе забьют. Но побоев не последовало. Люто залаяла собака - из арки вышла миниатюрная старушка в платочке со здоровенной овчаркой на поводке. Тот омоновец, которому я всадил пинок, прорычал:

- Бабка, убери зверюгу. Пристрелим.

Старушка безмолвствовала, овчарка кровожадным заливалась лаем. Я приподнялся, бочком правым продвинулся вдоль стены и нырнул в арку. Погони не было. Овчарка лаяла и лаяла.

К метро «Маяковская» я добрался без проблем. Ключица ныла. Но ныла вполне терпимо. И лишь дома мне стало ясно: вместо одной кости от правого плеча до грудины - у меня теперь две.

Вызвав «Скорую», я попал в больницу в Сокольниках, где, сделав рентгеновский снимок, мне поставили диагноз - внутренний перелом ключицы со смещением: надо надевать кольца - гипсовую повязку, стягивающую два плеча через шею и спину.

Три дня я привыкал дома жить в обручах из марли с гипсом. Ни 29 и 30 сентября, ни 1 октября, как говорили репортёры по телевизору и приятели по телефону, у Дома Советов ничего нового не происходило. Там по-прежнему били всех. Били, между прочим, одиночек, случайно оказавшихся у заслонов ОМОНа, били с успехом, обращая в бегство огромные толпы. Омоновцев навезли в Москву со всей страны - чёрт на печку не вскинет. Им, вероятно, платили бешеные деньги, и их необъятная сила, помноженная на корысть, изничтожала все потуги сторонников парламента прорвать блокаду Дома Советов.

Поскольку бить начинали сразу у выходов из метро «Баррикадная» и «1905 года», в субботу, 2 октября, враждебная Ельцину организация «Трудовая Россия» назначила свой митинг на Смоленской площади. Узнав о том, я с затворничеством распрощался: что дома сиди-лежи, что спокойно гуляй среди народа - сломанной ключице всё едино. На удалённой от депутатской резервации площади, по моему разумению, побоища не предвиделось.

Мимо гастронома у метро «Смоленская» я вышагивал, ни малейшей не чувствуя тревоги. До начала митинга оставалось минут десять. Перед ступеньками здания МИДа ещё и тысчонки народа не собралось. Никто не горланил в мегафон. Но мирное собрание кем-то уже было признано общественно опасным.

К мидовской высотке подкатывали один за другим милицейские автобусы. Я замедлил шаг. Из автобусов неспешно вывалили омоновцы в чёрных беретах. Я застыл на углу Садового и Старого Арбата,

перегороженного высоченной сценой на металлических трубах. Концерт здесь должен был быть в честь 400-летия Старого Арбата. Омоновцы молча и равнодушно, будто нерадивый скот был перед ними, а не люди, стали колотить дубинками мужчин и женщин.

Толпа, как ни странно, так же молча, отбиваясь древками от флагов и транспарантов, авоськами и трубочками газет, засеменила спинами к Старому Арбату. С первыми из обращённых вспять я поворотил мимо сцены на арбатский тротуар. За нами медленно потянулись и остальные гонимые.

Вся почти толпа втекла с Садового на Старый Арбат через узкий проход по тротуару между трубожелезной сценой и стеной дома. Последние из отступавших - с десяток мужиков - закупорили своими телами проход и ногами и кулаками остановили омоновцев. Бой был краткий, но свирепый. Средь сопротивлявшихся натиску образовались битые-перебитые, которые поползли по асфальту и подхвачены были на руки толпой. Прочие под побоями сами унесли ноги.

Чем больше омоновцев наплывало по тротуару на Старый Арбат, тем шире вдоль и поперёк улицы растекалась толпа. Видимо, не я один, временный инвалид по собственному растяпству, подумывал: куды скоро придётся бечь?

Когда примерно треть омоновского отряда вышла на Старый Арбат и вторая серия избиения стала реальной, мегафон разнёс хриплый голос Виктора Анпилова - лидера «Трудовой России»:

- Сколько мы ещё будем терпеть зверство?! У них - дубинки, мы возьмём железки. Хватайте трубы из этой каракатицы.

Анпилов сам двинулся к сцене. За ним - чуть ли не всё правое крыло толпы. Сцена затряслась. Но сразу вырвать из неё удалось лишь пару труб. К мгновенной разборке сборная металлоконструкция оказалась малопригодна. Это уяснил себе густобровый командир омоновцев и приказ бить отдать не поторопился - ещё далеко не все его бойцы миновали тесный проход по тротуару и ступили на Старый Арбат.

На правом крыле толпы в минутную до новой схватки паузу по-прежнему упрямо терзали сцену, на крыле левом я заметил некую суету: раздвигая перед собой людей, вперёд шествовал дородный мужик, обтянутый по пояс курточкой из тонкой коричневой кожи.

Он отделился от толпы, сделал шагов пять прямо на омоновского командира и, вытянув правую руку, указательным пальцем поманил его к себе. Я глазам своим не верил, признавая в рисковом мужике... коммерсанта Сергея Потёмкина. Но это был он - по лицу и по стати.

Командир от наглости не опешил. Головы не поворачивая, он пошевелил губами и рядом с ним стоявший широкоплечий сержант в два прыжка долетел до Потёмкина и весь свой вес немалый и скорость вложил в удар дубинкой. Потёмкин остался цел и невредим. В момент удара он

сам прыгнул к сержанту, перехватил его правую кисть с дубинкой, дёрнул её в одну сторону, в другую - рубанул ботинком по правой стопе нападавшего и отпустил кисть. Подсечённый сержант покатился по асфальту.

Обида за сослуживца сама собой, без приказа, бросила из рядов омоновцев на Потёмкина сразу трёх толстомордых кряжей. Они взяли его в кольцо, и ему, мне казалось, уже не найти было защиты от их дубинок и пинков. Все вокруг замерли. Но то ли ивканьем, то ли гайканьем Потёмкин разрушил тишину, бешено завертелся по крохотному кругу, и чудным каким-то образом подошва его ботинка хряснула по челюсти одного из омоновцев. Тот рухнул к ногам командира, а Потёмкин, словно бес летучий, резко увеличил круг своего верчения и в полёте второго омоновца уложил прямым ударом правого кулака в подбородок, третьему - всадил левый локоть в горло.

Оглядев падшие пред ним тела, Потёмкин, мне из толпы это было видно, устремил взгляд на командира омоновцев и снова поманил его к себе пальчиком. Командир, я впервые заметил, что у него погоны капитана, во всю глотку гаркнул:

- Этих убрать в автобус, на этого надеть наручники - учить его будем в другом месте.

Приказ, как удар тока, весь застывший отряд омоновцев привёл в движение. Но, удивительно для меня, вырубленных Потёмкиным подхватили и унесли немедленно, а его заковывать в наручники сразу никто не рванулся. Сила, я себе заметил, напоровшись на силу, распалялась не спеша и обдуманно. И страшно было представить, с какой лютостью отряд вот-вот набросится на Потёмкина и прихлынувшую к нему толпу Но справа, от сцены из труб, вдруг кто-то крикнул:

- Товарищи, здесь камни!

Крик взорвал толпу Мгновение - и в отряд карателей полетели обломки кирпичей. Толпа вооружалась стремительно, и грозные ещё минуту назад омоновцы, на которых не было касок и бронежилетов, со страхом сбиваясь в кучу, ринулись в проход по тротуару прочь со Старого Арбата. Толпа, прихватывая камни, повалила следом.

Когда я вышел на Садовое, автобусы с разбитыми стёклами пятились, увозя от здания МИДа побитых омоновцев. Впервые за пять дней в бегство вдарились каратели, а не бунтари.

На Садовом у Смоленской площади происходило то же, что в минувший вторник на улице 1905 года: толпа перекрыла движение и строила баррикады. Сразу две. Стройматериалов оказалось предостаточно. Нашлось в близлежащих дворах и оружие пролетариата - булыжник. В немалом количестве. Оружие сие весьма пришлось кстати. И часа не минуло, как вместо драпанувших омоновцев на Садовом высадились несколько сотен их коллег. В полной карательной экипировке - в касках, бронежилетах, со щитами и дубинками.

Дважды свежие силы ОМОНа, укрывшись щитами, накатывали стеной на баррикаду слева от МИДа и дважды под градом камней отступали. Воинствующая толпа между двумя стычками с омоновцами возросла как минимум на треть - в неё вливалась со Старого Арбата гулявшая там молодёжь. Вливалась и брала в руки камни.

От третьей попытки разметать толпу омоновцы отказались. Они не исчезли, но и на штурм не лезли. Просто стояли в несколько рядов, наблюдая за толпой.

Народ к баррикадам на Садовом всё прибывал и прибывал. Какие-то юноши притащили со двора старые автомобильные покрышки и запалили их. Кто-то затягивал песни. Кого-то на стихи потянуло. Толпа, оставленная ОМОНом в покое, теряла буйство, и если бы не густой чёрный дым, валивший от горящих покрышек, то собрание людей на Садовом напоминало бы традиционное народное гулянье в городе в советское время.

Я слонялся от баррикады к баррикаде и встретился в толпе со многими своими знакомыми. Но ни разу мне не попался на глаза Потёмкин. Подивил он народ на Старом Арбате и исчез.

С наступлением темноты меж баррикадами стало ещё многолюднее. А надзиравшее за толпой полчище ОМОНа вдруг снялось с места. Автобусы с омоновцами убыли, а прибыл к левой баррикаде грузовичок с громкоговорителями. Но него взошли депутаты Верховного Совета Константинов и Уражцев. С ними - полковник милиции.

Депутаты толпе поведали: в Свято-Даниловом монастыре, в резиденции Патриарха Московского и Всея Руси, начались переговоры - за один стол сели представители Ельцина и парламента. Обсуждают они: как полюбовно прекратить схватку - обе стороны согласились искать компромисс.

Полковник призвал толпу разойтись: освободите Садовое кольцо, пощадите водителей, страдающих в пробках, а митинговать продолжайте завтра на Октябрьской площади - там сбор разрешён.

Призыв освистали. По толпе прокатился гул недовольства. Но далеко не единодушный. Я это уловил и вывод сделал: всё, бузы сегодня больше не будет - пора домой.

На грузовичок к депутатам и полковнику прорвались активисты «Трудовой России». Из динамиков громкоговорителей понеслось: банду Ельцина - под суд, никаких переговоров. Я выбирался из толпы к метро. И на ходу кто-то меня окликнул по имени-отчеству. Я обернулся. Ко мне пробирался рослый дядя в тёмном плаще и чёрной широкополой шляпе:

- Привет писателям статей.

Уже до того, как он приподнял шляпу, до меня дошло: передо мной был Потёмкин.

- Вы, господин хороший,- я протянул ему руку,- часто перенаряжаетесь. Как вельможа. Сегодня в полдень я лицезрел вас в коричневой кожаной куртке.

- Было дело,- Потёмкин как бы виновато улыбнулся при рукопожатии.- Заяц цвет шкуры меняет по сезону, человек одежду - по обстоятельствам. Менты, ох, не любят тех, кто их мордами на асфальт кладёт. Указивку на меня, после моей засветки на Старом Арбате, небось по всему городу разослали. А мне рано - лапы за спину. Всё интересное только заваривается.

- Кто знает. Торг ведь в монастыре идёт: вернуться к 21 сентября - и о событиях одиннадцати дней забыть. Ельцин добровольно подаёт в отставку, парламент сам себя распускает, и до новых выборов все в Кремле и Доме Советов только временно исполняют обязанности. Делить Ельцину и парламенту больше нечего - и вражде конец. Вы не верите в такой исход?

- Мне приказывали в другой жизни, в Афгане,- Потёмкин переступил с ноги на ногу,- мировые с душманами чепурить. И если на самом деле я на перемирие целился, то дороги не минировал и засады не расставлял. Всё понятно?

- Ничего.

Поёжившись, Потёмкин застегнул верхнюю пуговицу на длинном своём плаще:

- Я последний раз у Дома Советов был с вами. Потом сделка фартовая выпала - весь ходил в мыле. И про стычки людей с милицией только краем уха слыхал. А сегодня переговоры в ресторане закруглил и думаю: дай водку до руля выдохну и по Арбату прошурую - туда, где концерт по радио объявляли по случаю юбилея Старого Арбата. Иду-бреду на артистов глянуть и вижу гастроль ОМОНа. Я ментов перевариваю не хуже и не лучше, чем блатных. Средь тех и этих есть нормальные и есть отморозки. Но нормальный блатной, не сумняшась, запытает ребёнка, если вор или авторитет прикажет. Нормальному же менту грех на душу брать не обязательно - он может или болт с гайкой на беспредельный приказ положить, или выполнить его спустя рукава. А что мы с вами сегодня видали? Нормальные менты уподобляются нормальным блатным и, как ни в чём не бывало, калечат баб и ломают кости старикам. По приказу до зверства нормальные менты не опускаются, за очень хорошие деньги - всегда пожалуйста. Раз Ельцин дал «добро» оплатить зверство, ни на какой мир он не пойдёт. Говорю вам ещё раз: самое интересное только начинается. Митинг завтра это покажет. И я на него и сам приду, и орлов со своей фирмы приведу - и мы ещё посмотрим - у кого кровь красней: у продажных ментов или у нормальных, Родине служивших десантников.

Комментировать сказанное мне не хотелось. Я изрядно озяб и решил немедля откланяться. Потёмкин моё настроение уловил, но вместо слов прощания вдруг, снова поёживаясь, обронил:

- А не заглянуть ли нам куда-нибудь поблизости и не хватить ли по стопке для сугрева?

Я согласился. В кафе-подвале на Старом Арбате мы выпили водки под салатики с ромштексом, установили, что являемся по паспортному возрасту почти ровесниками и перешли на «ты». На том и расстались: я двинул в метро «Смоленская», он - на Новый Арбат ловить такси.

Утром следующего воскресного дня, 3 октября, ровно в назначенное для митинга время - в 11.00 - я прибыл на станцию метро «Октябрьская-кольцевая». Выход из неё наружу был открыт, проход на площадь закрыт - двойным кольцом из солдат внутренних войск.

Митинга не будет, я себе доложил, будет очередная драка - вполне возможно, наиболее грандиозная в сравнении с предыдущими: народ из метро выплывал густо-прегусто.

Жаждавшие митинговать под каменным козырьком кольцевой «Октябрьской» не задерживались - растекались в обе стороны вдоль площади. Меня потянуло налево - на Якиманку. Я шёл в плотной толпе мимо двух жидких рядов молоденьких солдат-срочников сам собой неудовлетворённый: ошибся ты, братец,- митинг будет, а драки не предвидится.

Для драки с обилием пылавших от негодования сторонников парламента надобны не сотенки юнцов в шинелях, а тысячи матёрых костоломов-омоновцев в потасовочной экипировке.

У перехода к станции «Октябрьская-радиальная» я замедлил ход, стал и огляделся. Ни у подворотен Якиманки, ни на прилегающем к площади пространстве за памятником Ленина омоновцев не было видно. Что при всём том следовало думать? Не предотвращать митинг солдатиков выставили, а позлить пришедших помитинговать: хотите поорать, разгоните мальчишек с погонами и потом орите что хотите.

Эта моя догадка очень скоро стала оправдываться. Едва со стороны Ленинского проспекта толпа надавила на солдатиков, они дрогнули - рассыпались. И сразу же Двойная цепочка их кольца была разорвана ещё в нескольких местах. Причём без рукопашной. Не оказавших сопротивления юношей в шинелях никто обидеть не норовил, и они в минуту растворились во дворах.

Похоже, второе моё предположение подтверждалось: заграждением из солдатиков власть намеревалась не предотвратить митинг, а лишь потрепать нервы враждебному ей люду.

Что опасного предвещало Кремлю ещё одно сборище противников Ельцина вдали от Дома Советов? Да ничего. Это сборище, полагали, видимо, командиры карателей, отвечавшие за блокаду парламента, не могло быть убойным для изоляции депутатов. О митинге на Октябрьской площади знали только участники вчерашних беспорядков на площади Смоленской и только успевшие прочитать экстренно изданные малые по

числу листовки анпиловской «Трудовой России». А сколько таковых наберётся? Ну максимум десять-двадцать тысяч человек. Захотят они пойти побуйствовать, им на долгом пути к Дому Советов без проблем можно показать кузькину мать.

Расчёт командиров карателей на малолюдье митинга на Октябрьской площади основывался на здравом смысле, и он, наверное, оправдался бы, если б не одно обстоятельство. В ночь со 2 на 3 октября в Москве случилось информационное чудо. О митинге на Октябрьской широко не сообщали, но о нём настойчиво узнавали по телефонам - узнавали те москвичи, которые были оскорблены побоищами в столице и горели желанием выразить протест против беззаконий исполнительной власти.

Сработала неподвластная никому телефонная информ-бомба. И как только около полудня 3 октября оцепившие Октябрьскую площадь солдатики были рассыпаны, на неё с тротуаров Якиманки, с Ленинского проспекта и от выходов у двух станций метро высыпало более сотни тысяч человек. Образовалось людское море разливанное.

Непредвиденная никем массовость толпы предрешила и непредвиденное её поведение. Стоило лихой чьей-то глотке прокричать в мегафон: даёшь поход на Дом Советов! - и все на площади мгновенно позабыли, что пришли на митинг. Людское море всколыхнулось и бурными двумя потоками устремилось вниз по двум автоспускам с площади - на Садовое кольцо.

Стихийный взрыв - поход толпы к Дому Советов - никто на Октябрьской не готовил. И для власти исполнительной он был неожиданным. Когда громадная толпа по Садовому подплыла к Крымскому мосту, то оказалось, что там её встречают всего лишь сотен семь омоновцев. А где в сей момент были тысячи собранных со всей страны костоломов? Дремали в московских казармах и гостиницах?

Наспех откуда-то сорванные бойцы ОМОНа, закрывшись щитами, выстроились в самом начале моста и тем предопределили: вот тут и будет битва. Мне в неё соваться с едва склеенной ключицей резона не было. И я, обогнав колонну, сбежал на набережную реки Москвы. А оттуда поднялся по лестнице на мост - за спины омоновцев.

Они стояли в пять рядов. Без страха ждали приближение толпы и первые её нападки успешно отразили. С высокого бордюра на мосту я видел всю картину потасовки. Ряды омоновцев, перемешавшись, огрызались дубинками, кулаками, ногами и не пятились. Отряд честно отрабатывал деньги. Но битых им в толпе заменяли небитые, на один пинок омоновца толпа отвечала тремя, кто-то из демонстрантов, получив удар дубинкой, хватался за неё, кто-то помогал эту дубинку вырвать. На омоновцев наваливалась неиссякаемая сила.

Отряд на мосту не отступил. Стена его бойцов была поштучно раздёргана-растерзана, и толпа хлынула в образовавшиеся бреши. Одиночек-омоновцев окружали, навешивали им тумаков и отбирали у них

дубинки, щиты, каски и бронежилеты.

Я кинул взор на середину Крымского моста - на быстрый ход по ней авангарда толпы, который, прорвав заслон ОМОНа, разбираться с его поверженными бойцами позволил вслед за ним идущим, а сам рванул дальше. И, ба, средь вперёд устремлённых узрел славную вчера в драке на Старом Арбате коричневую кожаную курточку. Потёмкин ступал в кругу крепышей - то ли его друзей-десантников, то или случайных сотоварищей по схватке с омоновцами.

Догоняя шибким шагом авангард толпы, я узрел в конце моста шеренгу милиционеров. С длинными какими-то ружьями. Мне ещё и страшно не стало от вида этих ружей, как загрохотали выстрелы: не залпом - вразнобой.

Милицейская шеренга палила вверх, но наклонив ружья. На мосту запахло газом. Авангард толпы замер. Где-то невдалеке от меня послышался кашель. В моих бронхах тоже запершило. Я стал заматывать рот шарфом, и в сей момент мне на глаза попался Потёмкин. Точнее, его повёрнутая назад орущая голова:

- Всем! Вперёд! Бегом! Марш!

Братия мужская рядом с Потёмкиным тут же ринулась на стрелявших. За ней понеслась и остальная часть находившейся уже на мосту толпы. На атаку милиционеров газом последовала атака на них массы человеческих тел. И выстрелы неожиданно прекратились.

В шеренге с ружьями возникла сумятица. Очень заметная. Милиционеры явно не знали, что им делать. Остановить несущуюся на них толпу пальбой газовыми баллончиками невозможно. Уносить ноги - нет приказа. А третье дано? Милиционеры промедлили с решением, и времени укатить у них не хватило. Они завели грузовики и автобусы, начали их разворачивать, но были накрыты толпой.

Не успевших удрать милиционеров в мгновение ока разоружили, отлупили и отпустили. Транспорт же их толпа приватизировала. Два грузовика с железными будками и три автобуса двинулись с пешим людским потоком по Садовому - туда, к Дому Советов, туда, где незаконно пленён высший орган власти страны.

За Крымским мостом - на Зубовской площади - я обернулся. Батюшки родные! Толпа сзади - несметная. Она полуидет, полубежит. Энергия от неё исходит - как от гигантской лавины. Быть огню на поражение - вдруг закралось под мою черепную коробку: не покосят толпу-лавину пулями, она всё сметёт на нескольких километрах до Дома Советов.

Прорыв блокады парламента предотвратить теперь, мне стало ясно, можно только раздачей боевых патронов рядовым карателям. Но их командиры не учли сокрушительную энергию толпы-лавины. И они на Смоленской площади - перед поворотом с Садового к Дому Советов - выставили не роту автоматчиков, а полчище омоновцев-костоломов с

дубинками, щитами и водомётными машинами при них.

Сия абсолютно, казалось бы, непреодолимая преграда нисколько не смутила толпу. В её авангарде развернули захваченные у милиционеров на Крымском мосту грузовики с железными будками и автобусы и задним ходом под струями водомётов двинули их на первые ряды омоновского полчища. Одновременно в них полетели камни, не убранные с обочин тротуаров со вчерашнего сражения на Смоленской. Мужики из толпы отчаянно полезли в рукопашные бои с им путь преградившими. И возникло красочное зрелище.

Тысячи и тысячи омоновцев-костоломов, собранные за большие деньги со всей России, побежали. Они улепётывали со щитами и дубинками, сплошь покрыв до моста Садовое кольцо и выезд с него, и въезд на него же.

Дух разномастной толпы одолел мускулистые телеса отрядов милиции особого назначения. Идейная одержимость взяла верх над высокооплачиваемой службой. Толпа готова была лечь костьми за бесплатно. Сотрудники ОМОНа за деньги отказались рисковать здоровьем и дали дёру. Начисто освободив дорогу к Дому Советов.

Толпа хлынула с Садового на Новый Арбат и повалила на Красную Пресню - к превращённому в тюрьму дворцу парламента. Далее происшедшее - как быстро сменяющиеся кадры кино.

Исчезают при виде толпы бойцы оцепления Дома Советов. Перед заграждениями - пусто. Толпа разрывает спирали колючей проволоки и раздвигает железо окружавших парламент поливальных машин.

Грохочет пулемёт из здания московской мэрии - из штаба блокады Дома Советов. Грохочет - и умолкает после двух-трёх очередей по толпе: то ли снайпер из дворца парламента убрал пулемётчика, то ли он сам снял палец с гашетки, испугавшись убивать невооружённых людей.

Сквозь бреши в заграждениях толпа плывёт к подъездам Дома Советов. Навстречу ей высыпают его защитники - вооружённые и безоружные. Среди них я вижу поэта Владимира Лещенко с железной трубой в руке и певицу Тамару Картинцеву с сумкой медсестры на плече. Обнимаюсь сначала с Володей, потом - с Тамарой. На лицах вокруг - радость несказанная.

Возникают парни в чёрной униформе с автоматами - парни из Русского национального единства. Их бросают от Дома Советов к зданию мэрии, из которого палил пулемётчик. Туда устремляется и тьма людей с площади у парламента. Слышатся выстрелы.

Я в гуще тел пробираюсь к объекту штурма. Перед парадными дверями мэрии на асфальте - лужа крови. Кто-то был ранен или убит. Из этих дверей выводят под конвоем зама московского градоначальника. Начальники же милицейские вместе с подчинёнными скрылись через чёрный ход. Появляется из мэрии генерал Макашов в чёрном берете и

провозглашает:

- Теперь у нас не будет ни мэров, ни пэров, ни сэров, ни херов!

Парни из РНЕ, сказал мне их лидер Александр Баркашов, установили посты на этажах мэрии. Всё. Штаб блокады парламента ликвидирован.

Возвращаюсь к Дому Советов. У стен его море человеческое рукоплещет чьей-то завершённой речи с балкона. Там - исполняющий обязанности президента Руцкой и назначенные им министры, председатель Верховного Совета Хасбулатов и известные депутаты. Им вволю теперь можно глаголами жечь сердца превеликой толпы. Но для чего?

Всем на балконе, вероятно, очевидно: прорыв блокады парламента восставшими москвичами не означает краха режима Ельцина. Восстановлено то, что было 21 сентября - в день президентского указа о роспуске высшего органа власти страны. Не признавший этот указ парламент - снова без тюремщиков. Низложенный им де-юре Ельцин по-прежнему де-факто - при полномочиях. Как обязать министерства и ведомства подчиняться не Ельцину, а Руцкому - по закону возведённому парламентом в ранг и.о. президента?

Я протискиваюсь в толпе к двадцатому подъезду Дома Советов. Предъявляю охране пропуск, вхожу в холл и замечаю: ура - лифты работают. Свет дали. Хозяйственников Москвы, десять дней лишавших парламент электричества, народное восстание образумило. А отключённые стационарные и мобильные телефоны Руцкого и Хасбулатова не врубили ли уже? И не звонят ли им высокие чины исполнительной власти и не присягают ли на верность?

Вход на балкон Дома Советов, где находились и. о. президента, председатель Верховного Совета и иже с ними, сторожил с автоматом мой знакомый - здоровяк-сибиряк, лидер русских националистов Тюмени Александр Репетов. Мы поздоровались, и он пропустил меня к стоявшим вокруг микрофона. Нет, оказывается, убеждаюсь я через пару минут, телефоны Руцкого и Хасбулатова безмолвствуют.

Отречение высокопоставленных чиновников от поправшего Конституцию Ельцина не состоялось. И Руцкой бросает клич в толпу: всем в Останкино - возьмём телерадиоцентр и укокошим пакостный ельцинский режим в эфире перед всем народом.

Толпа восторженно загудела: да, да, да! Она, толпа, воодушевлённая проломом ею страшных преград из отборных милиционеров на Крымском мосту и Смоленской площади, жаждала действия и готова была ринуться в любом направлении. Руцкой указал на телерадиоцентр в Останкино. Ну и его взятием довольствуемся.

Меня, частичку победоносной толпы, клич Руцкого нисколько не смутил: всем велено в Останкино - и я туда же.

На выходе из двадцатого подъезда Дома Советов меня остановил с

раздражённым лицом Сергей Потёмкин:

- Николай, кто может отменить эту идиотскую установку Руцкого?

- Какую именно?

- На поход к телецентру. Нельзя прорву бунтовщиков уводить из центра Москвы на окраину - в Останкино. Нельзя.

- А что надо делать?

- Надо перекрыть троллейбусами и автобусами все подъезды к правительственным учреждениям и взять их под наш контроль. Прежде всего - Министерство обороны.

Потёмкин расстегнул свою коричневую куртку, под которой висел автомат:

- Погляди, я разжился оружием. Мои друзья - нет. А если в Доме Советов нам выдадут два десятка стволов, то в родном Министерстве обороны мы снимем охрану и проведём туда родного человека - десантника Ачалова. Его ведь Руцкой назначил министром обороны?

- Да.

- Ачалов - боевой генерал с авторитетом в войсках. Займёт он кабинет министра - к вечеру в Москве высадятся десантные дивизии. Не будет их, не поставят они раком перед парламентом всех чиновников, Ельцин вызовет штурмовую авиацию и разнесёт Дом Советов. Шкурой вояки чую бомбёжку. Нам не телецентр нужен, а Министерство обороны. Иди и скажи это депутатам.

Я положил руку на плечо Потёмкину:

- Извини, я - спец по складыванию слов, а не по военным действиям. И мне, бумагомарателю, нелепо лезть с поучениями к политикам. И от тебя, матёрого вояки, твои доводы уже никто не воспримет. Решение принято и исполняется: видишь - народ заводит брошенные омоновцами автобусы и грузовики.

Поход на телерадиоцентр поручили возглавить генералу Макашову. Он с двумя десятками вооружённых автоматами бойцов в камуфляже сел в первый отправлявшийся в Останкино автобус. Я успел заскочить во второй. На остальном омоновском транспорте разместились ещё сотни три людей. Тысячи, дабы попасть к телерадиоцентру, двинулись к метро.

Автоколонна от Дома Советов катила по пустым улицам Москвы под красными и чёрно-золотисто-белыми имперскими флагами. Прохожие на тротуарах дружески ей салютовали поднятыми вверх кулаками. Никаких стражей порядка ни с дубинками, ни с жезлами автоинспекции нигде не было видно.

На проспекте Мира, неподалёку от поворота к телерадиоцентру, стояли несколько бронетранспортёров. Солдаты на их крышах приветствовали автоколонну с не меньшим дружелюбием, чем прохожие.

Овладеть телерадиоцентром и заявить всей стране «Ельцину - капут!» - теперь раз плюнуть. Так, скорее всего, не только я думал, но и все посланные от Дома Советов.

Автобус с генералом Макашовым и его вооружённым отрядом затормозил напротив входа в здание администрации и студий телерадиоцентра. Генерал медленно поднялся по ступенькам крыльца к стеклянным дверям. За ним - отряд с опущенными вниз стволами автоматов. А за стёклами - ой-ой-ой - я углядел взвод бойцов в спецназовском снаряжении с автоматами, нацеленными на Макашова. Ему командир взвода пройти в здание не позволил. Но пообещал согласовать его встречу с руководством телерадиоцентра.

Народ, выгружавшийся с автобусов и грузовиков, оккупировал ступеньки у стеклянных дверей. За Макашовым с автоматчиками, не намеренными стрелять, - уйма безоружных людей, перед ним - взвод спецназа, стрелять готовый. Приказ на прорыв через двери генерал не отдал.

К телерадиоцентру стали прибывать те, кто отправился от Дома Советов на метро. Скопище народа за Макашовым всё росло и росло, а на встречу с начальниками телерадио его, похоже, и не думали допускать.

Начало темнеть, и в толпе вдруг раздались речи: раз вход в администрацию и телестудии телерадиоцентра прегражден стрелками с автоматами, надо ворваться в неохраняемый центр технической трансляции напротив и оттуда выйти в эфир - к стране и миру.

Сама по себе, без томившегося в ожидании переговоров с начальниками телевидения генерала Макашова, толпа с грузовиком впереди переместилась к техцентру. Грузовик врезался в его двери, у кого-то из толпы взорвалась шумовая граната, и сразу - раскаты автоматных очередей. Шквал пуль вдарил по толпе у техцентра с высокого этажа противоположного здания. Жуть сотворилась: громыхание выстрелов, вопли, стоны, давка.

Меня кто-то толкнул, я на кого-то налетел, все вокруг побежали к скверу, десятки людей огонь свинца валил. После бега в толкотне я спрятался от свиста пуль за деревом. Упавших перед техцентром автоматчики не добивали. Палили они по рассеявшимся в сквере.

Через полчаса беспрерывной стрельбы заревели сирены машин «Скорой помощи». Бесстрашные врачи и санитары под пулями у них над головами подбирали у техцентра на носилки убитых и раненых.

«Скорые» убыли, и на улице у телерадиоцентра зарокотали бронетранспортёры. Возможно, те, что приветствовали ведомую Макашовым автоколонну на проспекте Мира. Они прибыли подавить огонь спецназовцев - убийц? Вовсе нет. Пулемёты бронетранспортёров жахнули по скверу, где укрывалась спасшаяся от автоматных очередей толпа. Никаких шансов на взятие телерадиоцентра у посланцев парламента не осталось.

Метро в Москве работало как обычно. Я вынырнул со станции «Баррикадная» около полуночи. Путь к Дому Советов был свободен. Ни единого милиционера поблизости. Блокаду дворца парламента не восстановили. Но окна его были темны. Опять отключили электричество. Мирного завершения схватки окружения Ельцина и депутатов явно не предвиделось.

Площадь перед Домом Советов была полупуста. Из огромной толпы, уведённой отсюда к телерадиоцентру, обратно вернулась её ничтожно малая часть. Большинство отправились по домам: кого-то завтра утром ждала работа, кого-то ужас стрельбы в Останкино погнал в безопасные свои квартиры.

Я подошёл к группе людей под тёмными окнами парламентского дворца. Она слушала новости из радиоприёмника: Ельцин объявил в Москве военное положение - народное восстание в столице он расценил как вопиющие беспорядки, с коими необходимо покончить. Каким образом - не было сказано.

Известие о введении военного положения разнеслось по всей площади. Но она не опустела. То же известие наверняка довели до сведения засевших в Доме Советов казаков, отставных офицеров и парней из Русского национального единства. Но они не складывали оружие и не уносили ноги: не довелось отбиваться при осадном положении, будем - при военном.

На задворках площади - рядом с палатками невооружённых защитников парламента - горели костры. У крайнего из них со стороны Горбатого моста я узрел знакомые лица - поэта Лещенко и коммерсанта Потёмкина. Они сидели на брёвнышках ещё с тремя какими-то мужиками. По кругу их компании ходил раздвижной пластмассовый стаканчик. Обернувшись на мои шаги, Потёмкин показал мне на свободное место напротив:

- Давай к нам. Мы не бражничаем - поминаем товарищей. Ты из Останкино?

- Да.

- Сколько там наших полегло?

- Машин «Скорой помощи» видел десятки - значит убитых и раненых больше сотни.

Я опустился на край брёвнышка. Потёмкин вынул из пакета у его ног вторую бутылку водки, отвинтил крышку, наполнил стаканчик и протянул мне:

- Выпей за убиенных, с которыми мы могли победить. «Наши павшие нас не оставят в беде, наши мёртвые, как часовые...». Если поэт Высоцкий прав, то мы милостью сегодня вознесённых на небеса - завтра выживем.

Опустошённый стаканчик я передал Потёмкину. Он влил в него

водки. Стаканчик опять пошёл по кругу Лещенко, член Союза писателей СССР и бомж Российской Федерации, возвратив Потёмкину опорожнённую посудинку, потряс перед ним железной трубой:

- Думаешь, Серёга, врукопашную нам идти вот-вот - этой ночью?

- Рукопашных, Володя,- Потёмкин отвёл трубу Лещенко влево,- здесь вообще не будет. Именно поэтому я распустил по домам моих друзей-десантников. На рассвете над Домом Советов закурлычат самолёты-штурмовики с вертолётами и начнут крушить этаж за этажом. Крушить до тех пор, пока все оттуда не выйдут с поднятыми вверх руками. Этот ход при военном положении - самый надёжный. И именно его Ельцин предпочтёт. Вот увидишь. Ельцин не так глуп, как Руцкой, который победоносную толпу угнал из центра столицы на окраину и подставил под пули...

У Лещенко отвисла губа. Он дёрнул Потёмкина за лацкан его коричневой куртки:

- Серёга, чо чушь накаркиваешь? Если ты предвидишь разгром, то почему тут остаёшься?

- Дорогой поэт, тебе штатскому, трудно понять меня, военного.- Потёмкин приподнял полу куртки и показал Лещенко блеснувший в свете костра металл,- На моём правом плече - автомат Калашникова укороченный. Он мне не даден. Я сам захватил его в бою. А расстаться с ним просто так не могу. Если я, офицер, брошу оружие до исхода боя, мне всю жизнь будет стыдно.

В пакете у ног Потёмкина была ещё одна не прикончeнная бутылка. После третьего стаканчика водки на голодный желудок меня сморило. Глаза слипались, и я, сказав Потёмкину и Лещенко: «До встречи на рассвете», - двинулся через площадь к двадцатому подъезду дворца.

С момента выхода антиконституционного указа Ельцина и до блокады парламента я шесть ночей коротал в Доме Советов. Удавалось мне там и поспать - в кабинете на шестом этаже, который оставили подчинившиеся ельцинскому указу депутаты-демократы. В сей кабинет от костра я и направился.

В холле двадцатого подъезда ходили, стояли, сидели вооружённые бойцы. Они же с автоматами - на постах на лестничных площадках. Защитники парламента ожидали штурм и готовились его отражать.

Кабинет депутатской фракции «Смена» - «Новая политика» на шестом этаже был никем не занят. Я составил в ряд четыре мягких стула: вот тебе - кровать, вот - подушка из подшивки газет. Пора: чуть-чуть бай-бай.

Разбудили меня какие-то хлопки. Уже светало. Я вскочил и выглянул в окно. Мимо подъездов парламентского дворца со стороны мэрии бежал мужик в камуфляже и палил в воздух из пистолета: тревога! Минута - и на площадь ворвался бронетранспортёр. Он с ходу открыл огонь из пулемёта по людям у костров и палаток. Потом остановился, и его пулемёт

прицельно бил и бил по рассыпающимся живым мишеням. Одни мишени валились и замирали, другие - упав, ползли прочь в направлении стадиона «Красная Пресня».

Забрызгав площадь кровью, бронетранспортёр развернулся. Обратно поехал. Дёрнулся. Заглох его двигатель, мне показалось. А из-за изорванной пулями палатки поднялась коричневая кожаная куртка с автоматом в правой руке - Сергей Потёмкин. Он бегом рванул к костру, где лежали три тела. Всех ощупал и одно тело с признаками жизни, видимо, взвалил себе на плечи и понёс к Дому Советов. За Потёмкиным к лежащим у костров стали подходить остальные спасшиеся от пуль.

Потёмкин с раненым был уже в метрах двадцати от двадцатого подъезда. Оттуда им навстречу вышли вооружённые охранники Дома Советов, и тут бронетранспортёр тронулся - но не вперёд к мэрии, а налево по кругу, и его пулемёт полыхнул по Потёмкину и раненому на его спине. Они рухнули. Стрельбу по вновь замелькавшим у костров людям бронетранспортёр не возобновил - довершил разворот на 360 градусов и убрался с площади.

Я, надев плащ, рванул с шестого этажа вниз - к холлу двадцатого подъезда. Узнать - что там творится и жив ли Потёмкин. Но на лестничной площадке этажа третьего мне путь преградил пост автоматчиков со значками Союза офицеров:

- Куда прёшь? Катавасия началась. Всем без оружия забиться в нору - в зал Совета национальностей.

Меня понесло вверх - к переходу в коридор противоположной стороны Дома Советов. Понесло выяснить: что происходит у его парадного входа - на набережной Москвы-реки?

Так у хилой баррикады - с полсотни людей. Поэт Лещенко с железной трубой в руке - в их числе. С Нового Арбата мчат три бронетранспортёра. Они разметают баррикаду, выезжают на набережную и становятся мордами вперёд к дворцу парламента.

К бронетранспортёрам стекаются разбежавшиеся от баррикады. Они, мелькнуло в моей голове, сейчас завяжут диалог с экипажами боевых машин. Ан нет. Бронетранспортёры заговорили пулемётами - открыли пальбу по окнам Дома Советов. Огонь вёлся не на поражение кого-то, а чисто по всем окнам подряд. Бах-бах-бах, ту-ту-ту: пулемёты бронетранспортёров изничтожали и изничтожали зачем-то стёкла напротив них.

Потом на набережной Москвы-реки появились танки. Гул их пушек перекрыл стрекотание пулемётов БТРов. Пушки танков лупили не по конкретным целям - они просто снарядами корёжили стены Дома Советов.

Ошибся малость в прогнозе мой друг Серёга Потёмкин, себе я заметил: не бомбами и ракетами авиации решил Ельцин сносить этажи парламентского дворца.

Пальба из танковых пушек не утихала. Штурмующих же дворец подразделений не появлялось. Прав, оказывается, был Потёмкин, признал я: пусть и не с воздуха, а с земли шквалом металла заставит Ельцин всех выйти из Дома Советов с поднятыми вверх руками.

От очередного разрыва снаряда из танков на мой плащ посыпались крошки штукатурки с потолка. Испуг меня не хватил. Но шастать по расстреливаемым этажам не имело смысла, и я потопал в нору - самое безопасное помещение парламентского дворца - в зал заседаний Совета национальностей, отделённый от улицы двумя стенами. Там находились депутаты, журналисты и их все дни блокады обслуживавшие поварихи с буфетчицами. Вдоль входа в зал ходил вперёд-назад бледный, как мел, председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов - с трубкой во рту и тремя телохранителями.

Паники в зале не было. Но слышались разговоры: сюда ворвётся под пальбу из танков пьяный ОМОН и всех перебьёт.

Я сел в свободное в зале кресло рядом с корреспонденткой «Советской России» Надей Гарифулиной и неожиданно уснул. Стены дворца всё содрогались и содрогались от танковых снарядов, а я всё спал и спал.

Канонада под вечер ещё гремела. Мне, отменно выспавшемуся, внутренний голос вдруг повелел побрести к парадному входу в Дом Советов - к сотне охранявших его автоматчиков. В сей момент в двери парадного подъезда ступил худощавый гражданин - в пиджаке, в рубашке без галстука и с поднятыми вверх руками.

- Руки-то опусти,- ему приказал дюжий командир автоматчиков.- Мы по безоружным не стреляем.

Гражданин в пиджаке представлял самых грозных носителей военной формы - бойцов лучшего в мире спецназа - группы «Альфа». Его повели наверх - на переговоры к Руцкому, видимо. Когда я вернулся обратно в зал Совета национальностей, там объявили: достигнута договорённость - ни нападать, ни обороняться. Защитники парламента добровольно расстаются с оружием, группа «Альфа» без боя входит в Дом Советов, забирает в полон Руцкого, Хасбулатова, Ачалова, Макашова, а остальных выпроваживает на любую из четырёх сторон света.

Они, бойцы «Альфы», как на подбор рослые, в шлемах, похожих на скафандры космонавтов, паники в зале Совета национальностей своими автоматами не посеяли. Их распоряжению - выйти по одному в коридор - все спокойно подчинились. У дверей из коридора в холл два бойца у каждого выходящего изымали документ, удостоверяющий личность, и кого-то направляли к парадному подъезду, кого-то - к подъездам служебным.

Я сдал не паспорт, а корочки журналиста. Мне указали на лестницу, которая вела к двадцатому служебному подъезду. По его вестибюлю плыл пороховой дым. На полу - битое стекло. Под стекляшками там и тут

темнела кровь.

Дым пороховой на улице был гуще, чем в вестибюле. Гремели и пушки танков, и пулемёты. Парламент сдался Кремлю. Но стрельба велась. Для чего? Для нагнетания страха в Москве и стране?

Шагая от Дома Советов до станции метро «Баррикадная», я не подозревал, что пальба из танковых орудий транслируется по телевидению. Но именно тогда при вдыхании порохового дыма на Красной Пресне у меня зародилась мысль: статья, которую я напишу о событиях 3-4 октября 1993-г,о будет называться - «Расстрел напоказ».

Утром 5 октября домашний телефон главного редактора нашей газеты «День» Александра Проханова не отозвался. К полудню того дня я, как и положено добропорядочному газетчику, отправился в редакцию. На Цветной бульвар - в здание Издательства писателей, где мы снимали кабинеты. Прихожу. Здороваюсь с вахтёром и слышу от него: сотрудников «Дня» пущать не велено. Кем не велено? Директором издательства Анатолием Головчанским.

Звоню ему с вахты. Он разрешает мне подняться в его кабинет и, увидав меня, спрашивает:

- Ты в своём уме?

- Пока не рехнулся.

- Ну а с какой бредовой ноги тебя сюда занесло? Ты соучредитель «Дня» - так? Так. А на всех его соучредителей Министерство печати направило представление - арестовать вас за подстрекательство к бунту против президента Ельцина. В кабинетах вашей редакции проведён обыск, и их опечатали. Все вами купленные компьютеры-принтеры изъяты.

Головчанский посоветовал мне убираться прочь из Москвы. Я совет не принял - не верилось почему-то в возможный арест. И двинул в редакцию газеты «Правда». Её выпуск также запретили, но редакцию не разгромили. Вместе с товарищем моим, обозревателем «Правды» Александром Головенко, я установил телефоны чрезвычайного военного коменданта Москвы, управления делами столичной мэрии, Генеральной прокуратуры. Звонил по этим телефонам и вопрошал:

- Кто распорядился незаконно опечатать кабинеты редакции «Дня», конфисковать её технику и заморозить счёт в банке?

Выяснилось - вице-премьер Правительства Российской Федерации и министр печати Владимир Шумейко. Генеральная прокуратура отклонила его представление об аресте главного редактора «Дня» и его соучредителей, но закрыла глаза на предпринятые им меры по административному удушению нашей газеты.

Уже собравшись уходить из кабинета Саши Головенко, я вдруг вспомнил, что в моём нагрудном кармане - визитка Сергея Потёмкина. Набрал напечатанный на ней номер:

- Алло, могу я перемолвиться с Сергеем Григорьевичем?

Мне ответил милый дамский голос:

- Вы кто и по какому делу?

- Я товарищ Сергея - журналист Николай Анисин.

- Можете оставить номер вашего телефона?

Я продиктовал цифры телефона Головенко. Через пять минут - звонок:

- Николай? - Да.

- Это Дмитрий. Я однополчанин Серёги Потёмкина и работаю в его фирме. Он интересовался, уцелели ли вы в Доме Советов.

- У меня ни царапины. А что с Сергеем?

- Две пули в тканях бедра. Кость задета. Хромать, наверно, будет. Мы вывезли его из городской больницы в подмосковный санаторий - чтоб менты не домогались. Подлечим и за границу восстанавливаться отправим. Наш комбат Потёмкин всегда из всех боёв выходит живым.

Глава 3. Капкан в миллион долларов

На пятый день после расстрела Дома Советов все пятеро соучредителей «Дня» - Проханов, Бондаренко, Нефёдов, Султанов и я - собрались на явочной квартире у метро «Добрынинская» и единогласно постановили: надо готовить нелегальный выпуск нашей запрещённой газеты.

Спустя неделю восемь полос с фотографиями кровавой бойни в Москве и текстами, раскрывающими жуть госпереворота Ельцина, были свёрстаны на компьютерах фирмы прохановских друзей. На полосе первой начинался мой репортаж - «Расстрел напоказ». И тут меня позвал к себе домой Проханов и тоном, возражения исключающим, сказал:

- Ты был директором школы и занимался финансово-хозяйственной деятельностью. Ею тебе и впредь заниматься в газете. Вот три тысячи долларов - больше найти не удалось. Возьми их и где хочешь и как хочешь напечатай тираж «Дня» и передай его завредакции Тамаре Сащенко для распространения.

С пачкой валюты в кармане джинсов и с трубкой вёртки газетных полос я подался в типографию подмосковного Красногорска. Показал копию свидетельства о регистрации газеты «Согласие». Поведал, что она давно не выходила и теперь её намерены издавать в 100 тысячах экземпляров.

- Отлично,- мне ответили,- с солидным, выгодным заказом вы к нам пришли.

Я рассчитался за заказ. Бумажные полосы «Дня» под названием «Согласие» превратили в металлические пластины и поставили на

печатные машины. Мне оставалось лишь вызвать грузовик и доставить тираж на квартиру Саценко. Но кто-то из работяг-печатников показал первые образцы продукции начальству, и машины остановили.

Забрав деньги из Красногорской типографии, я покатил в Калугу. Потом в Тулу Затем в Тверь. В типографиях этих городов меня с заказом на «Согласие» встречали с распростёртыми объятиями. Но как только видели фото и тексты авторов «Дня» - печатать отказывались. Расстрел дома Советов обуял страхом должностных лиц Российской Федерации.

Товарищи нашего главного редактора Александра Проханова вывели его на телефон Виктора Чикина - редактора белорусской газеты «Мы и время». Тот без всяких колебаний дал «добро» на тиражирование «Дня» под шапкой своего издания. И мы с моим другом Василием Прохановым немедленно выехали в Минск.

Василий там заменил на компьютерной вёрстке первой полосы «Согласие» на «Мы и время» - и уникальный номер чикинской газеты отправился в типографию Белорусского Дома печати. Но там почему-то его выпуск затормозили. Я напросился под вечер на приём к директору Дома. Он, разложив при мне полосы газеты, стал рассуждать:

- Так, я это напечатаю, ельцинское Министерство иностранных дел России направит ноту главе Белоруссии демократу Шушкевичу, и меня пинком под зад выставят на улицу.

- Вы,- из моих уст вырвалось,- как руководитель типографии не обязаны отвечать за содержание печатающихся у вас газет.

- Да,- наморщился директор,- не обязан. Ну а если - нота с угрозой отключить российский газ нашей республике?

При сей его фразе в кабинет заглянул главный инженер:

- Павел Петрович, сегодня, между прочим, родился дорогой комсомол, который нам дал путёвку в жизнь.

Директор расправил морщины на лбу:

- А что ж ты не несёшь «Зубровку»?

- Как не несу,- возмутился главный инженер,- одна нога здесь, другая - там.

Сорокаградусная «зубровка» разогрела души двух бывших комсомольских секретарей. Они, выяснилось, к тем, кто разрушил СССР, и к тем, кто ныне пытает граждан ублюдочными реформами в якобы независимых республиках, относились так же, как и я. В конце концов, директор провозгласил:

- Орденоносный ВЛКСМ - не лыком шит. Огонь по пакостной демократии. Крамольный для Ельцина «День» печатать в честь Дня комсомола!

Под стотысячный тираж «Дня» с названием «Мы и время» мы с

Василием купили целый купейный вагон в скором поезде Минск-Москва. Молодые друзья Виктора Чикина помогли нам перевезти уйму пачек с газетами из типографии на склад в неприметном дворе, а потом - на площадь перед железнодорожным вокзалом. Оттуда тонны пачек наша компания перегрузила в фургон, которому надлежало развозить по перронам продукты для вагонов-ресторанов. Из фургона пачки были перенесены в зафрахтованные купе, и мы с Василием доставили их на Белорусский вокзал Москвы.

Выход запрещённого «Дня» в любом виде ждали и его читатели, и энтузиасты-распространители в разных городах. Поэтому Тамара Сащенко так успешно распродала тираж «Мы и время», что не только окупила все расходы на его печатание и транспортировку, но и одарила коллектив несуществующей де-юре редакции денежным довольствием. Приличным по той поре.

От погрузок-разгрузок в Минске мне и Василию позволили очухаться. Второй нелегальный номер «Дня» под шапкой «Согласие» поехали издавать в Липецк Евгений Нефёдов и Александр Лысков. В тот ноябрьский день 1993-го, когда они укладывали тираж в грузовик, я получил свидетельство о регистрации новой нашей газеты - «Завтра». И с ним, набравшись наглости, попёрся в центр Москвы - в переулок напротив Государственной консерватории - в бедствовавшую типографию железнодорожного министерства «Гудок». Заключать договор на печатание свежеиспечённой газетёнки. Директор типографии обрадовался деньгам, которые я готов был немедленно внести в кассу, договор подписал и нашими публикациями не поинтересовался. И его, сорокалетнего здоровяка, через пару дней после выхода первого номера «Завтра» уволили «по состоянию здоровья».

Слухи о расправе над директором «Гудка» дошли до типографий городов Центра России. Но не достигли Сибири. Туда мы с Александром Прохановым и полетели - в Красноярск к его друзьям - к первому коммунисту края Владиславу Юрчику и маститому писателю-журналисту Олегу Панченко. По их протекции меня принял директор красноярской типографии, и я вручил ему заявление:

- Прошу напечатать второй номер выходящей в Москве газеты «Завтра» для Сибири и Дальнего Востока.

К заявлению прилагался экземпляр первого номера из «Гудка». И директор запустил наши полосы в печать.

Денег на отправку тиража в Москву из Красноярска в быстром купейном вагоне у меня не хватало. Пришлось арендовать треть багажного вагона, который на разных станциях отцепляют от одного состава и, загрузив, прицепляют к другому и который не за четверо суток доходит до столицы - за семь.

Отправленный мной груз ещё был в пути, а я, вернувшись в Москву самолётом, в тесном тёмном баре Центрального дома журналиста

случайно оказался за одним столиком с редактором газеты во владимирском райцентре. И он мне просто так поведал: загибается отменная типография во Владимире - её огромное здание построили, чтоб печатать все газеты области. Но их тиражи упали в десятки раз, и типография разоряется на платежах за свет-тепло и налогах на имущество и землю.

Утром я рванул в город древних храмов Руси и новейшего полиграфического учреждения. Директор владимирской типографии, услыхав, сколько экземпляров газеты на восьми полосах самого крупного формата мы намерены печатать и сколько за них готовы платить, немедленно полез в шкаф за угощением.

Назначенный Ельциным губернатор Владимирской области - демократ из ящурного института Власов - во имя спасения областной типографии терпел выпуск «Завтра» в подведомственном ему граде. Терпел до конца сентября 1994-го. Номер, посвящённый годовщине расстрела парламента, нам во Владимире издать уже было невозможно.

И мы с Василием Прохановым после звонка лидера Компартии Российской Федерации Геннадия Зюганова на его родную Орловщину направились туда.

Появление наше в типографии Орла вызвало переполох. Радостный переполох. Едва могучий Василий поставил крупную сумку с мелкими, добытыми от продажи «Завтра» купюрами на стол в бухгалтерии, все её сотрудницы с восторгом сбежались их пересчитывать: ага, наконец-то нам выплатят невиданную за два месяца зарплату!

У нас буквально вырвали бумажные полосы «Завтра» и помчались превращать их в пластины для печатания. Как всё замечательно!

Сняв с Василием по комнате в гостинице, мы поспали после суматошного поезда, отобедали и стопы направили в главный цех типографии. Там с машин вовсю сходили экземпляры очередного номера «Завтра». И там же, в цехе, я с беспокойством заметил директора типографии, лицо которого при просмотре первого попавшегося ему экземпляра газеты покрывалось красными пятнами.

Подхожу к директору. Он говорит:

- Да, позарился я на выгодный заказ. А зря позарился. Запахло жареным. В памяти моей всплыла картинка -

как в октябре 1993-го были остановлены печатные машины в Красногорске.

Я пытаюсь успокоить директора:

- Руководитель фракции Компартии в Государственной Думе Зюганов звонил бывшему члену Политбюро ЦК КПСС, вашему нынешнему орловскому губернатору Строеву. Вам же из его администрации сказали, что «Завтра» можно печатать?

- Сказать-то сказали,- закрыв полосы, мрачно изрёк директор.- Но какой у вас тут накат на Ельцина - Строев не знает. Ему позвонят из Кремля, спросят, кто страсти против президента тиражирует,- и мне конец. Уволят меня и другой работы не предоставят. Я был завотделом обкома, который возглавлял Строев, и знаю - у него спина всегда готова гнуться перед вышестоящим начальством.

Картина остановки печатных машин грозила повториться, и я, вдруг вспомнив ситуацию в Доме печати в Минске, молвил директору:

- Вот неподалёку - мой молодой друг Василий. У него - одна нога здесь, другая - там. Если мы ему сейчас шепнём, он стремительно доставит нам коньячку.

- Не надо обременять Василия,- махнул рукой директор.- Зовите его к нам. Коньяк есть у меня в кабинете. Надо успокоиться.

Тираж из Орла мы с Василием привезли не в среду утром, как обычно он доставлялся из Владимира, а к вечеру. У особняка Союза писателей на Комсомольском проспекте нас дожидались около тысячи распространителей «Завтра». И как только я и Василий вышли из кабины фургона, раздались бурные, продолжительные аплодисменты. Почитателей газеты сильно волновало: выйдет - не выйдет её номер к годовщине расстрела Дома Советов. Он вышел. На том всё интересное в истории издания «Дня» - «Завтра» закончилось.

В номенклатурно-мафиозном ельцинском капитализме, против которого мы воевали, с неимоверными усилиями выживали-таки нормально-трудовые частные фирмы. Одна из таких фирм во главе с моим брянским земляком Арсёновым находилась в Твери. Она взяла кредит в 300 тысяч долларов, купила типографскую машину и тиражировала на ней ею же учреждённую газету и прочие местные газеты.

Страшно высокие проценты за кредит заставляли Арсёнова со товарищи рыскать в поисках заказчиков в Москве. На прибыльную, но нежеланную в государственных типографиях газету «Завтра» они вышли в тот момент, когда я ломал голову - где печататься после Орла. Арсёнов заверил меня: «Будут у вас деньги, будем вас издавать, невзирая ни на что». Мы ударили по рукам.

Раз в полтора-два месяца я приобретал в Москве тонн 20 бумаги, грузил их в нанятый МАЗ и отправлял в Тверь. Больше у меня мороки не было. С Арсёновым мы работали на честном купеческом слове. Иногда я платил ему вперёд за типографские расходы, иногда он печатал «Завтра» в долг. Организационных забот у меня поубавилось - времени на писанину прибавилось.

Писал я разное: от репортажей из Госдумы и Совета Федерации до портретов политиков. Писал с убеждением - хоть режим Ельцина и устоял, но земля под ногами его столпов не сегодня, так завтра загорится. Жизнь в стране - всё сквернее. Нищета большинства нарастает, а спаянные с властью воры захватывают самую прибыльную собственность, деньги из

бюджета и богатеют с каждым днём. Сколько такое можно терпеть?

В оппозиции уличной и парламентской мои публикации знали, и я не раз слышал добрые слова в свой адрес. Нежданно-негаданно интерес ко мне как журналисту снова проявил Сергей Потёмкин.

Дня за три до Нового, 1995 года он под вечер застал меня на телефоне в кабинете редакции и через час появился на пороге. С лицом весёлым, бодрым, загорелым. Расстегнул дублёнку. Мы обнялись, и я показал ему на вешалку:

- Раздевайся.

- Нет, мне нельзя без шубы.- Потёмкин снял с плеча сумку.- Сегодня я исполняю обязанности Деда Мороза.

Из сумки он изъял фотоаппарат, диктофон и вручил мне:

- Прими скромные новогодние дары, а в отместку составь компанию. Поедем в ресторан. Хряпнем водки, порубаем, и ты мне расскажешь: какие передряги в политике тут в Москве творились, пока я заштопывал дырки от пуль и накачивал одрябшую мускулатуру на тёплых морях.

Благодетеля и благодарного слушателя в лице Потёмкина я обрёл надолго. Желание внимать моим суждениям про политику и политиков он не потерял ни в 1996-м, когда кандидат оппозиции Зюганов проиграл президентские выборы Ельцину, ни с момента передачи Ельциным Кремля Путину в 2000-м, ни после переизбрания Путина Президентом Российской Федерации на второй срок в 2004-м.

Встречались мы раз пять-шесть в году Обыкновенно Потёмкин звонил и предлагал увидеться. Я всегда почти соглашался. Ему потребны были мои комментарии происходящих событий, мне льстило, что они любопытны успешному в бизнесе единомышленнику. Как правило, встречались мы в ресторане на Старом Арбате. Но - не только там.

Я, низкооплачиваемый журналист, пишущий против власти и капитала, никогда не просил у Потёмкина материальной помощи. Он сам мне её оказывал, угадывая мои нужды.

- Ты говорил, что обменял квартиру. Когда на новоселье позовёшь? - спросил он меня весной 1998-го.

- Как порядок наведу - через месяц-другой,- ответил я.

- Всё ясно,- Потёмкин вынул из кармана пиджака кошелёк,- у тебя дефицит капвложений.

Денег, им мне всученных, хватило не только на ремонт квартиры, но и на покупку кое-какой мебели.

Новоселья я не устраивал и, стало быть, Потёмкина в новое жилище не пригласил. Но однажды в воскресенье он, проезжая мимо неподалёку от моего дома, позвонил и напросился в гости. Пришёл, оглядел всё в двух комнатках и в большой остановил взгляд на обшарпанном экране и

затёртых клавишах компьютера на письменном столе:

- И ты нетленные свои статьи настукиваешь на этом допотопном агрегате?

- А на чём же ещё?

- Выброси его на помойку. Скоро праздник Троицы, и Святой Дух позаботится о твоём техническом вооружении.

Так у меня появился миниатюрный мощный компьютер-ноутбук с лазерным принтером в придачу

А чуть позднее Потёмкин, молвив, что автомобиль для журналиста - не просто средство передвижения, а средство производства, повелел своему менеджеру заменить мне старенький, вечно барахливший «Жигуль» седьмой модели на новый, классом выше - ВАЗ-99.

За все минувшие годы мы никогда в наших разговорах не касались бизнеса Потёмкина. Он о нём не говорил, я - не спрашивал. Но мне было совершенно очевидно: при упадке в стране дела у его торгующей продуктами фирмы шли в гору. Он часто менял автомобильные иномарки: «Тойоту» на «Сааб», «Сааб» на «БМВ», «БМВ» на «Ауди». Потом оседлал джип - «Мерседес-Бенц» - и до сих пор с ним не расстался.

Оставив жене с сыном квартиру в Замоскворечье, Потёмкин на стыке веков въехал с подругой в купленные им апартаменты в престижном районе Москвы - на углу Тверского бульвара и Малой Бронной. Там я пару лет назад вкушал приготовленные его подругой яства. А недавно он позвал меня в свой новый загородный дом с гектаром сосен на реке Клязьме - в восьми километрах от Московской окружной автодороги. Но мне надо было улетать на Кубань.

Процветал и процветал бизнес моего друга Серёги Потёмкина - я считал. До того, как он сегодня со смятением на лице не привёз меня в китайский ресторан близь Смоленской площади.

Водку, холодные закуски и сок в кабинет ресторана нам доставили в мгновение ока. Наполняя стопки из графинчика в виде дамского сапожка, Потёмкин оживился:

- Знаешь, когда я торговал джинсами в Калининграде, то врезал в кабаке по мордам некоторым хамам. Наряд милиции меня повязал. В камере предварительного заключения со мной сидел седобородый мужик. Смешной такой.

На второй день лишения свободы мои друзья передали мне корзину продуктов - с замаскированной в овощах-фруктах бутылочкой. Я её обнаружил и говорю седобородому: «Водки хватишь?» Он: «Водки? Ни в коем случае. А водочки - с удовольствием». Взял у меня бутылку и залпом чуть не всё содержимое высосал. Потёмкин поднял стопку:

- Так давай, Николай, выпьем не водки, а водочки. Чтоб она не горчила и скрасила мою унизительную просьбу к тебе.

Мы чокнулись. Я, влив в себя огненную водицу, ткнул вилку в салат с вопросом на предмет удивившей меня фразы:

- С какой, говоришь, ты ко мне просьбой?

- С такой-растакой. Узнаёшь - но надо закусить и ещё водочки тяпнуть.

После третьей стопки Потёмкин сказал:

- Выслушай меня, пожалуйста, и постарайся понять. Мой батя держал терминал - принимал грузы из-за границы и отправлял из Москвы контейнеры на все континенты. Доходы он снимал - ого-го! Моей фирме «купи-продай» помогал. Но в семьдесят пять лет батя слёг - обмякли сосуды на сердце. Права на терминал переоформили на меня - с мозгами, к международным перевозкам слабо приспособленными. Разбираться с происками конкурентов, таможенниками и прочими чинушами мне было тяжко. И когда батю похоронили, я пошёл к главному конкуренту: переключаю на вас клиентов и партнёров за такую-то сумму отступных и сдаю в аренду склады по такой-то цене. Мои условия были приняты. Зачем, думаешь, я тебе это рассказываю?

- Пока не понятно.

- Батины деньги я вложил в производство. В моей фирме был пригрет толковый и порядочный человек - Никитич, который при старом режиме от мартена дошёл до стола начальника отдела Министерства металлургии

СССР. Он подбил меня подобрать два лежачих завода и простаивавший горно-обогатительный комбинат. Заводы Никитич запустил, добычу концентрата свинца на ГОКе возобновил. Но везде потребовалось менять оборудование. На громадье наших планов я под залог контрольного пакета акций моих предприятий взял кредит в банке. С лёгкой душой взял - один миллион долларов. Ровно миллион батя два года назад дал в долг Смиту - своему американскому партнёру по перевозкам. Погашение долга по договору должно было состояться в нынешнем мае - ко Дню пионерии. Но Смит умер вскоре после бати, а его компаньоны то ли с умыслом, то ли по недогляду подставились на контрабанде. Счета их фирмы арестованы, и они ни цента не хотят возвращать. Я нанял юристов. Если они отсудят миллион, то не скоро. А мне возвращать надо кредит - вот-вот. Короче, влип я. Это ты, надеюсь, теперь уразумел? - Да.

- Поплыли дальше. Тупые клерки в банке даже разговаривать об отсрочке кредита не захотели. Я прорвался к вице-президенту финансово-промышленной корпорации, которому подчиняется мой банк. К Семёну Моисеевичу. Прорвался с бухгалтерскими отчётами и договорами на экспорт конденсата: мы способны вернуть все деньги при продлении срока кредита - всего на полгода. От нашего же банкротства банк не выиграет, а лишь геморрой наживёт. Семён Моисеевич разумность мной сказанного усёк: вопрос о продлении подлежит обсуждению - но после того, как вы побываете у моего коллеги Евгения Петровича - тоже вице-президента,

куратора управления общественных связей.

На фига меня послали к начальнику, который с политиками и прессой должен контактировать, я не сообразил. Но куда деваться? Пошёл к нему. Евгений Петрович мне сообщает: наша служба безопасности установила, что вы - сын бывшего заместителя министра СССР, и нас очень интересует - нет ли у вас знакомых из кругов высшей партийно-правительственной номенклатуры Советского Союза.

В моей голове мелькнуло: не дурдом ли тут? Допытываться у меня, офицера боевых частей, знакомых из московского света времён моей армейской службы - глупость несусветная. И тут я, идиот, вспомнил: по твоей, Николай, просьбе я не так давно помогал снять офис Вере - внучке члена Политбюро ЦК КПСС. И язык мой - враг мой - промямлил: есть.

Евгений Петрович спросил: могу ли я организовать ему встречу с Верой. Я ответил: попробую.

Их встреча состоялась. А потом Евгений Петрович пригласил меня сюда - вот в этот китайский ресторан, вот в этот кабинет и, дословно помню, сказал: «Благодаря вам, Сергей Григорьевич, нам выпала редкая удача. Вера - тот человек, который нам нужен. Но нуждаемся мы и в услугах ещё одного человека - вашего друга журналиста Анисина. Согласится он за вознаграждение исполнить наши пожелания, срок вашего кредита будет продлён немедленно, не согласится - увы.

Потёмкин выпалил очередь мата:

- Во всём виноват я сам. Не ляпнул бы про Веру - договорился бы с Семёном Моисеевичем. А теперь быть или не быть моим предприятиям - зависит от тебя.

- А что Евгению Петровичу от меня надобно?

- Не имею понятия. И потому переживаю. У финансово-промышленной группы, где Евгений Петрович - вице-президент,- крутая бандитская крыша. Раскроет он перед тобой карты, а ты откажешься иметь с ним дело - и неизвестно, чем всё кончится. Хорошо, если только пальцы на руках тебе поломают.

В моих предприятиях - труд отца, на котором он надорвал сердце. Мои предприятия - это вполне приличная зарплата тысячам русских мужиков. Мои предприятия - это поставки дешёвых металлоизделий нашим автомобильным и авиационным заводам. Я не хочу терять мои предприятия. Но не хочу и склонять тебя с риском выручать меня. Решай сам: идти или нет на переговоры с Евгением Петровичем? За отказ обиды не будет...

- Поэзия, установил Маяковский,- это езда в незнаемое. Я не пишу стихов, но езда в незнаемое мне не противна. Когда Евгению Петровичу угодно со мной увидеться?

- Сегодня и здесь. Он плохо переносит пробки на выезде из Москвы и

в середине недели ночует не на даче, а в квартире неподалёку от китайского ресторана. После 21.00 он может по пути из офиса домой завернуть к нам.

Потёмкин вынул из кармана телефон:

- Алло, Евгений Петрович. Мы вас ждём. Через сколько приедете? Понятно.

Красотка-официантка принесла нам с Потёмкиным запечённую утку по-пекински. Расправились мы с ней вовремя.

Глава 4. В тени Жданова

Дверь распахнулась, и в кабинет ресторана ступила скала - весь из мускулов, ёжиком постриженный молодец. С поклоном головы на толстой шее он изрёк:

- Извиняюсь. Встречу ждёте?

Друг мой Серёга откликнулся неспешно:

- Разумеется, уважаемый.

Молодец исчез, затворив за собой дверь.

- Это,- доложил мне Серёга,- охранник того самого вице-президента корпорации, от которого зависит судьба трёх моих предприятий.

Снова дверь открылась минут через пять. В кабинет вошёл седоватый сухопарый муж в очёчках. За ним - умненького вида молодой человек с папками. Серёгу вынесло из-за стола к ним навстречу. Он пожал руку тому и другому и тут же оборотил взор сухопарого на меня:

- Познакомьтесь, Евгений Петрович, вот - старинный мой товарищ, Николай Михайлович Анисин, заместитель главного редактора газеты «Завтра». Мы тёплую встречу уже малость обмыли и с удовольствием приглашаем вас в нашу компанию.

Сухопарый молча протянул мне узкую ладонь через стол и сел напротив рядом с Серёгой. Молодой его спутник положил перед ним две папки и из кабинета удалился, пропустив в двери официантку с подносом. Она поставила Евгению Петровичу чашку чая с лимоном и наполнила его стопку из графинчика чем-то вроде виски.

У нас в стопках была водка. Оставшись втроём, мы опорожнили налитое за сказанное Серёгой - за здравие присутствующих - и Евгений Петрович, прихлёбывая чай и не глядя на меня, заговорил со мной:

- Дело у нас к вам, Николай Михайлович, непростое. Мне им лично приходится заниматься, и хотя сбор информации по делу ведут мои помощники - главного из них вы только что видели - я счёл нужным сам с вами объясниться, ибо вижу проблему во всей полноте.

Манерой разговора Евгений Петрович напоминал степенного

чиновника. Лицом же походил на занудно-одержимого учёного, для которого даже мнимый научный успех - превыше всех обывательских услад.

Опустив на стол чашку с чаем, Евгений Петрович раскрыл лежавшую чуть слева от него папку:

- В чём суть дела? Внимания нашей корпорации заслуживает ныне здравствующий гражданин 1915 года рождения. Он доблестно сражался с немецкими фашистами, получил на фронтах четыре боевых ордена и три медали, дослужился до командира полка и после войны был направлен из Германии на учёбу в Москву. В военную академию. Вот его снимок той поры. Посмотрите.

Евгений Петрович протянул мне верхний в его первой папке лист. На нём - ксерокопия втрое увеличенной фотографии из личного дела. На фото красовался высоколобый подполковник с добродушным взглядом.

- Фамилия этого офицера,- Евгений Петрович забрал у меня лист с ксерокопией,- Щадов, имя-отчество - Тихон Лукич. Так вот, как-то вечером в феврале-марте 1947-го у Малого театра к подполковнику Щадову подошёл майор-лётчик. Указал ему на автомобиль ЗИС-110, на котором тогда ездили самые высокие чины. И изрёк:

- Вас просят туда пройти.

Подполковник подчинился. Майор подвёл его к лимузину, велел занять заднее сиденье, а сам сел за руль. А рядом с ним впереди находился генерал-лейтенант, который, не поворачивая головы к Щадову, стал его допрашивать:

- Какую должность в действующей армии вы занимали зимой 1943 года?

- Командир разведроты.

- Вам приказывали тогда срочно прорываться со своей ротой через линию фронта?

- Так точно.

- С какой боевой задачей?

- Не допустить пленения советского лётчика-истребителя, самолёт которого был повреждён огнём и приземлился на занятом немцами плацдарме.

- Вы справились с задачей?

- Так точно.

- Её выполнение вам тяжело далось?

- Линию фронта мы миновали почти без потерь, а на плацдарме бой с немецкой группой захвата самолёта был трудным.

- Вы видели лётчика, которого спасли от плена?

- Никак нет. Я был ранен и, когда его подобрали наши, потерял сознание.

- Так вы не знаете, кто этот лётчик?

- Никак нет.

- Ну зато теперь, мой дорогой,- генерал-лейтенант обернулся к подполковнику,- узнаешь. Там был я. Я видел тебя раненым и запомнил навсегда. Поэтому мы сейчас выйдем из машины, обнимемся, а потом ни в какой театр не пойдём, а поедем пить спирт - за тебя и моё спасение.

- Пересказанный мной диалог,- Евгений Петрович взял из папки второй лист бумаги,- записан здесь. Записан нами со слов дружка и одновременно водителя Василия Иосифовича Сталина - некоего Олега Степановича. Он оказался памятливым стариком и не забыл обстоятельств ни первой Василия Сталина с Тихоном Щадовым встречи, ни последующих. Для нас,- рука Евгения Петровича потянулась к очередному листу в папке,- особенно ценно следующее воспоминание деда Олега:

- 9 мая 1947 года Василий Сталин, я и Тихон Щадов попали на праздничный приём, где присутствовал Андрей Александрович Жданов - второй человек в партии и государстве. Василий по просьбе Тихона подвёл нас к нему - вот, мол, мои боевые друзья, такие-то и такие-то по именам и фамилиям. И тут между Тихоном и Андреем Александровичем случился разговор:

Щадов. Разрешите, товарищ Жданов, сказать очень личное.

Жданов. По случаю праздника не имею права не разрешить.

Щадов. Когда в 1944-м вы и другие руководители Питера вернули исконные названия 44 улицам и площадям моего родного города, когда я узнал, что, Дворцовая площадь уже не Площадь Рошаля, что, как и прежде, есть Невский проспект, а не Проспект имени Урицкого, мне стало легче воевать. Пусть я погибну, но моя война с немцами не закончится триумфом товарищей рошалей и урицких. Примите, пожалуйста, благодарность русского офицера...

Жданов. Погоди-ка, погоди, подполковник, как, говоришь, твоя фамилия?

Щадов. Щадов.

Жданов. А к такому старорежимному литератору, как Прокоп Щадов, ты никакого отношения не имеешь?

Щадов. Никакого, товарищ Жданов. Никакого, если не считать, что Прокоп Кондратьевич Щадов - мой родной дед.

Жданов. Да, братец, корни в твоих умонастроениях проглядывают. Но, надеюсь, книг-то дедовых, запрещённых после 1917-го, ты не читал?

Щадов. Так точно. Не читал, товарищ Жданов. Я их все основательно

дома изучал - и когда был старшеклассником, и когда учился в Московском университете. Я ведь до войны стал, как и дед в своё время, дипломированным историком.

Евгений Петрович положил на стол второй взятый им из папки лист с записью беседы поверх первого - с ксерокопией фото и наконец-то взглянул на меня:

- С сочинениями деда упомянутого подполковника - Прокопа Щадова - вам не приходилось знакомиться?

- Я читал пару переизданных недавно его книг.

- А у нас,- тихо сложил ладоши Евгений Петрович,- есть изготовленная по нашему заказу рукопись с изложением содержания практически всех творений Прокопа Кондратьевича Щадова. Он происходил из семьи южнорусских купцов, которым, надо полагать, приходилось сталкиваться с жёсткой конкуренцией еврейских торговцев. Поэтому не удивительно, что в Петербургском университете времён царя Александра студент Прокоп Щадов проявляет интерес к еврейскому вопросу и начинает изучать иврит и идиш. Первые его работы - чистая гебраистика - анализ памятников древнееврейской письменности. Но со временем всё написанное им, как вы, наверное, сами могли убедиться, пронизывает лозунг: «Шерше де жюир!» («Ищите жида!») Наблюдается падение нравов в обществе - «Ищите жида!» Свершаются загадочные и запутанные злодеяния - «Ищите жида!» Происходят финансово-экономические потрясения - «Ищите жида!»

До 1917 года Прокоп Щадов не дожил. А его сын Лука встретил Октябрьскую революцию офицером Генштаба. Ему, казалось бы, предстояло ответить за книги отца перед комиссарами-евреями. Но они не только не поставили его к стенке рядом с теми, кого считали черносотенцами, но и доверили ему довольно видный пост в штабе Красной Армии. Почему?

Лука Прокопьевич написал и издал к 10-летнему юбилею Великого Октября небольшую книженцию о своей военной службе до и после революции. В ней он между прочим упоминает о дружеских отношениях в царские времена с неким унтером Соломоном. Мы навели о нём справки и оказалось, что сей Соломон был крупным иудейским религиозным лидером, авторитетным не только для евреев-сионистов, но и для евреев-коммунистов. И те и другие на Талмуде ведь воспитывались. Дружба с Соломоном, вероятно, и явилась для Луки Щадова своего рода щитом от мести за инсинуации отца в адрес евреев.

В отличие от Прокопа Кондратьевича, Лука Прокопьевич, по всей видимости, на самом деле лично, внутренне не принимал и даже отрицал лозунг «Ищите жида!». Но, тем не менее, книги отца, переезжая из Питера в Москву, он из своей библиотеки не выбросил. В результате наш герой - Тихон Лукич Щадов - получил возможность их изучать, и это обстоятельство перевернуло всю его послевоенную карьеру. Да и всю

жизнь после Великой Отечественной.

Изъяв из папки сразу несколько скреплённых вместе листов с текстом, Евгений Петрович снова одарил меня своим лишённым всяких эмоций взглядом:

- Когда Тихон Щадов доложил Жданову, что он - дипломированный историк, Василий Сталин подхватил под локоть своего дружка Олега и увёл его знакомить с популярным артистом Андреевым. Короче говоря, наш источник информации в лице Олега Степановича при продолжении разговора Жданова со Щадовым не присутствовал. Но ему известна обращённая тогда к Тихону фраза Жданова:

- Коль ты, подполковник, шибко сведущ в прошлом еврейства, скажи - а в настоящем, сейчас, после того как народы СССР спасли евреев от Гитлера, еврейская проблема у нас в стране может быть успешно разрешена и постепенно сойти на нет?

Ответа Тихона Щадова на этот поставленный Ждановым вопрос, подчёркиваю, Олег Степанович не слышал. Но он прекрасно был осведомлён - какую точку зрения на еврейский вопрос в России-СССР имел Тихон Щадов - и изложил нам её. Из того обилия слов, что он наговорил в диктофон, мы выбрали ряд наиболее существенных тезисов. Вот, взгляните.

Евгений Петрович вручил мне листы, на первом из которых был заголовок: «РАЗМЫШЛИЗМЫ ЩАДОВА НА ТЕМУ ЕВРЕЕВ». А за сим следовало:

- Дворянство как правящий класс России к 1917 году превратилось в навоз. Ни воли истребить заразу смуты, ни мозгов искоренить реальные причины недовольства народа. Русские буржуа в политике - копия дворян.

Вывод: на свалку истории тех и других списала их же политическая импотенция.

- Рабочий класс Российской империи был жалок по числу, не объединён в профсоюзы и как самостоятельная сила в борьбе за власть несерьёзен. Великая же масса крестьянства по природе своей способна быть лишь ведомой в политике.

Вывод: на смену дворянско-буржуазной власти в России чисто рабоче-крестьянская власть прийти не могла.

- Шанс править страной по мандату от рабочих и крестьян имели три партии разночинных интеллигентов - кадеты, эсеры, большевики. Русский трудовой люд сомневался - кому из них отдать предпочтение. Евреи же, сплочённые жёсткой племенной дисциплиной, в значительнейшей их части с лета 1917-го заняли сторону большевиков. Наплыв в их партию тьмы нахальных еврейских агитаторов-горлопанов и безжалостных главарей-палачей позволил большевикам и захватить власть, и сохранить её в ходе Гражданской войны.

Вывод: рабочие и крестьяне России пошли за той партией интеллигентов, на которую поставил Синедрион - тайные вожди 6-миллионной еврейской общины.

- Они - везде на ключевых ролях. Они - в ЦК партии и в правительстве. Они возглавляют губернии, города и уезды. Они управляют всей финансово-хозяйственной деятельностью страны. Они вершат правосудие. Они представляют Россию-СССР за рубежом. Они делают погоду в культуре, образовании и пропаганде.

Вывод: с Октябрьской революции 1917-го субъектом власти в нашей стране стала нация. Нация евреев.

- Верхушка еврейской власти заняла особняки и дачи дворянской знати, она отдыхала на лучших российских курортах и лечилась в Европе, она пристраивала родственников и соплеменников на самые хлебные должности, она обеспечивала беспрепятственное поступление их детей в вузы. То есть она могла жить в России себе в удовольствие. Но, тем не менее, через Коминтерн, Профинтерн и Минвнешторг уводила из страны за границу миллионы валюты и сплавляла туда в огромных количествах драгоценности и антиквариат.

Вывод: вознесённые на высокие посты евреи смотрели на Россию-СССР не как на Новую Иудею, не как на свою собственную страну, а как на захваченный в бою город, который не грех пограбить.

- Товарищ Карл Маркс, сам еврей - внук раввина, говорил: «Ревнивый бог Израиля - деньги». Это - правда, но не вся правда.

Деньги - теневая власть. Чин - физически осязаемая власть. Слава - моральная власть. Бог сынов Израиля триедин. И евреи, ставшие к рулю Советского государства, принялись не только негласно соревноваться - кто больше валюты и добра умыкнёт за границу, но публично начали яростно выяснять меж собой: кому быть всех главней и знаменитей в России-СССР?

Вывод: драчки за первенство между еврейскими руководителями в разорённой двумя войнами стране неминуемо бы привели к новой смуте в ней, если бы товарищ Сталин политическим мастерством своим не обеспечил их съедение друг друга в сжатые сроки.

- В детстве и юности товарищ Сталин был грузином. Но волею судьбы перевоплотился. Она, судьба, погрузила его в раствор русскости. Сталин, крестьянин Тифлисской губернии по паспорту, из года в год, из десятилетия в десятилетие скрывался в разных городах на подпольных квартирах у русских мещан. Он организовывал забастовки и демонстрации русских рабочих. Он в арестантских вагонах долгие дни и ночи проводил с русскими грешниками и праведниками всех сословий по дороге в семь его ссылок в далёкое захолустье. Он рисковал жизнью и одерживал победы на фронтах Гражданской войны вместе с одетыми в шинели русскими крестьянами. В отличие от Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева и Бухарина, которые бунтовали против царизма за границей, Сталин знал

жизнь простых русских людей, впитал их думы и чаяния.

Вывод: среди первых лиц послереволюционной России Сталин являлся единственным русским по духу политиком.

- С 1917-го страной управлял Совет народных комиссаров. Управлял так, как хотело Политбюро ЦК ВКП(б). Партия направляла и контролировала работу всех органов советской власти - от Совнаркома до сельсоветов. Деятельностью партии руководил секретариат - чисто техническая структура. Политбюро принимало решение, секретари ЦК с их аппаратом доводили его до сведения всей партии и обеспечивали исполнение. Никакими властными полномочиями секретариат ЦК не обладал. И когда в 1922-м учредили пост Генерального секретаря - главы секретариата - и назначили им члена Политбюро Сталина, то это означало лишь намерение высших чинов партии повысить статус технической структуры и, соответственно, эффективность исполнения директив Политбюро. Сталин, став генсеком, ничего, как политик, не терял и не приобретал. Он в новой должности был целиком и полностью подчинён Политбюро и мог только его решения проводить в жизнь. Но вскоре Председатель Совнаркома, член Политбюро Ленин напишет в «Письме к съезду»: «Товарищ Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть». А это значит, что вожди-евреи революционно болтали, мерились славой, обогащались, развлекались, а Сталин упорно и грамотно работал, решал злободневные проблемы. И большинство партийно-хозяйственного аппарата, в том числе и из евреев, именно с ним предпочитало иметь дело, именно ему желало подчиняться.

Вывод: необъятная, по Ленину, власть Сталина - это власть авторитета его личности, а не должности.

- 16 декабря 1922-го официального главу государства и признанного вождя партии Ленина разбил паралич. Надежды на его выздоровление были призрачны, и, само собой, встал вопрос о преемнике. Наиболее высокую популярность в массах имел член Политбюро, начальник армии и флота Троцкий-Бронштейн. Самый доверенный человек Ленина, властитель Питера Зиновьев-Апфельбаум доминировал в Политбюро. Он делал политические доклады ЦК на XII и XIII съездах партии в 1923-м и 1924-м. Хозяин Москвы и второе лицо в Совнаркоме Каменев-Розенфельд в период болезни Ленина фактически руководил правительством. У всех троих - у Троцкого, Зиновьева и Каменева - были реальные рычаги власти. Сталин таких рычагов не имел. Но во второй половине 20-х по стране пошёл гулять анекдот: «Чем Моисей отличается от Сталина? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин - из Политбюро».

Вывод: еврейские деятели потеряли власть потому, что не умели ею распорядиться.

- В день десятилетия Октября ранее грызшиеся между собой сторонники Троцкого, Зиновьева и Каменева объединились и надумали вывести на улицы народ с антисталинскими лозунгами. Но активную

поддержку они нашли только у студентов, среди которых процент евреев был огромен. За попытку организовать бузу в столице партийными билетами, а с ними и правом на власть, поплатились не только бывшие члены Политбюро, но и близкие к ним разного ранга партийные и советские работники - гордоны, левины, лелозолы, натансоны, радеки, раковские, рафаилы, роцканы, устимчики, шрайберы.

Вывод: в 1927 году товарищ Сталин лишил партбилетов и постов только тех евреев, амбиции которых слишком превышали их деловые качества.

- Первый отлив евреев от власти почти сразу сменился их же приливом в неё. Стране предстояло провести коллективизацию - болезненную, но позарез необходимую ей для выживания операцию. Производство хлеба и его поставки на рынок при индивидуальном крестьянском хозяйствовании неуклонно падали. В январе 1926-го заготовки зерна составили 428 миллионов пудов, в январе следующего года - 300 миллионов. А требовалось 500. Надвигался голод. Но русские политики во власти, не желая заглядывать вперёд, оперировать русскую деревню отказывались, и товарищу Сталину пришлось потеснить их за счёт инородцев. Членом Политбюро стал Каганович, наркомат земледелия возглавил Эпштейн-Яковлев, Колхозный центр - Каминский, Совхозный - Калманович, власть в областях Черноземного центра досталась Варейкису, в областях Нечерноземья - вокруг Москвы - Бауману, в областях Средней Волги - Хатаевичу, в областях Западной Сибири - Эйхе. Карательные органы позволили прибирать к рукам Ягоде-Иегуде, вместо русского Чичерина наркомом иностранных дел сделали Литвинова-Валлаха, в главное политуправление армии вместо Бубнова назначили Гамарника. Новый призыв во власть инородцев, абсолютное большинство среди которых составляли евреи, обернулся перегибами в коллективизации. Скажем, Варейкис в Черноземье за полгода взвинтил количество крестьян в колхозах с 6 до 80 процентов, а Бауман в Нечерноземье за тот же срок увеличил число колхозников с 3 до 70 процентов. Инородцы мордовали русских крестьян и когда надо, и когда не надо. Но колхозы, тем не менее, приживались, и поставки зерна государству постепенно стали возрастать, что позволило выполнять планы индустриализации страны.

Вывод: отлив евреев от власти и прилив их в неё товарищ Сталин производил не из личных антипатий или симпатий к ним, а исходя из объективных потребностей развития страны.

- Все сословия немцев после 1933 года приняли идеологию национал-социализма, все дружно принялись работать на достижение мирового господства Германии. Избежать пожирания ею Россия могла только в одном случае - только противопоставив огромной монолитной энергии немцев такую же энергию русских. Но русские не могли сплотиться вокруг государства, где господствовали евреи и где интересы их нации были превыше всего.

Вывод: волей обстоятельств в мировой политике Сталин был

поставлен перед выбором: или очистить власть России-СССР от евреев, или отдать страну на растерзание Германии.

- К 1934 году еврейские деятели уже почувствовали, что Сталин становится всё более и более независим от влияния их общины. В том же году, накануне XVII съезда партии, меж самых влиятельных деятелей этой общины пошли разговоры: надо менять Сталина на Кирова. Он, Киров, член Политбюро и глава Питера, был по природной фамилии Костриковым. Но, женившись в молодости на дочери иудейского священника Маркус, изменил фамилию в честь любимого евреями персидского царя Кира, который разрешил им вернуться из вавилонского плена в Иерусалим и восстановить Храм. С ожидовленным русским Кировым вместо русского грузина Сталина еврейская община могла по-прежнему господствовать в России. До прихода в неё Гитлера. Устранить Сталина решено было на следующем съезде партии. Но он не стал этого дожидаться. Киров был поставлен под пули, а вину за его убийство в первую очередь возложили на его же еврейских единомышленников. По стране покатились волны увольнений, арестов, казней.

Вывод: высокопоставленные евреи не разглядели страшную угрозу для России и их самих со стороны нацистской Германии, опасаясь Гитлера менее, чем Сталина, они готовили расправу со Сталиным и его русскими соратниками - и тем пришлось прибегнуть к поспешной и кровавой чистке власти.

- Из двух тысяч делегатов XVII съезда до очередного XVIII, состоявшегося через пять лет, не дожили 1108. За те же пять лет руководящие посты в органах партии и государства по всей стране заняли 500 тысяч новых работников. Среди лишившихся ключевых должностей в аппарате ЦК и наркоматов сильно преобладали аграновы и берманы, вейнбаумы и гладштейны, паукеры и рухимовичи, слуцкие и тарсисы, фельдманы и якиры.

Вывод: во второй половине 30-х годов в России произошла своего рода русская национальная революция, в ходе которой сообщество евреев утратило статус субъекта власти.

- Необходимость этой революции диктовалась как внешними, так и внутренними причинами, ибо при сохранении еврейского господства исключалось не только единение русского народа с властью, но и успешное развитие экономики и оборонной мощи страны. Пламенные революционеры-евреи в абсолютном их большинстве до 1917 года были торговцами и ремесленниками. Но грянул Великий Октябрь, и бывшие парикмахеры, аптекари, сапожники и лавочники стали управлять всем и вся - от финансов и промышленности до культуры и дипломатии. Некоторые из новых начальников со своими засохшими мозгами овладевать знаниями для эффективного управления уже не могли, некоторые - не хотели: не для того брали власть, чтобы прозябать за книжками. Но и это не всё. Каждый почти еврейский начальник впитывал с молоком матери постулат Талмуда: «Вы все, евреи, люди, а прочие

народы не люди». Вытравить это вошедшее в плоть убеждение удавалось далеко не многим иудеям, провозгласившим себя коммунистами-интернационалистами. Следовательно, не людям - русским и другим советским гражданам еврейские начальники служили постольку, поскольку надо было для сохранения их власти, о людях же - о себе и своих соплеменниках - радели на всю катушку.

Вывод: устранение из правящей номенклатуры евреев с былыми революционными заслугами означало избавление власти от некомпетентности, своекорыстия и обновление её свежей животворящей кровью.

- С 1 октября 1939-го до 22 июня 1941-го, то есть меньше чем за два года, численность Вооружённых сил в нашей стране увеличилась в 3,5 раза, а производство оружия - в 4 раза. Раньше в бюджете государства не было денег ни на новых солдат с офицерами, ни на новые танки с самолётами и пушки с пулемётами. И вдруг деньги появились. Откуда? С первых дней Октябрьской революции и до середины тридцатых пламенные революционеры-евреи умыкали из России за границу миллионы валюты и тонны драгоценностей. Перед судебными процессами над ними в 1937-1938-м каждому из них предложили: то ли умереть жутко мучительной смертью, то ли отправиться в мир иной легко или даже сохранить жизнь в случае возврата русскому народу похищенных у него богатств. Что выбрали пламенные революционеры-евреи, неслабую прежде волю которых растопили блага власти, ясно - количество воинов и оружия в Красной Армии значительно возросло.

Вывод: победа русской национальной революции в 30-х поставила крест на грабеже России евреями-революционерами и привела к возвращению в неё значительной части награбленного.

- Удар Сталина по туповатым и жуликоватым евреям во власти не сопровождался выпадами против всей еврейской общины России-СССР. Пострадала в ней лишь группа интеллигентов, тесно связанная с заговорщиками. Никаких мер по ограничению гражданских прав евреев не последовало. Число студентов их нации в вузах не сокращалось, а, напротив, увеличивалось.

Вывод: выдавливание представителей еврейской общины из власти вело евреев не к катастрофе, а лишь к уравниванию их положения в стране с другими народами.

- В 1938-м, когда евреи в Германии, заклеймённые Гитлером как нация паразитов, оказались перед неизбежностью массовых погромов и арестов, евреи же в России-СССР могли устраивать свою жизнь как им заблагорассудится. Сталинская политика предоставляла им на выбор два варианта их будущего: либо живите и работайте в любых городах страны и тихо-мирно ассимилируйтесь с коренными народами, либо, если не хотите терять ваше национальное лицо, съезжайтесь все на одну свободную, никем не занятую территорию - вот вам Еврейская автономная область на

Дальнем Востоке. Заселяйте её, обихаживайте с помощью госбюджета СССР и живите там согласно вашим традициям и устоям.

Вывод: после чистки кадров Советское государство не давало еврейской общине никаких поводов для конфликта с ним - такой конфликт мог возникнуть только по субъективным мотивам самой этой общины.

- На постоянное жительство в Еврейскую автономную область, образованную решением Политбюро ЦК в 1934-м, евреи поехали. Но не миллионами, не сотнями и не десятками тысяч человек. Во второй половине тридцатых годов, так же как и прежде, стремительно продолжало нарастать еврейское население Москвы, Питера и других крупных городов. За первые двадцать лет советской власти миллионы евреев покинули свою родину в бывшей черте их осёдлости на Украине и Белоруссии и с помощью родственников и соплеменников во власти благополучно устроились в обеих столицах и в центрах областей Российской Федерации. С 1917-го по 1937-й число евреев в Москве увеличилось в 40 с лишним раз. В последующие годы их миграция в города Великороссии не стала меньше. На призыв же партии и правительства обосноваться в Еврейской автономной области из 6 000 000 евреев откликнулись всего 15 000.

Вывод: собственная государственность внутри России-СССР ценности для евреев не представляла. Национально-культурная автономия - это, конечно, хорошо, но её обретение на необжитой и отдалённой территории сулило еврейской общине гораздо меньше материальных благ, чем рассеянность по городам, где жизнь била ключом. Меркантильные интересы евреи предпочли национальным и от своей автономной государственности отказались.

- Согласно переписи 1897 года из 5 миллионов 300 тысяч евреев Российской империи на родном языке говорили 97 процентов. Перепись же 1939 года зафиксировала, что в империи Советской языком предков владеют только 40 процентов всей еврейской общины. Перемещаясь из черты оседлости в российские города, евреи теряли не только свой язык, но и свою культуру с традиционным укладом жизни. Единственное, что все они сохраняли,- это племенная солидарность. Заповедь Талмуда - если еврей мог помочь, но не помог еврею, то его следует забить камнями - еврейская община, разбросанная по столичным и областным городам, свято исповедовала. Можешь пристроить соплеменника на высокооплачиваемую или престижную работу - пристрой, можешь посодействовать ему в получении жилья - посодействуй, можешь протолкнуть его на студенческую скамью в вуз - протолкни.

Вывод: утрачивая национальную самобытность, еврейская община не растворялась среди русских и прочих народов России-СССР, а превращалась в уникальную партию - в партию соплеменников, нацеленную на достижение их преуспевания.

- К двадцатой годовщине Октября - к году 1937-му - из каждой тысячи

евреев среднее образование имели 300, высшее - 60 человек. На каждую же тысячу русских приходилось лиц со средним образованием - 80, с высшим - 6. Процент евреев в творческих союзах в несколько раз превосходил их долю в населении страны. В телефонном справочнике Москвы конца тридцатых - уйма еврейских фамилий. А телефон - это показатель достатка или солидного служебного положения. Житейские успехи евреев - результат того, что представители их племенной партии в России-СССР почти 20 лет составляли костяк правящего аппарата. Чистка в этом аппарате лишала еврейскую общину блата в государстве, снижала тем самым её шансы на преуспевание, и она не могла покорно с этим смириться.

Вывод: теряя влияние во власти на исходе 1930-х, единая племенная партия евреев теряла свою лояльность к Советскому государству и превращалась в оппозиционную ему социальную группу-силу

- До и во время Великой Отечественной войны еврейское недовольство сталинской политикой было глубоко скрыто и никак не проявлялось. Сталин отнял у общины евреев в России-СССР властные привилегии, Гитлер сулил ей если не физическое, то сокрушительное моральное истребление. Поэтому она в предвоенные и военные годы о вражде с Советским государством не помышляла. С разгромом же Гитлера нужда в мире с этим государством у еврейской общины исчезла, а от желания вернуть в нём своё былое господство она избавиться не могла. Племенной Бог милует евреев на Небе, если на Земле они добиваются полного превосходства над другими народами. А поскольку этого превосходства невозможно добиться без власти, то сразу после салютов 1945-го меркантильные интересы еврейской партии заставили её думать о том, как посеять в России-СССР такую смуту, в которой можно вновь захватить бразды правления страной.

Вывод: со Дня Победы в лице общины евреев как этнической партии Советское государство заимело серьёзного внутреннего врага.

- Разруха от войны в наших западных городах и весях жуткая, на зато русских дух во всей стране крепок, как никогда. Победа над немцами окрашена преимущественно русской кровью. И мы, русские, выиграв великие битвы, обрели великую веру в свои силы. Нам море по колено. Тост товарища Сталина за русский народ на победном приёме в Кремле свидетельствует: в мирное время, как и в военное, сохраняется единение власти и основной нации - русских. А при том никакие невзгоды государству не страшны и ничто ему изнутри не угрожает. Всё так. Но только на первый взгляд. Ложка дёгтя портит бочку мёда, а ничтожный болезнетворный микроб, если не мешать его действию, может сгубить любой живой организм - как человеческий, так и государственный.

Вывод: не важно, что в сравнении с русским и другими народами число евреев в России-СССР невелико. Важно то, что Советское государство, где не они правят бал, им чуждо и их разветвлённая община ныне - это уйма бактерий разложения - разложения наших

государственных устоев.

- У многих власть имущих русских - жёны-еврейки. У многих из них евреи - в друзьях и советчиках. Немало евреев - в руководстве фабрик-заводов, вузов и школ, больниц и коммунальных хозяйств. В прессе и литературе, в кино, театре и музыке евреи - законодатели моды. При таких позициях еврейской общине многое по силам. Она может и нашёптывать ошибочные решения в политике, и извращать исполнение решений верных, дабы вызвать недовольство народных масс. Но главная исходящая от общины опасность - идеологический переворот в стране. Миллионы лукавых еврейских умов сначала устно - через остроумные анекдоты-байки и шутки-прибаутки - начнут опошлять высокие идеалы государства. Затем то, что на слуху,- через Эзопов язык - станет проникать мимо цензоров в статьи-книги и в спектакли-кинофильмы: социализм как справедливость для всех и каждого - чушь, служение Родине - ничто по сравнению со служением своему животу. А если русский народ останется без идеалов, то его легко заплутать и втянуть в заварушку, в которой спаянная еврейская партия сможет взять власть, как и в 1917-м, но, вероятно, под прямо противоположными лозунгами.

Вывод: мы не сохраним наше Советское государство, не разрешив еврейскую проблему оптимальными политическими мерами.

Этот вывод был последним на последнем из вручённых мне листов с текстом. Когда я дочитывал приписываемые товарищу Щадову мысли о евреях в России-СССР, мой друг Серёга Потёмкин о них же, о евреях, вдруг молвил Евгению Петровичу своё слово:

- Я - не антисемит. Поверьте,- слегка уже захмелевший Серёга постучал себя в грудь.- Но уж больно много евреев в телевизоре. И это б можно не замечать, если бы не одна заморочка. Вот раньше евреи у нас были талантливые. Исаак Дунаевский сочинил «Школьный вальс» - чудо, а не музыка. Марк Бернес что б ни пел - всё за душу брало. Аркадий Райкин как отчубучит про греческий зал, все друг другу пересказывают. Ну а теперь, где такие же евреи? Игорь Крутой, говорят, сотни песен написал - я ни одной не запомнил. Веронику Долину, самую раскрученную из певиц еврейку, я по приговору суда могу только слушать. Был артист-юморист Геннадий Хазанов из кулинарного техникума. Был да сплыл - стал на одно лицо с Жванецким и Винокуром: посмешат они тебя - и ты тут же забываешь, над чем смеялся. Да, обмельчало наше еврейство. Обмельчало.

- А вы уподобьтесь мне,- Евгений Петрович жестом предложил Серёге наполнить стопки,- смотрите по телевизору только новости и политические программы. В них выступают артисты не без таланта. Несостоявшийся офицер-разведчик Путин мастерски делает вид, что он - президент России. Спец по электронным приборам Грызлов отменно даёт понять, что он знает толк в законотворчестве. Юрист-консультант Греф основательно показывает, что он руководит экономическим развитием и торговлей страны. Прочие актёры в политике тоже не мелкие.

- Да еханый бабай с ними со всеми,- махнув рукой, Серёга поспешил разливать. Мы без тоста выпили. Я заел водку грибом и вернул Евгению Петровичу его листы. С репликой:

- Не хватает в вашем тексте самого интересного: мнения товарища Щадова - как следовало разбираться с еврейской проблемой?

- На сей счёт,- Евгений Петрович развёл руками,- наш источник информации - Олег Степанович - ничего вразумительного не вспомнил. В застольях дружеских Щадов излагал лишь своё видение проблемы, а решения её не касался. Его ответа на вопрос Жданова, я уже говорил, Олег Степанович не слышал. Но от него мы узнали одну интригующую деталь. В конце разговора Жданов спросил Щадова: «Где ты, подполковник, служишь?» Он отрапортовал: «Прохожу обучение в Академии». И тут Жданов как бы невзначай обронил: «Учёного учить - только портить».

Фраза эта, выяснили мы, не вдруг была брошена,- Евгений Петрович взял очередной лист из своей папки.- Мы нашли в архивном фонде Академии личное дело подполковника Щадова. В нём чёрным по белому написано, что он, Щадов, в конце мая 1947-го был откомандирован в распоряжение ЦК ВКП(б). Формулировка очень странная, даже загадочная: не переведён, а откомандирован. То есть подполковник Щадов вроде бы остаётся слушателем Академии, но прерывает обучение в ней и направляется в главный центр власти - Центральный комитет партии - нести там какую-то службу. Какую именно?

В Российском госархиве новейшей истории фонд секретариата ЦК закрыт полностью, а фонд аппарата ЦК слегка приоткрыт. Наши люди в порядке исключения к его документам получили более, чем историкам дозволено, широкий доступ, и нигде фамилия «Щадов» им не встретилась. Тогда они стали в том же фонде аппарата ЦК выискивать тех, кто хоть каким-то боком был причастен к товарищу Жданову. Семь таковых сотрудников ЦК нашли и попытались выяснить - есть ли среди них ныне живущие? Выяснилось: да, есть. Но всего один сотрудник, точнее, сотрудница - Анна Павловна.

Она точно такого же почтенного возраста, как и Олег Степанович, но, увы, далеко не с такой крепкой памятью, как он. Анна Павловна сразу даже не припомнила, кем работала в ЦК - инструктором или инспектором. Сослуживцев своих ей не всех удалось позабыть. Но ни один из воскрешённых в её сознании не был Щадовым. Всё, казалось бы, точка.

Но на удачу нам Анна Павловна оказалась закоренелой антисемиткой. И как только наши люди начали её вопрошать - не работал ли с ней человек, специально занимавшийся еврейским вопросом, она вдруг просияла: ей в знак особого доверия Жданова поручали вместо машинистки перепечатать на имя Сталина совершенно секретную записку - о евреях. Её автором был не сотрудник ЦК, а некий статный полковник, вхожий в разные партийные кабинеты, в том числе и в самые высокие.

Записка так пришлась по сердцу Анне Павловне, что она тогда, в конце 1947-го, заучила её наизусть, а в 1956-м, после увольнения из ЦК, запечатлела на бумаге. Чтоб ничего не запамятовать. Сейчас эта пожелтевшая бумага с текстом записки - здесь.

Я ожидал, что Евгений Петрович немедля передаст мне последний в первой его папке лист. Но он озадачил меня вопросом:

- Как вы думаете, чья фамилия стоит под запиской?

- Вероятно, не некоего полковника, а прелюбопытного вам подполковника Щадова.

- Нет, именно полковника. Полковника Щадова. В 1956-м Анне Павловне было всего 40 лет и она с её умом, достойным сталинского ЦК партии, не могла ничего перепутать. И тут возникает серьёзная загвоздка...

- Прошу прощения,- перебил Евгения Петровича Серёга.- Вам легче будет одолеть загвоздку, если я ещё закажу горючку - у нас и водке, и виски - каюк вот-вот.

- Мне и чаю ещё,- отозвался Евгений Петрович. И, не поворачивая головы в сторону подавшегося из кабинета Серёги, продолжил:

- Так вот, слушатель Академии подполковник Щадов с командировкой в ЦК ВКП(б) получает и новую звезду на погоны, и возможность встречаться с высоким начальством. То есть он, оставаясь военным, начинает исполнять некую политическую роль. Эту его роль кому-то не желательно афишировать, и потому Щадов по-прежнему числится в Академии. Ему просто как бы временно предписали чем-то заниматься. Чем конкретно?

Скорее всего, направление Щадова в распоряжение ЦК состоялось благодаря его разговору на кремлёвском приёме со Ждановым. А ему он мог быть интересен не как историк с дипломом советского истфака и не как офицер с боевым опытом Великой Отечественной, а как внук литератора царских времён с унаследованным от деда якобы научным антисемитизмом. Таковой антисемитизм, возможно, был симпатичен Жданову, но даже он при всём его огромном влиянии в советской политике вряд ли сам решился бы ангажировать Щадова.

В 1947-м из 10 высших руководителей СССР, то есть из 10 членов Политбюро ЦК, один был евреем - Каганович, а шесть являлись еврейскими родственниками. У Молотова, Маленкова, Ворошилова, Хрущёва и Андреева - жёны-еврейки, у Сталина - зять-еврей. С этим обстоятельством

Жданову нельзя было не считаться. И коль он запросил командировать в ЦК подкованного антисемита Щадова, то это было нужно Сталину. Ему, Вождю с абсолютной властью, ему, генералиссимусу со всесветной славой победителя фашизма, наверное, чудилась та же внутренняя угроза Советскому государству, что и неизвестному стране

подполковнику Щадову. Жданов, по всей видимости, уловил схожесть мыслей генералиссимуса и подполковника и представил Сталину Щадова: вот на редкость образованный политический антисемит, кровью доказавший верность Родине, и кого, как не его, использовать в разработке и проведении тайной операции по разрешению еврейской проблемы. Это наше предположение верно почти на 100 процентов. Почему?

Евгений Петрович умолк, увидев вернувшегося в кабинет Серёгу и вслед за ним вошедшую официантку с двумя штофами и чашкой чая на подносе. Официантка изящно выставила напитки на стол, прихватила порожнюю посуду и в две секунды растворилась за дверью. Серёга немедля взялся наливать мне и себе - водку, виски - Евгению Петровичу. Тот пригубил из стопки, отхлебнул из чашки чая и впервые обратился ко мне по имени-отчеству:

- Теперь, Николай Михайлович, начинается то самое интересное, которое вы не обнаружили в недавно прочитанных вами страницах.

Личная канцелярия Генерального секретаря ЦК Сталина до 1930-го находилась на Старой площади, а потом переместилась в Кремль. Канцелярия имела и другое название - секретный отдел ЦК.

Чем сей отдел занимался, ни руководители всех прочих отделов Центрального комитета партии, ни секретари ЦК ни даже члены Политбюро, ни тем более наркомы не знали - не ведали. Канцелярия Сталина была канцелярией только Сталина. И только.

В 1922-м из СССР в Германию отпустили на учёбу 26-летнюю актрису Ольгу Чехову - племянницу жены писателя Антона Павловича Чехова и бывшую жену его же племянника - актёра Михаила Чехова. В 1936-м Ольге Чеховой, с успехом снимавшейся на киностудиях Европы и США, Гитлер присвоил звание «Государственная актриса Германии». Ольга Чехова соединяла в себе, казалось бы, не соединимое - она была близкой подругой любимой женщины Гитлера - Евы Браун и преданным агентом Сталина. То есть сведения о планах и намерениях Гитлера Сталин получал из его спальни. Получал не через структуры внешней разведки, где возможна измена и утечка информации, а напрямую. В 1945-м сотрудники Министерства госбезопасности загребли Ольгу Чехову в Берлине и переместили в тюрьму в Москве. И тогда же последовал приказ Сталина: Государственную актрису Германии Ольгу Чехову вернуть в Германию, предоставить ей роскошную виллу в собственность и никогда больше не беспокоить.

Связь с Ольгой Чеховой, как и с иными особо ценными агентами Сталина, вели особые люди - люди из личной канцелярии Сталина. В штате этой канцелярии было несколько должностей сотрудников по особым поручениям. Какие поручения давались таковым сотрудникам - никому из высших деятелей СССР не сообщалось, но всем им надлежало оказывать содействие особистам и исполнять их просьбы.

- Выходит,- попытался я предугадать ход рассуждений Евгения Петровича - наш герой Щадов из Академии шагнул на самый Олимп - стал личным порученцем Сталина.

- Это не совсем так,- Евгений Петрович медленно сделал глоток чая.- Из Академии Щадова откомандировали в ЦК в мае 1947-го, тогда же, мы полагаем, поставили пред очами Сталина и повысили в звании. Но лишь спустя несколько месяцев произошло то, что вы предположили.

Документы из канцелярии Сталина до сих пор полностью засекречены, и нашим людям поработать с ними не удалось. Но в Архиве Президента Российской Федерации нам выдали устную справку о том, что в ноябре 1947-го в сталинской канцелярии на имя Тихона Лукича Щадова было выписано удостоверение сотрудника по особым поручениям. Сталин произвёл-таки Щадова в своего особиста. Произвёл сразу после того, как Щадов изготовил ту самую записку, которая настолько впечатлила антисемитку Анну Павловну, что она её запомнила и сохранила для нас с вами. И вы можете ознакомиться с творчеством полковника Щадова.

Евгений Петрович наконец-то протянул мне последний лист из его первой папки. Лист натурально пожелтевшей бумаги. На ней в правом верхнем углу значился адресат: Сталин с двумя его титулами - Генеральный секретарь ЦК и Председатель Совета Министров СССР. Чуть ниже заглавными буквами было напечатано:

«К СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА В СССР»

Далее шёл машинописный со строками в два интервала текст под цифрами:

«1. Внутреннюю опасность, исходящую от еврейской общины Советскому государству, не ликвидировать гуманными способами без использования внешнеполитического авторитета СССР.

2. Многие евреи во всём мире сегодня пристально смотрят на Ближний Восток. Сионистское движение набирает силу в разных странах. Но правители США и Великобритании не желают давать добро на еврейскую государственность у холма Сион. Мы должны помочь сионистам, и у нашей дипломатии есть шанс провести в ООН решение о создании государства Израиль.

3. Среди евреев СССР сионистские настроения распространены менее, чем реваншистские. Большая часть еврейской общины мечтает о возврате к прежнему своему владычеству в нашей стране, и после провозглашения Израиля ей придётся внятно намекнуть - ради чего Советский Союз добился образования государства у Сиона.

4. Моральный погром еврейской общины - это комплекс разнообразных мер:

- надо отправить за пределы политической сцены наиболее влиятельных лидеров общины - жену члена Политбюро Молотова Жемчужину-Карповскую, близкого некогда к Ленину члена ЦК ВКП(б)

Лозовского-Дридзо, режиссёра и председателя Еврейского антифашистского комитета Михоэлса-Вовси;

- надо закрыть Еврейский антифашистский комитет - этот своеобразный ЦК этнической еврейской партии и прекратить финансирование убыточных еврейских театров - партийных обкомов еврейства;

- надо раскрыть факты вредительства в трудовых коллективах с еврейским руководством;

- надо организовать громкие суды по антигосударственным преступлениям с участием евреев.

5. Наша пропаганда не должна уподобляться гитлеровской. Русские с их открытой к страданиям всех душой не примут, в отличие от немцев, травлю целой нации.

Нам в прессе следует обвинять не евреев как таковых, а врагов СССР с еврейскими фамилиями. Это усилит спровоцированный самими же евреями бытовой антисемитизм. Его надо умно подогревать и в пик дискомфорта для евреев распахнуть перед ними границу. При всём том евреи-реваншисты вынуждены будут превратиться в сионистов, и Советскому государству, дабы не знать новой смуты, останется лишь обеспечить их добровольный переезд в Израиль.

P. S. Главная база сионизма - в США. И как только появится Израиль, могучее сионистское лобби в Америке заставит её правителей его финансировать. Но неразрывная связка Израиль - США - это удар по религиозным и экономическим интересам арабских стран. Им еврейское государство на их Ближнем Востоке - кость в горле. И они, сегодня находящиеся под влиянием США, вольно или невольно начнут искать дружбы с нами. Таким образом, переселение евреев из СССР в Израиль позволит нашему государству избавиться от внутренних неприятностей и завести новых внешних союзников.

Полковник Щадов.

Ноябрь 1947 года».

Принимая из моих рук пожелтевший лист с сим текстом, Евгений Петрович, как и прежде без эмоций, спросил:

- Комментариев у вас не возникло?

Мне не было резона лукавить и я честно сказал то, что думал:

- Данный текст - подделка. Такой записки, якобы через Жданова ушедшей к Сталину от некоего полковника Щадова, наверняка в 1947-м не существовало.

- Вы можете вашу точку зрения аргументировать?

- Конечно. Я допускаю, что тот же полковник Щадов в том же году мог написать только что прочитанное мной. Я не прочь согласиться, что

сотрудница Жданова Анна Павловна, которой под большим секретом доверили записку Щадова перепечатать, восхитилась ею и запомнила её от строчки до строчки. Но, разрази меня гром, я никогда не поверю, что записку, названную «К стратегии решения еврейского вопроса в СССР» Жданов повелел перепечатать с обращением на имя Сталина. Сталин сам себе во всём был стратег. Если он увидел опасность от общины евреев и решил эту опасность устранить, то стратегия решения еврейского вопроса могла исходить только от него. Посылать ему из секретариата Жданова некие стратегические предложения - это даже не бестактность, а глупость. Жданов же был умным человеком.

Поэтому его сотрудница Анна Павловна в 1947-м никакой записки полковника Щадова Сталину не видывала. Но она её, видимо, и не придумала. На мой взгляд, когда в 1948-м образовался Израиль и когда курс на дискомфорт евреям в СССР стал очевиден, то, вероятно, из канцелярии Сталина узкому кругу партийно-советских работников дали понять о конечной цели курса - в форме записки полковника Щадова: читайте и делайте выводы. Родилась эта псевдощадовская записка где-нибудь в 1950-1952 годах. Тогда же её, тайком распространяемую, и заучила Анна Павловна. Но дату потом перепутала. Стратег в еврейском вопросе у нас был один - Сталин. Записка же со стратегическими предложениями полковника Щадова - это миф, призванный обеспечить выброс установочной информации.

Реакция Евгения Петровича на мой монолог была совершенно для меня неожиданной: он впервые за время нашей встречи улыбнулся. Но заговорил по-прежнему без эмоций:

- Рад, что мы с вами одинаково критически смотрим на вещи. Я первоначально оценил записку Щадова так же, как и вы: это - фальшивка. Но если вам показалось, что она - форма утечки конфиденциальной информации для высшего сталинского актива 1950-1952 годов, то мне представилось, что записка составлена ещё позднее - в 1956-м. Новый лидер страны Хрущёв тогда стал активно обличать покойного Сталина, а отъявленные сталинисты, учитывая наличие антисемитизма в партии, попытались, я полагал, бросить тень на Хрущёва через распространение поддельного документа: смотрите, товарищи коммунисты, какой славный план по выдворению евреев в Израиль полковник Щадов предложил Сталину. Вспомните, что Сталин начал этот план исполнять, но пришёл гнусный Хрущёв, и противных евреев никто и никуда из их хороших квартир уже не собирается переселять. Могла такая акция быть? Да. Могла Анна Павловна запамятовать год рождения текста за подписью Щадова? Опять-таки, да. Короче говоря, сразу по прочтению записки мне пришло в голову то же, что и вам: она - липовая.

При последних словах Евгения Петровича явно скучавший Серёга вдруг ожил:

- По уму-разуму единомыслие ваше не грех нам окропить жидкостью хмельной.

Никто не возразил. Евгений Петрович вынул из кармана пиджака с блестящими обложками блокнотик, постучал по нему двумя пальчиками, как бы указывая мне на него, и сообщил:

- Здесь у меня не номера телефонов и не адреса, а мини-конспекты книг по нашей истории сороковых-пятидесятых. Когда я эти книги просматривал, то вдруг сам же себя опроверг в оценке подлинности записки Щадова. Не хотите узнать, что меня на то подвигло?

- Хочу.

- Тогда,- открыл блокнот Евгений Петрович,- вам придётся потерпеть банальности. То есть послушать, вероятно, вам известное. Итак, в конце 1946-го Сталин получил от Петра Леонидовича Капицы письмо, где академик-физик, впоследствии лауреат Нобелевской премии уверял Вождя: «Один из главных недостатков отечественной науки - недооценка своих и переоценка заграничных сил... Творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше иных, и на него можно смело положиться... Именно в России явились такие чрезвычайно крупные инженеры-электрики, как Попов (радио), Яблочков (вольтова дуга), Лодыгин (лампочка накаливания), Доливо-Добровольский (переменный ток) и другие...». Сталин в ответном письме Капице поблагодарил его за поднятую проблему, и это стало сигналом Агитпропу - в прессе началось прославление отечественных достижений и осуждение преклонения перед всем заграничным.

Пропагандистская кампания, стартовавшая по инициативе учёного с мировым именем Петра Капицы, была, безусловно, стране нужна. Не будь её - не укрепилась бы вера наших учёных и инженеров в собственные творческие силы и мы бы, возможно, не сделались первыми на планете в освоении мирного атома и космоса. Но Сталин в пору его переписки с Капицей был уже озабочен не только подъёмом духа творцов, но и подрывом основ сотворённого им государства. И поэтому в марте 1947-го во всех министерствах и ведомствах СССР он учреждает суды чести по борьбе с антипатриотизмом, низкопоклонством перед Западом и космополитизмом. Эти суды были призваны вычищать из управленческих структур тех, кто названные выше наклонности проявляет. И лиц какой национальности среди вычищенных антипатриотов и космополитов оказалось две трети? Правильно: еврейской. В 1947-м редкий государственный служащий не знал двустишья:

Чтоб не прослыть антисемитом, Зови жида космополитом.

Евгений Петрович перевернул страничку его блокнота: - Весной того же 1947-го первые лица СССР на даче Сталина обсуждали ближневосточный вопрос: истекает действие международного мандата Великобритании на управление Палестиной. США настаивают на том, чтоб мандат не продлять, а ввести над Палестиной протекторат Организации Объединённых Наций, некоторые же страны предлагают разделить Палестину на два самостоятельных государства - арабско-

палестинское и еврейское. Какую позицию в ООН занять советской дипломатии? Евреев в Палестине гораздо меньше, чем арабов. Для евреев Палестина историческая родина, для арабов - натуральная. Евреев в Палестину, к холму Сион, упёртые деятели сионизма начали созывать всего с полвека назад, арабы в Палестине живут 13 веков. В принципе евреев от Сиона следовало бы гнать прочь - Израильско-Иудейское царство там исчезло 2500 лет назад, и хватит тщиться его аналог возродить. Но за палестинскими евреями - их богатые и влиятельные соплеменники-сионисты в разных странах мира. Выгнать евреев-сионистов из Палестины нельзя, потакать их претензиям на собственное государство тоже нельзя - несправедливо. Так пусть евреи пока поживут вместе с палестинцами-арабами, и пусть отношения между ними выясняет назначенный ООН генерал-губернатор Палестины.

Допив из чашки остаток холодного уже чая, Евгений Петрович вопросил меня:

- Вы уловили, что я вкратце изложил вам эдакое коллективное мнение собравшихся на сталинской даче?

- Вполне.

- Ну а кто-то из окружения Сталина мог иметь особую позицию и высказаться за создание в Палестине арабского и еврейского государств?

Я потёр указательным пальцем лоб:

- Трудно угадать. Но, насколько мне известно, член Политбюро ЦК, заместитель председателя Совета Министров СССР и союзный министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов очень любил свою жену Полину Семёновну Жемчужину-Карповскую. А она, дочь еврея-портного, где-то я читал, питала страсть к идее сионистов - собрать всех евреев на исторической родине. И, возможно, Молотов, даже не ведая, чего желает Сталин, мог осторожно из любви к супруге пролопотать нечто в духе её сионистских настроений. У остальных сталинских деятелей - от Берии до Маленкова - не было заинтересованности в Израиле - ни личной, ни служебной. Я не прав?

- У вас,- распрямил спину Евгений Петрович,- весьма здравая логика. Да, в окружении Сталина за создание Израиля ратовал только Молотов. Но его довод - мы посодействуем мировому сионизму, вреда от этого нам не будет, а польза возможна - никто из членов Политбюро всерьёз не воспринимал. И, тем не менее, все они вынуждены были согласиться с Молотовым, потому что свой резон в государстве Израиль увидел Сталин.

Весной, летом и осенью 1947-го советские дипломаты, опираясь на толстые кошельки сионистов США, уламывали американских коллег и обрабатывали дипломатов других стран. И в канун зимы - 29 ноября - ООН приняла резолюцию № 181: ликвидировать британский мандат на управление Палестиной и образовать на её территории два независимых государства - собственно Палестину и Израиль.

Ну а теперь подведём итог ранее нами сказанному. В марте 1947-го Сталин запускает ущемляющую советских евреев кампанию по борьбе с антипатриотизмом и космополитизмом и тогда же даёт установку - сломать сопротивление США и Великобритании и преподнести евреям всего мира их собственное государство у священных для них древнеиудейских развалин. Между этими двумя решениями Сталина - прямая связь: жизнь евреев в СССР надо делать всё более морально несносной, но надо и обеспечить им исторически и религиозно привлекательное прибежище - не по нраву вам, товарищи евреи, в Стране Советов, перебирайтесь в Израиль - на Землю Обетованную, о которой каждому из вас талдычили с детства.

- Мои изыскания книжные,- Евгений Петрович накрыл ладонью свой блокнот,- позволили мне убедиться: весной 1947-го Сталин уже не сомневался - как в СССР следует решать еврейскую проблему. Но абсолютно ясно ему было и то, что эта проблема сложна чрезвычайно. Евреи пронизывают всю жизненно важную плоть государства, и все действия по их выдавливанию на Ближний Восток должны быть тщательно скрыты и мастерски проведены. В советчиках по стратегии и тактике решения еврейского вопроса Сталин не нуждался, но ему были необходимы толковые исполнители его замыслов. И вот в мае 1947-го Жданов, осведомлённый о намерениях Сталина в отношении евреев, представляет ему Щадова. Полюбуйтесь, он - природный русский, он - внук учёного антисемита и имеет глубокие знания о евреях, он - бесстрашный офицер, готовый к любому приказу, и, наконец, он - неизвестный ожидовленной властной верхушке человек. Следовательно, его инкогнито можно внедрять в неё для выполнения деликатных поручений.

Евгений Петрович умолк, потом, кашлянув, устремил на меня ничего не выражающий взгляд и вдруг озадачил:

- Как вы считаете, чем могла завершиться встреча Сталина со Щадовым?

- Уверен, что не рукопожатием. Сталин через словесное представление определял суть человека и никогда впервые не принимал того, кому не давал новой роли. А, по вашим словам, Щадов был зачислен в канцелярию Сталина, и, стало быть, рукопожатие ему не полагалось - с личным своим персоналом Сталин за руку не здоровался и не прощался.

Мой ответ Евгения Петровича явно не устроил, и на его лице впервые мелькнуло нечто эмоциональное. Он, так мне показалось, с досадой поправил очки, а затем изрёк:

- Доверенный человек Жданова, Анна Павловна, познакомилась со Щадовым летом 1947-го. И сразу после знакомства при случайной встрече на улице получила от него в подарок букетик ландышей. Значит, тем летом Щадов уже имел доступ в ЦК и другие инстанции. Но, согласно данной нам устной справке из архива с фондами сталинской канцелярии,

он стал её сотрудником в ноябре. В каком же статусе Щадов пребывал почти полгода и где получал зарплату? Для Анны Павловны и её коллег в ЦК партии он был просто полковником. Но к званию действующего военного всегда прилагается должность. И Щадов уже с мая вступил в новую должность. Какую?

При сталинском Центральном Комитете была политическая разведка. Она имела своих тайных агентов в структурах власти, своих аналитиков и следователей. Агенты в министерствах и партийных комитетах добывали ту информацию, которую от высших руководителей ВКП(б) умышленно или неосознанно скрывали. Аналитики на основе сведений агентов создавали картину происходящего за кулисами. Следователи тайно вникали в деликатные обстоятельства, связанные с высокопоставленными личностями или не подлежащими огласке проблемами. Курировал политразведку в 1947-м самый близкий к Сталину деятель ЦК - Жданов. Он, мы убеждены, углядел в Щадове специалиста по актуальному для Сталина еврейскому вопросу, представил его Вождю, и тот приговорил: подполковника Щадова произвести в полковники и направить из Академии в политическую разведку Но поскольку официально этой разведки как бы не существовало, то армейского полковника Щадова оставили в штате Министерства обороны, вероятно, даже выделили ему там кабинет с правительственной связью и обязали исполнять то, что скажут в ЦК.

В кармане Евгения Петровича заиграл орган - кто-то позвонил ему на мобильный телефон. Пока он говорил со звонившим, Серёга освежил все три недопитые стопки и, как только телефон был выключен, не преминул высказаться:

- Истина, так её сяк, она, конечно, в вине, но если мы горло промочим водкой и виски, то истинная, правильная должность полковника Щадова нам виднее станет.

- Её мы сейчас и увидим,- Евгений Петрович не отказался потребить чуть виски.- Многократно уже мной не всуе помянутый друг Василия Сталина - Олег Степанович - тёплым майским вечером 1947-го в тесной компании обмывал только что вручённое Щадову удостоверение. В нём под шапкой «Центральный Комитет ВКП(б)» было написано:

«Полковник Щадов Тихон Лукич. Офицер по спецзаданиям при секретариате ЦК».

На удостоверении наличествовала подпись Жданова. Но он не мог её начертать без согласования со Сталиным. А Сталин, позволяя зачисление Щадова в политическую разведку, как пить дать, подшутил над ним: вам, товарищ полковник, надлежит не только вникнуть - откуда и чем конкретно грозят евреи Советскому государству, но и представить соображения стратегического плана: как решать еврейскую проблему в СССР? Разумеется, в таковых соображениях Сталин не нуждался. Но он, имея уже свою стратегию, уготовил новобранцу политразведки тест -

разумеешь ли ты желаемое Вождю?

Летом и два осенних месяца никому в структурах власти неизвестный полковник Щадов ходил по разным кабинетам, никому неведомо что выяснял и, наверное, негласно добытые им сведения о месте и роли евреев письменно докладывал Жданову

Сталин, как до войны, так и после, уезжал из Москвы на Кавказ перемешивать труд с отдыхом в конце июля и возвращался к параду и демонстрации в честь Октябрьской революции. Празднование 30-летия Октября вряд ли выбило Сталина из колеи, и 9-10 ноября 1947-го он, вероятно, уже работал по обычному распорядку. Тогда же ему, согласно его майской установке, была направлена из секретариата Жданова записка «К СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА». Спустя же несколько дней её автора, полковника политической разведки Щадова, Сталин перевёл в свою канцелярию и сделал личным сотрудником по особым поручениям. А это говорит о том, что записка полковника Щадова подлинна, что изготовлена она в ноябре 1947-го и что благодаря именно ей Щадов оказался в канцелярии Сталина. Полковник настолько угодил генералиссимусу, то есть его подход к еврейской проблеме, изложенный в записке, настолько во всём совпал с подходом самого Сталина, что тот решил взять Щадова особистом в свою канцелярию: будешь, полковник, от моего имени направлять ход решения еврейского вопроса.

Поставив точку в своём видении истории с должностями полковника, Евгений Петрович пристально взглянул мне в глаза:

- Убедил я вас, что всё так и было?

- Вы точно так же меня убедили, как убеждает доверчивого читателя детективный писатель: вот тебе интригующие гладкие доказательства в словах, а правдивы ли они - не важно.

- Разве я похож на сочинителя детективов? - то ли обиделся, то ли удивился Евгений Петрович,- Что вы находите нереалистичного в моём доводе о переводе Щадова в канцелярию Сталина?

- Для вашего довода,- я извинительно склонил голову,- в действительности, на мой взгляд, не было повода. Чтоб никто из подчинённых Сталина не преступал установленные законы и правила, он и сам их не нарушал. Если же интересы государства требовали мер, которые не укладывались в законодательные рамки или традиции, то Сталин собирал членов Политбюро и предлагал коллективно поступиться общепринятым. В тридцатые годы, когда решалось - быть или не быть нормальной власти в стране? - Сталин наверняка не раз от своего ближайшего окружения получал «добро» на действия вопреки закону. Но в глазах всех прочих партийных и государственных чинов Сталин должен был оставаться Вождём, а не паханом. Поэтому указания на ликвидацию кого-то без следствия-суда или на уголовное преследование с попранием закона шли карательным органам не напрямую от Сталина, а от преданных ему членов Политбюро или сотрудников его личного аппарата.

Через них были обрушены репрессии на заговорщиков-евреев в тридцатые, через них же Сталин мог провести и задуманный им комплекс мер по решению еврейской проблемы как таковой в сороковые-пятидесятые.

После войны состав Политбюро мало изменился. А в Кремле по-прежнему обитали два приближённых к Сталину генерал-лейтенанта - заведующий особым сектором ЦК, личный секретарь Вождя Поскрёбышев и начальник Главного управления охраны Власик. Оба они воспринимались в структурах власти как две тени Вождя, оба были ему по-собачьи преданы. Так зачем Сталину зачислять в личную канцелярию с особой миссией неведомого полковника Щадова, если у него под рукой и отдельные верные члены Политбюро, не женатые на еврейках, и пара проверенных генерал-лейтенантов, которые готовы воплотить любые планы Вождя, в том числе и по еврейскому вопросу?

- Ваши сомнения мне понятны,- Евгений Петрович снова открыл блокнотик с блестящими обложками.- Понимаю я и отчего они происходят. Вы рассматриваете послевоенную ситуацию в кадрах высшего эшелона как статическую, а она динамично изменялась.

В марте 1946-го Сталин производит в секретари ЦК ленинградского партийного лидера Кузнецова и руководителя Москвы Попова, в мае - главу челябинских коммунистов Патоличева. В итоге секретариат ЦК партии обновляется более чем наполовину. Из 5 прежних секретарей остались только двое - сам Сталин и Жданов.

На ответственные посты в аппарат ЦК в 1946-1947 годах переводятся первые лица провинциальных обкомов ВКП(б) - Суслов из Ставропольского края, Игнатьев из Башкирии, Жаворонков из Куйбышевской области, Пегов из Приморского края, Андрианов из Свердловской области.

Заказ Сталина на приток новобранцев в аппарат ЦК исполнял Жданов. Именно ему было поручено вести отбор кадров в новую партийную элиту Доказательством этого служит возвышение сорокалетних соратников Жданова по работе в Ленинграде - Кузнецова и Вознесенского. Алексей Кузнецов - в войну главный организатор обороны города на Неве - стал как секретарь ЦК курировать все силовые структуры страны и возглавил Управление кадрами партии. Николай Вознесенский, до Великой Отечественной выдвинутый Ждановым из Ленинграда в Москву, в Госплан, в феврале 1947-го к своей должности заместителя Председателя Совета Министров СССР прибавил титул - член Политбюро ЦК. Вскоре такую же должность получил и свежеиспечённый маршал Николай Булганин.

Дело явно шло к вытеснению из партийной верхушки тех её столпов, которые имели жён-евреек,- Андреева, Ворошилова, Маленкова, Молотова, Хрущёва. Коренное изменение в составе Политбюро должно было произойти на очередном партсъезде, который Жданов стал готовить с весны 1948-го. Но в августе того же года 52-летний Жданов поехал

отдохнуть-полечиться на Валдай и вдруг скончался там. С его смертью прекратились и подготовка к съезду, и обновление высшей партийной номенклатуры. Более того, в 1949-м Сталин позволил недругам покойного Жданова из Политбюро растерзать его ленинградских соратников - Кузнецова и Вознесенского. Их обвинили в чрезмерном русском национализме, в намерении отделить Российскую Федерацию от СССР, и они оказались в тюрьме. Из всех выдвиженцев Жданова на высоких постах закрепились только Суслов и Игнатьев. Ведущие же позиции в ЦК вместо русских националистов Жданова и Кузнецова заняли интернационалисты Маленков и Хрущёв. Всё в верхушке партии, казалось бы, вернулось на круги своя. Но отказ Сталина от радикального обновления этой верхушки отнюдь не означал, что он и впредь намерен делить власть с действующим составом Политбюро ЦК. Этот состав Вождь оставил прежним, но поменял его роль.

С 1936 года страна жила по сталинской Конституции. А в ней партия вообще не упоминалась. Сталин - Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) - не узаконил свою власть в Основном законе. Почему? Сталин рассматривал партию исключительно как инструмент для и захвата и удержания власти, для распространения идеалов справедливости и для контроля над несогласными с этими идеалами управленцами. К началу войны большинство граждан в стране приняло коммунистические взгляды и Сталин берёт курс на снижение влияния партии. В мае 1941-го он занимает пост Председателя правительства, и это послужило началом изменений в отношениях партии и государства.

Если в 20-30 годы все директивы рождались в Политбюро и ЦК, то в годы Великой Отечественной важнейшие решения сначала принимались в государственных инстанциях - в Ставке Верховного Главнокомандующего, Госкомитете Обороны, в Совете народных комиссаров, в Госплане - и затем доводились до партийных органов. Этот совершенно иной, чем прежде, порядок Сталин сохранил и после войны.

В 1946-м правительство СССР было переименовано: Совет народных комиссаров стал Советом министров, и в него Сталин переместил главный центр власти. Теперь всё в жизни страны определялось не в Политбюро и ЦК, а в

Совмине. Партия как инструмент управления Сталину уже была не нужна. Поэтому он поручил Жданову разработать новую программу ВКП(б), где бы чётко указывалось: партия из властной структуры превращается в сугубо идеологическую, в идейно спаянное сообщество, пребывать в котором почётно и которое может влиять только убеждением.

Скоропостижная смерть Жданова заставила Сталина отложить реформу партии. Формально её высшее руководство осталось субъектом власти - на демонстрациях, как и раньше, носили портреты членов Политбюро. Но далеко не все из них приглашались на заседания к Председателю Совмина Сталину и могли что-то серьёзное значить во власти. После кончины Жданова старейшие члены Политбюро - Андреев,

Ворошилов, Каганович, Микоян, Молотов - лишились постоянного доступа к Вождю. Назначенный вместо Кузнецова секретарём ЦК Хрущёв его особым доверием никогда не пользовался, остальные состоявшие в Политбюро - Берия, Булганин, Косыгин, Маленков - использовались Сталиным исключительно в качестве чиновников с конкретными государственными обязанностями. Берия как заместитель Председателя Совмина создавал ядерный щит страны. Булганин в такой же должности курировал вооружённые силы. Косыгин занимался финансами и лёгкой промышленностью. Маленков разрывался между кадровой политикой, сельским хозяйством, производством техники и идеологией.

Глава 5. Роль при вожде

- Со смертью Жданова,- перевернул очередную страницу в блокноте Евгений Петрович,- в Политбюро не осталось ни одного деятеля, который был бы полным единомышленником Сталина по еврейскому вопросу и мог бы основательно сосредоточиться на его решении, чтобы скрытно и толково провести комплекс антиеврейских мер. А теперь поворотимся к личному аппарату Сталина и посмотрим на двух его ведущих сотрудников, на двух упомянутых вами генерал-лейтенантов - Поскрёбышева и Власика. Первый работал при Сталине с 1924-го, второй - с года 1928-го.

Оба они, наверное, сохраняли личную преданность Вождю, и оба были пригодны к исполнению разных его планов. Но только не по еврейскому вопросу.

Сын сапожника, фельдшер по профессии, Александр Николаевич Поскрёбышев до того, как стать помощником Генерального секретаря ЦК Сталина, женился на дальней родственнице Троцкого, еврейке Брониславе Соломоновне. Это не помешало ему прибавить к должности помощника генсека пост заведующего особым сектором ЦК и обрести генеральское звание. Но в 1946-м Брониславу Соломоновну арестовывают, обвиняют в шпионаже и через три года тюрьмы расстреливают - все мольбы Поскрёбышева её пощадить Сталин отверг. В ноябре 1952-го настал черёд и самого Поскрёбышева. Его не посадили, а отправили из Кремля на пенсию. За пять месяцев до отставки Поскрёбышева в немилость попал и второй кремлёвский генерал - начальник Главного управления охраны Николай Сидорович Власик. Он в послевоенную пору предпочитал проводить свободное время в обществе евреек из московской богемы и был сначала сослан в город Асбест, а затем арестован.

Заметим: Поскрёбышева и Власика Сталин удалил из Кремля в 1952-м - в разгар развёрнутой антиеврейской кампании.

Но уже в 1947-м, только эту кампанию задумывая, Вождь, вероятно, решил, что для её проведения оба приближённых к нему кремлёвских генерала не подходят - они как юдофилы способны на саботаж и предательство.

Иные ответственные служащие кремлёвской канцелярии

юдофильством, возможно, не страдали. Но каждый из них был привязан к конкретному делу, и никто среди них не имел глубоких знаний о еврействе. И тут случайно Жданов вводит в поле зрения Сталина образованного антисемита - полковника Щадова. А он смотрит на исходящую от евреев угрозу власти точь-в-точь как сам Сталин, он целиком разделяет сталинскую стратегию решения еврейского вопроса в СССР-России, и он же, Щадов, волевой и высоколобый, горит желанием любые антисемитские меры претворить в жизнь. Три этих обстоятельства и послужили основанием того, что полковник Щадов получил крутые полномочия сотрудника по особым поручениям Вождя, с тем чтоб от его лица дирижировать ударами по еврейской общине.

Евгений Петрович захлопнул блокнотик и словесно припёр меня к спинке стула:

- Надеюсь, на эти мои доводы прихода Щадова в сталинскую канцелярию у вас нет контраргументов?

Я сдался:

- Чистая правда. Нет. Но вы очень бы угодили моему любопытству, если б объяснили: что значит вами сказанное - дирижировать ударами по еврейской общине от лица Вождя? Сталин повелевает Щадову - то-то и то-то надлежит сделать так-то и эдак-то - и он мчит во властные инстанции, начинает там махать удостоверением особиста и заставлять разных должностных лиц исполнять задуманное Вождём? Таковым образом свершалось дирижирование?

- Да,- Евгений Петрович взглянул на часы,- вы, закладывая умышленно примитивизм в ваш вопрос, всё ещё сомневаетесь, что некий полковник Щадов стал главным проводником сталинской антиеврейской политики. Но нам надо двигаться к цели нашего разговора - и на ваше несерьёзное толкование слова «дирижирование» я отзовусь серьёзно.

В разорённой войной стране Сталин нёс на себе огромную ношу Ни одно кардинальное решение ни в экономике, ни в международных делах, ни в вооружённых силах, ни в образовании, науке, культуре, ни в идеологии не принималось без его участия. Еврейский вопрос Сталина весьма беспокоил. Но лично уделять много внимания его решению Вождь просто физически был не в состоянии. И потому в свою канцелярию спеца по еврейству Щадова он взял именно как творческого человека, как дирижёра антисемитской кампании. Сталин заказывал ту или иную музыку против евреев, его особист Щадов взмахами удостоверения сотрудника канцелярии Вождя самостоятельно обеспечивал должное её звучание.

Впервые, на наш взгляд, Щадов как дирижёр кампании ярко проявил себя в нейтрализации Соломона Михайловича Михоэлса-Вовси.

В годы войны как за рубежом, так и у нас стал широко известен ЕАК - Еврейский антифашистский комитет. Его основали в 1942-м в Москве при Совинформбюро «для вовлечения в борьбу с фашизмом еврейских

народных масс во всём мире». Председателем ЕАК стал глава Государственного еврейского театра в столице Михоэлс. Он со товарищи наладил эффективную пропаганду на заграницу, и в воюющий с фашистской Германией СССР потекли миллионы и миллионы долларов от евреев с разных континентов.

ЕАК пользовался всемерной поддержкой Советского государства и сумел не только обзавестись солидными международными связями, но и популярностью среди соплеменников в нашей стране. Он выпускал газету «Эйникайт» на идише, в собственном издательстве «Дер эмес» тиражировал книги на том же языке и многие советские евреи, не потерявшие национальное лицо, стали рассматривать комитет как свой культурный центр.

Всей огромной пропагандистской машиной СССР в годы войны жёстко управлял Александр Сергеевич Щербаков - секретарь ЦК по идеологии, он же - первый секретарь Московского горкома и обкома партии, он же - начальник Главного политуправления Красной армии, он - же заместитель наркома обороны. Совинформбюро, структурным подразделением которого являлся Еврейский антифашистский комитет, тоже находилось под непосредственным руководством Щербакова. А при нём ЕАК мог работать только в строго ограниченных рамках.

Щербаков был братом жены Жданова и под его покровительством сделал первые важные шаги в своей карьере в Горьком. Став после смерти Кирова первым лицом в городе на Неве, Жданов попросил Сталина назначить Щербакова на второй пост в Северной столице. Потом он, Щербаков, обладая крупными организаторскими способностями, покинул Ленинград и, уйдя из-под крыла влиятельнейшего мужа сестры в 1937-м, в 1941-м сравнялся с ним по значению во власти. Идейных разногласий между Ждановым и Щербаковым не было. Но если первого в партии считали умеренным русским национал-патриотом, то второго русским шовинистом. И, полностью забрав в свои руки Агитпроп, Щербаков в военные годы, во-первых, стал резко насаждать во всей пропаганде великодержавие и восхваление всего русского, а во-вторых, приступил к медленному вытеснению евреев из прессы, культуры и искусства.

Еврейский антифашистский комитет нужен был Сталину и, соответственно, Щербакову исключительно как советский рупор за рубежом. И только: товарищи из ЕАК, информируйте соплеменников-иностранцев о трагедии советских евреев, порождённой немецко-фашистской агрессией, рассказывайте о героизме евреев, сражающихся в Красной Армии, и тем самым вызывайте симпатии к СССР и склоняйте мировое еврейство к оказанию ему материальной и всякой прочей помощи. Этим в основном в Великую Отечественную ЕАК и занимался. И занимался успешно. В результате его пропагандистской деятельности евреи из разных страна мира пожертвовали Советскому Союзу где-то около 45 миллионов долларов.

Накануне капитуляции фашистской Германии Щербаков поставил

перед членами ЕАК новую первоочередную задачу: теперь вам следует бороться за то, чтобы враждебные СССР силы на Западе не использовали там еврейское движение против нашей страны. Щербаков, в отличие, скажем, от маршала Жукова и некоторых других русских деятелей, не питал иллюзий о том, что наши союзники в войне с германским фашизмом продолжат дружить с нами после победы над ним: корыстному западному капиталу могучий и независимый СССР - опаснейший конкурент.

Щербаков вряд ли рассчитывал, что вверенный ему, антисемиту, Еврейский антифашистский комитет своей работой с соплеменниками за границей будет полезен Советскому государству так же, как и прежде. К концу войны в отношениях между этим государством и живущими в нём евреями наступило небывалое прежде охлаждение. И никто из руководителей страны не сделал для того больше, нежели Щербаков. Внедряемое им откровенное русофильство в пропаганде и его кадровый антисемитизм в подчинённых ему сферах - идеологической и культурной - вызывали у наиболее видных евреев острое недовольство Советским государством. Члены ЕАК, мы уверены, на дух не переносили Щербакова. Но он обеспечивал их номенклатурными благами, платил им весьма высокую зарплату, и они не могли отказаться от выполнения задачи, поставленной главой Агитпропа.

Всю послевоенную деятельность ЕАК Щербаков намеревался свести к тому, чтобы комитет глаголил на весь мир: евреям в СССР жить хорошо и весело, они любят партию с правительством и призывают еврейские организации в разных странах всегда и во всём содействовать братской семье народов Советского Союза. Эта и только эта обязанность предопределялась ЕАК в наступающем мирном времени. И ею и только ею комитет должен был озаботиться. И озаботился бы. Но в мае 1945-го полный сил 44-летний Щербаков, исправно исполнявший несколько должностей, вдруг умирает и перед Еврейским антифашистским комитетом открываются другие перспективы.

Загадочной смертью Щербакова и потом не менее загадочным уходом в мир иной Жданова заинтересуется в 1952-м наш герой - сталинский особист Шадов, что дорого ему станет. Но об этом - чуть позже.

Вместо Щербакова Совинформбюро, куда входил ЕАК, возглавил заместитель министра иностранных дел Соломон Абрамович Лозовский-Дридзо. Еврейский антифашистский комитет наконец-то обзавёлся куратором-евреем. Причём евреем - истинным сыном своего племени.

До 1917-го Лозовский, как выражается сегодня молодёжь, немало лет тусовался в компании Ленина за границей. Должность генсека Соломону Абрамовичу досталась на год раньше, чем Сталину. В 1921-м он стал Генеральным секретарём Профсоюзного Интернационала и 16 лет тратил валюту и драгоценности СССР на распространение идей Коммунистического Интернационала среди профсоюзов мира. Сколько за эти годы осело на заграничных счетах самого Лозовского и его доверенных лиц - неизвестно. Но в 1937-м, когда высокопоставленных

воров-евреев из ленинской гвардии пытали в НКВД на предмет возвращения из-за рубежа украденных средств, Соломон Абрамович благополучно переквалифицировался из генсека Профинтерна в директора Государственного литературного издательства в Москве. Что спасло Лозовского? Вероятно, он оказался самым благоразумным среди ленинских гвардейцев-евреев, сговорившихся сместить Сталина при исходящей от Гитлера смертельной опасности еврейству. Избавиться от этой опасности невозможно было без сильного Советского государства, а оно могло быть сильным только со Сталиным. И есть основания предположить, что Соломон Абрамович, вовлечённый в заговор против Вождя, раскрыл ему планы заговорщиков. Раскрыл не из симпатий к Сталину, а ради выживания соплеменников.

Благоразумие Лозовского Вождь оценил и в 1939-м сделал его членом ЦК ВКП(б) и назначил заместителем министра иностранных дел. На этом посту Соломон Абрамович широко использовал заведённые через Профинтерн международные знакомства и всю Великую Отечественную не жалел сил в работе на благо Советского государства. Оно обеспечивало защиту евреев от Гитлера, и Лозовский был прежде всего слугой этого государства. Но Гитлер приказал долго жить, у еврейской общины СССР первостепенными стали её собственные интересы, отличные от интересов государства, и в деятельности Лозовского на первый план вышла служба соплеменникам.

Приняв в мае 1945-го в своё ведение Совинформбюро, Лозовский не замедлил обновить в нём кадры. Самыми способными к обеспечению информацией советских граждан он посчитал людей одной национальности, и половину должностей в главной информструктуре страны заняли евреи. Власть же Лозовского над ЕАК позволила ему преступить ранее запретное и взяться за осуществление давно желаемого. Теперь комитет мог не только экспортировать пропаганду, но и вникать в проблемы еврейского населения СССР и решать их.

К офису Еврейского антифашистского комитета на Кропоткинской улице в Москве сначала потянулись евреи из элитарных столичных кругов, а затем - наиболее активные соплеменники из провинции. ЕАК и аккумулировал недовольство евреев текущей политикой, и генерировал взаимопомощь среди соплеменников. Накопление в едином центре фактов недовольства усиливало неприязнь еврейской общины к Советскому государству, организация взаимопомощи через тот же центр укрепляла мощь общины. А если учесть, что Лозовский благословил ЕАК представлять всё советское еврейство за границей и получать там адресную материальную помощь, то не избежать вывода: Еврейский антифашистский комитет в СССР начал превращаться в штаб нации.

Новой ролью ЕАК под началом Лозовского Сталин заинтересовался не сразу. Шёл 1945-й, страна лежала в руинах, вчерашние союзники на Западе затевали интриги против Советского Союза, и всё внимание Вождя было сосредоточено на восстановлении жизнеобеспечения граждан СССР

и англо-американских происках во внешней политике. Но минул год, до Сталина начали доходить сведения о переменах в деятельности ЕАК, и он, вероятно, рассудил: действующей властью евреи не удовлетворены и дать им возможность объединиться вокруг легального штаба - значит содействовать превращению их нации в легально-централизованную оппозиционную организацию - национальную по форме и политическую по сути. А надо ли ему, Сталину, чтобы еврейская община организационно сплотилась и свой разрушительный потенциал использовала против Советского государства так же успешно, как против Российской империи? Не надо. Следовательно, не надо в СССР и иметь ЕАК как штаб еврейства.

В июле 1946-го Сталин убрал Лозовского с поста заместителя министра иностранных дел, но оставил его начальником Совинформбюро и, соответственно, сохранил за ним руководство Еврейским антифашистским комитетом. Тем самым Вождь прозрачно намекнул Соломону Абрамовичу: я вами недоволен, но у вас есть шанс вернуть моё доверие, если вы добровольно откажитесь от превращения ЕАК в штаб еврейской общины и сосредоточите его деятельность лишь на том, что было при Щербакове. Лозовский, вероятно, намёк понял, не мог не понять, но делать выводы не захотел, упёрся. Еврейский антифашистский комитет по-прежнему креп как центр советских евреев. И в 1948-м Соломона Абрамовича попросили из Совинформбюро.

Его удаление оттуда ничего в корне не изменяло: можно лишить Еврейский антифашистский комитет матёрого, верного своему племени куратора-еврея Лозовского, можно даже переподчинить комитет ЦК партии, но нельзя тем самым истребить влияние Соломона Абрамовича во власти и нельзя запретить ему тайно работать на сплочение еврейской общины вокруг ЕАК.

Теперь Лозовский занимал две скромные должности - заведующего кафедрой в Высшей партшколе и главного редактора «Дипломатического вестника». Но, потеряв высокие посты в МИДе и Совинформбюро, Соломон Абрамович не утратил ни статус члена ЦК ВКП(б), ни, главное, своих обширных дружеских связей в высшей номенклатуре. Через сановных друзей-приятелей он мог оказывать протекцию соплеменникам по самым разным их нуждам.

Не меньшим, если не большим, чем Лозовский, влиянием в верхах власти обладала Советская Эсфирь. Так евреи в СССР называли Полину (Перл) Жемчужину-Карповскую. Её родители-портные, жившие при царе на юге России, одарили мир, как ныне модно говорить, двумя пассионарными детьми. Брат Жемчужиной под именем Сэм Карп стал акулой капитализма в США. Она же сама под именем Полина так успешно боролась за социализм, что за два с половиной года до начала Великой Отечественной ей вверили в управление Наркомат рыбной промышленности СССР. Единственная за всю сталинскую эпоху женщина в ранге союзного наркома-министра просуществовала десять месяцев. Осенью 1939-го Сталину доложили о контактах Полины Семёновны в

заграничных командировках с соплеменниками-сионистами, и её из рыбного наркома СССР понизили до начальницы главка Наркомата лёгкой промышленности РСФСР. Но не должности определяли политический вес Полины Семёновны. Её боготворил муж - Вячеслав Михайлович Молотов. Страна знала его как члена Политбюро ЦК с 1926-го, как Председателя правительства СССР с 1930-го, как наркома иностранных дел с 1939-го. В мае 1941-го Молотов уступает пост главы правительства Сталину, но ничего при том не теряет. Он по-прежнему член Политбюро, он заместитель Сталина в правительстве, и он же - руководитель внешнеполитического ведомства. С начала войны главной инстанцией в стране становится Государственный комитет обороны. Председательствует в нём Сталин, замом его является Молотов. В честь Вячеслава Михайловича были названы несколько городов, Пермь в том числе, морской мыс и горная вершина. До, во время и после войны Молотов для страны - второе официальное лицо в государстве. Для своей же супруги он был просто Вячиком, которым она вертела как хотела. И именно этим Полина Семёновна обязана своей кличкой в еврейских кругах - Советская Эсфирь.

Библейская Эсфирь, как, думаю, вам известно, ублажила лаской жаркою царя Персии, и тот велел казнить главу его правительства Амана, замышлявшего якобы уничтожить всех евреев в Персидском царстве. Советская Есфирь - Полина Семёновна Жемчужина-Карповская-Молотова - далеко не многих враждебных Сталину евреев спасла, но многим, не замешанным в тридцатые годы в заговоре против сталинской власти, помогла в Советском царстве возвыситься. Один из таковых - еврей из белорусского Двинска Соломон Михайлович Михоэлс-Вовси.

Юному еврейскому националисту Соломону, мечтавшему о театральной карьере, Октябрьская революция не только легко открыла путь из Двинска в Москву, но и зажгла зелёный свет для национально-культурного служения нахлынувшим в столицу соплеменникам. ГОСЕТ - Государственный еврейский театр в Москве - зародился при активном участии Михоэлса. Творческим и административным лидером этого театра был некий еврей по фамилии Грановский. Но на исходе двадцатых годов он не пожелал возвратиться в СССР из путешествия по Западной Европе. Освободившееся место лидера ГОСЕТ в 1929-м досталось Михоэлсу.

Славно ли он играл Тевье-молочника по Шолом-Алейхему, блистал ли он актёрскими находками в роли короля Лира по Шекспиру, удивлял ли публику своими режиссёрскими открытиями - массовой театральной Москве не было ведомо. Спектакли ГОСЕТа шли на идише, и смотрела их лишь еврейская публика. Был ли Михоэлс крупно даровит как актёр и режиссёр - не важно. Важно, что его талант высоко оценила Полина Семёновна Карповская-Жемчужина-Молотова. Исключительно благодаря её стараниям Михоэлс к концу тридцатых годов обрёл звание «народный артист СССР», получил высший орден страны - орден Ленина, стал депутатом Моссовета и членом комитета по Сталинским премиям в области культуры.

Титулы-награды и, стало быть, широкую известность еврейскому националисту Михоэлсу обеспечила еврейская же националистка Перл-Карповская, она же Полина Семёновна Жемчужина-Молотова. А наработанным ею рекламным капиталом Михоэлса воспользовался русский националист и откровенный антисемит Александр Сергеевич Щербаков. Именно он в феврале 1942-го ангажировал Михоэлса председательствовать в Еврейском антифашистском комитете, учреждённом в Совинформбюро. Отведённую ему Щербаковым роль Михоэлс сыграл как должно народному артисту - о пользе СССР от ЕАК мы уже говорили.

В пропагандистских акциях комитета в военные годы участвовали практически все видные советские евреи. Но, скажем, Эйзенштейн, Маршак, Эренбург как были деятелями культуры до создания ЕАК, так и остались таковыми к окончанию войны. Актёру же и режиссёру Михоэлсу к победному 1945-му в сфере культуры стало тесновато. Жажда творчества в нём вряд ли иссякла. Но еврейской общине СССР он теперь был надобен прежде всего не как руководитель национального театра, а как председатель Еврейского антифашистского комитета. У общины проснулись политические амбиции, она хотела, чтобы ЕАК превратился в её политический ЦК и глава ЕАК Михоэлс взялся играть роль политического лидера советского еврейства.

Повторяю три слова из последнего предложения: играть роль лидера. Лидер - это тот, кому тьма народа добровольно подчиняется и кто способен сделать то, что другим не по силам. Авторитет Полины Семёновны Жемчужиной-Молотовой и Соломона Абрамовича Лозовского в еврейской элите СССР не шёл ни в какое сравнение с авторитетом Соломона Михайловича Михоэлса. Слово Жемчужиной и Лозовского ценилось соплеменниками гораздо выше, чем слово Михоэлса, и они с их связями в высшей номенклатуре могли оказывать отдельно взятым евреям такие услуги, какие он не мог. Но ни Полина Семёновна, ни Соломон Абрамович свою преданность и верность еврейству никогда не афишировали. Соломон же Михайлович состоял начальником официальной еврейской организации. И когда после смерти Щербакова ЕАК начал превращаться в штаб советского еврейства, то председатель комитета Михоэлс стал в глазах масс соплеменников главным евреем страны. Но он на самом деле лишь играл роль лидера еврейской общины, ибо линия её поведения в послевоенных условиях определялась не им и не подчинёнными ему сотрудниками ЕАК, а Лозовским и Жемчужиной-Молотовой. Тем не менее именно Михоэлс окажется первой жертвой нашего героя - особиста сталинской канцелярии полковника Щадова.

Напомню: сведения о формировании еврейской оппозиции с центром в ЕАК дошли до Сталина летом 1946-го. Встревожили они его? Разумеется, встревожили. Но не особенно глубоко. Ведущего творца этой оппозиции Лозовского Сталин выставил тогда только из МИДа, но не из Совинформбюро, потому что ещё надеялся - актив еврейской общины образумится и поймёт: на дворе иное, чем в 1917-м, время и не надо

мечтать о втягивании государства в новую смуту и о новом триумфе в ней еврейства. Но ни Лозовский, ни его сподвижники не прекратили объединения евреев вокруг ЕАК. То есть не прекратили выстраивать оппозиционное власти национально-политическое движение. Как это должен был воспринять Сталин? Думаю, так: раз вам, товарищи евреи, неймётся лезть в политику - значит мою Советскую империю, спасшую вас от Гитлера, вы ненавидите так же, как и империю Российскую. Но я вам - не благодушный царь Николай II, я знаю, какой горючий материал ваша ненависть, и изливать её вы будете не в нашей стране, а у горы Сион - на исторической Родине.

В марте 1947-го Сталин запускает кампанию по борьбе с космополитами, считай - с непатриотичными советскими евреями, и вменяет своим дипломатам склонить ООН к образованию Государства Израиль. Надежд на мирное сосуществование с еврейским активом Сталин уже не питает. Осенью 1947-го он окончательно решает произвести операцию «Чемодан - вокзал - Израиль» и принимает в личную канцелярию специалиста по проведению этой операции - полковника Щадова Тихона Лукича.

Евгений Петрович снова открыл папку, где на первой странице красовался на фото Тихон Лукич:

- Интересного нам полковника накануне зачисления в сталинскую канцелярию тщательно проверили и испытали. Он все проверки и испытания выдержал и был наделён широкой самостоятельностью и правом пользоваться огромной властью от имени Вождя. Знающие люди говорили моим помощникам, что даже секретари ЦК и министры меняли начальственный голос на услужливый, услыхав в телефонной трубке правительственной связи:

- Вам звонит сотрудник по особым поручениям товарища Сталина.

Серьёзная власть, доставшаяся полковнику Щадову, накладывала на него и колоссальную ответственность. Какая цель перед ним поставлена - известно было только Сталину и Жданову. А после смерти последнего в августе 1948-го - только Сталину. Для высших партийных и государственных чиновников полковник Щадов - особа с неведомыми функциями. Но он приближён к Вождю и его просьбы и пожелания - закон. Короче говоря, Щадов от имени Сталина мог творить всё что ему угодно, но в случае если результат содеянного им не устраивал Вождя, то рисковал поплатиться головой.

План сталинской операции «Чемодан - вокзал - Израиль» был рассчитан на несколько лет. Полковнику Щадову предстояло осуществить комплекс мер, которые бы медленно и верно деморализовали еврейскую общину, посеяли в ней растерянность-безысходность и подтолкнули евреев к массовой миграции из СССР на Землю обетованную.

Карьеру в кремлёвской канцелярии Щадов начал с того, что взял под контроль суды чести - суды по обличению в госучреждениях

космополитов, другими словами, не патриотично настроенных евреев или ожидовленных русских. За отсутствие патриотизма полагалось увольнение. Сколько всего космополитов под нажимом Щадова расстались с должностями в разных министерствах и ведомствах, мы не выясняли. Но у нас есть данные, что именно ему, Щадову, Госплан СССР обязан освобождением почти от ста евреев.

Вскоре после назначения в канцелярию Сталина наш полковник-особист наряду с увольнениями солидных служащих-евреев занялся низвержением столпов еврейской общины. Без этого растерянность и безысходность в общине невозможно было вызвать.

Методы низвержения, мы уверены, Щадов не обсуждал со Сталиным. Вождь не имел на подобное ни времени, ни желания. Да и необходимости тоже: есть в канцелярии высоколобый идейный специалист - ему и править бал. Но очерёдность расправы над столпами Сталин, вероятно, устанавливал сам.

У еврейской общины была три лидера. Один публичный, формальный - Михоэлс. Два фактических, реальных - Лозовский и Жемчужина-Молотова. Каждый из лидеров хоть и по-разному, но высоко ценился соплеменниками, и для деморализации общины Щадову было всё равно - кого в политическое небытие послать сначала, кого потом. Сталин же на давно известных ему и обречённых им еврейских столпов взирал избирательно - к кому-то он испытывал больше неприязни, к кому-то - меньше. И личностное отношение Вождя к лидерам еврейства предопределило сроки их кары. Что на это указывает?

Наименее влиятельный в упомянутой троице - формальный лидер еврейской общины Соломон Михайлович Михоэлс - больше остальных в 1947-м досаждал Сталину. Чем? В том году его, Михоэлса, скромный научный работник Гольштейн познакомил с родственницами Надежды Сергеевны Аллилуевой - второй жены Сталина. Она, как известно, в 1932-м покончила с собой, а её сестра Анна и супруга её же покойного брата Екатерина жили-тужили. Тужили потому, что Сталин не только отказался с ними знаться, но и отлучил от номенклатурных благ. Обе здравствующие Аллилуевы пылали обидой на Вождя, и подбить их на рассказы о нелицеприятных качествах его характера и привычек любопытному Михоэлсу труда не стоило. Их задушевные беседы не могли понравиться Сталину. Но ещё сильнее, вероятно, раздражало Вождя вмешательство Соломона Михайловича в личную жизнь его единственной и обожаемой им дочери - Светланы Аллилуевой.

В 1944-м Светлана без совета с отцом вышла замуж за еврея Григория Морозова. Сталин зятя, который уклонился от фронта, не признал, ни разу не пожелал с ним встретиться, но выделил молодым квартиру в правительственном Доме на набережной. Семейного счастья они там не нашли. В мае 1947-го о неладах между ними узнал брат Светланы - Василий Сталин - и дал указание избавить сестру от супружества. Добрые люди вывезли из Дома на набережной вещи Григория Морозова в его

отсутствие, а сам он был доставлен в милицию, где у него отобрали паспорт и вручили новый - без отметки о регистрации брака со Светланой. Ей же паспорт поменяли не в милиции, а дома. Выдворение Морозова из семьи Вождя огорчило всех еврейских деятелей. Но все они с этим смирились. Все, кроме Михоэлса.

Приятель Соломона Михайловича, скромняга Гольштейн, дружил не только с Аллилуевыми, но и с Григорием Морозовым. Поэтому ему был известен круг общения Светланы. И Михоэлс через знакомых Гольштейна и через евреев-профессоров Звавича и Зубка, обучавших в аспирантуре Светлану истории, упорно пытался подтолкнуть её вновь соединиться с Морозовым.

Личный ли интерес преследовал Соломон Михайлович Михоэлс в общении с родственницами жены Сталина и в потугах вернуть его дочери мужа-еврея? Маловероятно. Анна и Екатерина Аллилуевы поставляли, а Светлана, приняв опять в дом Морозова, могла поставлять информацию о Вожде, которая требовалась складывающейся против него еврейской оппозиции. Михоэлс не главенствовал в этой оппозиции, но он вознёй с Анной, Екатериной и Светланой чисто по-человечески гневил Сталина. С полгода Вождь гнев сдерживал, а на исходе 1947-го пригласил к себе нового сотрудника своей канцелярии полковника Щадова и, как осведомил нас один достойный человек, сказал:

- Надо решить проблему Михоэлса - он не нужен больше нашему государству ни как главный режиссёр Еврейского театра, ни как председатель Еврейского антифашистского комитета.

Ничего иного Щадов больше не услышал. Ему самому надлежало распорядиться судьбой Михоэлса. Каким образом? Соломон Михайлович не нужен Сталину ни на одной из двух должностей. Можно выставить его из театра и из ЕАК административным путём. Можно организовать ему приличную статью Уголовного кодекса и отправить за колючую проволоку. Но и увольнение, и арест вызовут страшный шум в мире - евреи из разных стран, которые жертвовали СССР миллионы долларов через Михоэлса, заорут: караул, наше кристально чистое доверенное лицо репрессировано.

Щадов располагал ещё одним безобидным вариантом решения проблемы Михоэлса - отправить его в заграничную командировку и обратно не пустить. Но в этом случае невозвращенец Михоэлс стал бы популярным на Западе злостным обличителем СССР. А это Сталину надо? Нет, естественно. Так что должен был содеять полковник-особист Щадов, дабы выполнить установку Вождя без ущерба для интересов государства? Совершенно верно: угрохать Михоэлса невзначай и с почётом похоронить.

На свой страх и риск Щадов выходит на руководство Министерства госбезопасности и просит обеспечить тщательное прослушивание телефонов Михоэлса и установить за ним наружное наблюдение. В первую неделю нового, 1948 года полковник-особист изучает отчёты о прослушке

и наружке и находит решение поставленной перед ним Вождём проблемы.

10 января Михоэлс как член комитета по Сталинской премии выезжает в Минск для просмотра театральных спектаклей, этой премии достойных. Вместе с ним отправляется его товарищ - еврей-театровед Голубов-Потапов. Они благополучно добираются до белорусской столицы, удобно там устраиваются и в ночь с 12 на 13 января 1948-го успешно вдвоём попадают под грузовик. Руководивший наездом на них Щадов на следующий день возвращается в Москву и по правительственной связи названивает вершителям советской пропаганды: надобен в главной газете страны - «Правде» - некролог о Михоэлсе и желательно снять фильм о церемонии прощания с его телом. Обеим просьбам сотрудника канцелярии Сталина, конечно, внимают, его же пожелание присвоить Государственному еврейскому театру имя Михоэлса принимается к исполнению.

Всё шито-крыто. За пристойно прикрытый террористический акт Сталин полковника Щадова не возблагодарил, но и не осудил.

Спустя ровно четыре месяца со дня похорон Михоэлса Еврейский национальный совет в Тель-Авиве провозгласил рождение Государства Израиль. Сталин первым из

правителей в мире его признал. США и другие крупные державы медлили с признанием, Советский же Союз, как утверждалось в «Правде», не мог не согласиться с тем, что такой народ как еврейский должен «иметь право на своё независимое государство».

Для реализации сталинской операции «Чемодан - вокзал - Израиль» прежде недоставало последнего звена. С чемоданами, морскими и железнодорожными вокзалами в СССР не было напряжённо, а Израиль существовал лишь в воображении евреев. Теперь же благодаря дипломатам Сталина он стал явью, и начавшуюся операцию надлежало форсировать.

С появлением Израиля на Ближнем Востоке в Москве исчезла из власти Советская Эсфирь - Полина Семёновна Жемчужина-Молотова. Пост начальницы главка Минлегпрома РСФСР в мае 1948-го у неё отобрали, а никакой другой не предложили - зачислили в резерв министерства. Она спокойно ожидала нового назначения и не предвидела дальнейших неприятностей: ну не может быть серьёзных осложнений у жены Молотова - второго человека в государстве.

Такого же мнения придерживался и Сталин: жена Молотова неприкосновенна. Но он, в отличие от Полины Семёновны, не считал, что её семейные узы с Вячеславом Михайловичем - вечны.

И потому сотрудник сталинской канцелярии Щадов получил задание: найти аргументы, которые бы заставили Молотова развестись с ней до суда.

За политически некорректное поведение - за участие в религиозном

обряде в синагоге, за факты протекции евреям, за проиудаистские и сионистские высказывания Жемчужину можно было исключить из партии, но не осудить и не скомпрометировать в глазах Молотова. Отыскать аргументы для суда и развода можно было только в служебной деятельности Полины Семёновны. И Щадов направляет в главк Минлегпрома, которым она руководила, группу следователей. Подпадающие под Уголовный кодекс деяния бывшей начальницы главка - приписки в отчётности, незаконное премирование и незаконное же выбивание дополнительных бюджетных средств - следователи обнаружили сами. Вскрыть же аморальный облик Жемчужиной им помог Щадов - он нацелил их на добывание доказательств того, что Полина Семёновна, используя своё руководящее положение, заставляла подчинённых мужчин спать с ней.

Задание по дискредитации влиятельнейшей еврейской активистки было выполнено. Молотов, прочитав показания сослуживцев жены о принуждении ею их к сожительству, подал на развод. После развода Политбюро ЦК обязало Жемчужину-Молотову сдать партбилет. В январе 1949-го её арестовали, посадили на скамью подсудимых и приговорили к пяти годам ссылки в Кустанайскую степь, где она, некогда первая леди СССР, стала регулярно накачивать себя алкоголем.

Участь главного лидера еврейства - Лозовского - Сталин увязал с участью ЕАК, превращённого Лозовским же в штаб еврейской общины. В ноябре 1948-го по поручению Вождя Щадов разрабатывает и направляет в Совет Министров СССР аналитическую записку, в которой доказывалось: Еврейский антифашистский комитет собирает и переправляет за рубеж антисоветскую информацию и снабжает иностранные разведки интересующими их сведениями. Бюро Совмина ознакомилось с запиской и постановило - ЕАК ликвидировать, его органы печати закрыть, дела изъять. Нет комитета, обронил тогда Сталин Щадову, не должно быть и Лозовского - как еврейского лидера.

Во исполнение сей установки особист сталинской канцелярии рекомендует сотрудникам госбезопасности взять под арест двух первых лиц ликвидированного ЕАК - поэта Фефера и актёра Зускина. Их обоих с пристрастием допросили, и один их них, Ицик Соломонович Фефер, между прочим показал: с середины 1948-го президиум комитета планировал добиться создания в Крыму Еврейской Республики, которая бы составила с недавно провозглашённым Израилем демократический «общееврейский фронт». Главным вдохновителем крымского проекта выступал Соломон Абрамович Лозовский, и он же намеревался использовать своё членство в ЦК ВКП(б) и блат в высшей номенклатуре, для того чтобы пробить реализацию этого проекта. Прочитав протокол допроса Фефера, Щадов с удовлетворением потёр руки: проблема Соломона Абрамовича Лозовского закрыта.

О Еврейской Республике в Крыму крепко возмечтали крупные еврейские финансисты из США. Возмечтали ещё в ходе войны, когда

Сталин в 1944-м выселил с благодатного полуострова его стародавних обитателей - золотоордынских татар. Татары не просто сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами, но и зверствовали в расправах над русскими и украинскими жителями Крыма. Их жалобы освободившим полуостров советским войскам и партизанским отрядам могли обернуться стихийной резнёй татарского населения, и Сталин, дабы не допустить резни, распорядился вывезти всех татар в Среднюю Азию.

Как только Крым с его тёплым солнцем и морем сильно обезлюдел, американские евреи-банкиры вышли на дипломатов СССР в США с инициативой: ваше правительство позволяет переселиться на полуостров нашим советским соплеменникам и учреждает там Еврейскую Республику, а мы выделим огромные деньги на обустройство Крыма.

Сталин уполномочил дипломатов и разведчиков обсудить инициативу. Сумма, которую предлагали евреи-банкиры США на Крымскую Еврейскую Республику, его устроила. Но он поставил условие: миллионы и миллионы долларов, обеспеченных в ту пору золотом, должны поступить в бюджет СССР и, как их расходовать на предоставленный евреям Крым, Советское правительство решает самостоятельно. Условие не было принято. Американские евреи-банкиры соглашались доверить свои деньги только властям образованной Крымской Еврейской Республики. А это нарушало суверенитет СССР и в перспективе вело бы к обособлению республики евреев и отторжению Крыма от Советского Союза. Поэтому на переговорах с еврейскими финансистами из США Сталин поставил крест. Особист его канцелярии Щадов о причинах прекращения переговоров был осведомлён и потому сразу ухватился за показания Фефера: ага, попытка Лозовского после провозглашения Израиля вновь вернуться к закрытой Сталиным теме Еврейской Республики в Крыму есть попытка покушения на территориальную целостность Советского государства.

Щадов изымает копию показаний Фефера из его уголовного дела, соединяет их с отчётами о прослушивании разговоров Лозовского сотрудниками госбезопасности и набрасывает проект постановления ЦК ВКП(Б):

- Соломон Абрамович Лозовский за спиной партии и правительства сговаривался с Еврейским антифашистским комитетом о том, как выполнить план американского капитала об образовании в Крыму Еврейской республики-государства. Кроме того, Лозовский неоднократно принимал корреспондентов, Гольдберга и Новика, являющихся агентами спецслужб США, и снабжал их секретными материалами о состоянии оборонной промышленности СССР. Поведение С. А. Лозовского не совместимо с его пребыванием в ЦК ВКП(б) и в рядах партии.

Так это или не так - решить был полномочен Пленум Центрального Комитета. Но Сталин не посчитал нужным Пленум созывать. Проект постановления по персональному вопросу Лозовского разослали членам ЦК, и они его заочно одобрили. Исключение Соломона Абрамовича из партийного штаба и ВКП(б) означало для него потерю охранной грамоты,

и 26 января 1949-го он был арестован по обвинению в замыслах умыкания Крыма и шпионаже.

За решётку Лозовский попал на три дня раньше Жемчужиной. Но если Полину Семёновну взяли под стражу как правонарушительницу-одиночку, то Соломона Абрамовича - как предводителя преступной группы. Двое из этой группы - Фефер и Зускин - уже обживали тюремные камеры, ещё двенадцать посадили в тюрьму в конце января - начале февраля 1949-го. Среди свежих заключённых были литераторы и редактора, замминистра Госконтроля РСФСР и действительный член Академии наук СССР, начальник высших курсов Министерства путей сообщения и директор театрального училища. Некоторые новые арестанты входили в президиум Еврейского антифашистского комитета, некоторые - очень тесно с ним сотрудничали. Кому-то из сообщников Лозовского ставили в вину крайний национализм, направленный на отъём у СССР Крыма под независимую Еврейскую Республику, кому-то - шпионаж, кому-то - и то и другое.

Весь 1949 год арестованных по делу ЕАК интенсивно допрашивали и проводили очные ставки между ними. Следственные действия офицеров госбезопасности не ограничивались только теми активистами комитета, которые парились в камерах Лубянки. Круг подозреваемых в крайнем еврейском национализме и шпионаже из месяца в месяц расширялся и включал в себя многих известных евреев, так или иначе помогавших становлению ЕАК как штаба общины. Богемный цвет еврейства свободы не лишали - его заставили лишь дрожать и открещиваться от националистических амбиций комитета, от угодившего в тюрьму Лозовского с ближайшими сподвижниками.

Одновременно с разгромом ЕАК и стращанием виднейших евреев-гуманитариев пошёл процесс истребления всего чисто еврейского в гуманитарной же сфере. Санкционировал этот процесс, разумеется, Сталин, а непосредственно управлял им особист канцелярии Вождя - полковник Щадов.

По подсказке Щадова, звучавшей как директива, прихлопнули еврейские литературные организации и издания.

По настоянию Щадова отказали в дотационном финансировании и закрыли ввиду убыточности еврейские театры в Минске, в Черновцах и в Москве.

По рекомендации Щадова, выглядевшей как инструкция, соответствующие органы под разными предлогами одну за одной упразднили синагоги - единственные, по выражению московского раввина Шлифера, «легальные места единения и спайки еврейского народа».

По персональным ориентировкам Щадова евреев-националистов энергично изгоняли из газет-журналов, из Союза писателей, кинематографа, музыкального искусства, образования и так называемых общественных наук - философии, истории, права.

Сталинская санкция на истребление еврейского духа распространялась не только на культуру и идеологию, и только ими полковник Щадов своё внимание не ограничил. Его усилиями деликатно выставили из Минлегпрома СССР второе там лицо - жену члена Политбюро ЦК Андреева Дору Моисеевну Хазан. Затем потеряли свои посты министр промышленности стройматериалов Гинзбург и министр заготовок Двинский. Вслед за Гинзбургом стены Минпромстроя пришлось покинуть четырём его соплеменникам - одному замминистра и трём начальникам главков.

Дора Хазан, Борис Двинский и Семён Гинзбург, в отличие от Соломона Лозовского, Полины Жемчужиной-Молотовой и Соломона Михоэлса, ни явно, ни тайно не обозначали, что они преданы еврейской общине больше, нежели Советскому государству. Поэтому Хазан всего-навсего спровадили на заслуженный отдых, а Двинского с Гинзбургом лишь спустили вниз по служебной лестнице.

Против члена Политбюро Лазаря Кагановича, его жены Марии Марковны - председателя ЦК текстильного профсоюза - и министров Бориса Ванникова, Давида Райзера и Льва Мехлиса козней вообще не случилось. Данных особ Сталин запретил Щадову ущемлять хоть как-то. Нетленность супругов Каганович показывала Западу, что в СССР по-прежнему нет антисемитизма. Дважды Герой Социалистического Труда Ванников отменно работал на мощь советского оружия. Райзеру как незаурядному инженеру предстояло достраивать крупные объекты, здание МИДа на Смоленской площади в том числе. А доблестно послуживший Сталину министр Госконтроля Мехлис тяжело болел - и не хорошо его, хворого, трогать для нагнетания антиеврейской истерии.

Глава 6. Пик операции «Чемодан - вокзал - Израиль»

Евгений Петрович открыл вторую оставленную ему помощником папку:

- Собрали мои коллеги сведения и о дальнейшей деятельности полковника Щадова. Эти сведения изложены на десяти листах. Пока вы, Николай Михайлович, ознакомитесь с ними, мы с Сергеем Григорьевичем в другом кабинете пошепчемся по проблеме кредита.

Они ушли. Я приступил к чтению переданного мне текста под заголовком «Пик операции «Чемодан - вокзал - Израиль»...

«Кроме Кагановича с супругой, Ванникова, Райзера и Мехлиса, евреев в верхнем слое номенклатуры к началу 1950-го не осталось. Еврейский дух основательно был выветрен и в партийном аппарате столицы и провинций. Настала пора чистки кадров в управлении производством. Ведь именно руководители предприятий конкретно распоряжались людьми и собственностью - они, пусть и под контролем сверху, решали - кому какую должность и зарплату иметь, кто

заслуживает премии, а кто - нет, кого в первую очередь осчастливить ордером на бесплатную квартиру и дармовой путёвкой на курорт.

Позиции евреев в руководстве заводами-фабриками за военную и послевоенную пору не ослабли, а окрепли.

А при обилии своих у руля предприятий деморализовать еврейскую общину было невозможно. И наш герой - полковник Щадов - уйму сил расходует на насаждение антисемитизма в сфере производства.

Первый такой антисемитский блин у него вышел комом. Оконфузил занимающего нас полковника сын портного из местечка Томашполь Исаак Моисеевич Зальцман. Его талант как организатора производства узрели влиятельные соплеменники, и в 33 года он занял кресло директора самого известного в стране предприятия - Путиловского завода в Ленинграде. Лицом в грязь Зальцман не ударил. Путиловский завод, переименованный в Кировский, под началом Исаака Моисеевича по плану выдавал стране танки до прихода гитлеровских войск к брегам Невы. А потом, переместив свои мощности на Урал, в сжатые сроки наладил танковое производство в Челябинске. Сталин хозяйственные заслуги Зальцмана оценил и удостоил его звания «Герой Социалистического Труда», повесил ему погоны генерал-майора и присудил Сталинскую премию.

Герой, генерал, лауреат Зальцман, прикинул полковник Щадов, наверняка чувствовал себя в Челябинске неким городским самодержцем и, будучи типичным местечковым евреем, он не мог не пригреть на своём крупном заводе тьму соплеменников, что автоматически делало завод рассадником еврейской крамолы. Зальцмана по указанию Щадова взяли в разработку. Но ни крайнего национализма, ни шпионажа во вверенном Исааку Моисеевичу трудовом коллективе не установили. Весь грех Зальцмана состоял только в покровительстве братьям-евреям. А на том шумно-скандальный судебный процесс нельзя было построить. У Зальцмана по-тихому отобрали партбилет и посоветовали ему устроиться где-то на работу рядовым инженером.

Неудача в Челябинске не охладила пыл нашего полковника. Щупальцами госбезопасности и партийных органов он упрямо продолжал искать злоумышленников-евреев на предприятиях по всей стране и неожиданно для себя нашёл их неподалёку от Кремля - на московском автомобильном заводе имени Сталина - ЗИСе.

Управлял ЗИСом сын русских крестьян Тульской губернии Иван Алексеевич Лихачёв. В институте он, в отличие от Зальцмана, не учился, в технике не разбирался, зато в партию большевиков бравым матросом вступил за четыре месяца до Октябрьской революции. За правильную политическую ориентацию полуграмотного матроса зачислили в чекисты. Но к сыску и зверствам он не был пригоден и его по окончанию Гражданской войны определи заведовать хозяйственным отделом Московского губернского совета профсоюзов.

Пятилетку Иван Алексеевич отбарабанил как профсоюзный завхоз, и

ничего более привлекательного ему вроде бы впереди не светило. Но в 1926-м Сталин надумал реанимировать в Москве первый русский автомобильный завод - АМО - и политически надёжного Лихачёва назначили туда директором - назначили не руководить производством машин, в котором он ничего не соображал, а бдеть за тем, чтоб старорежимные конструкторы и инженеры не пакостили в сотворении новых советских автомобилей.

Специалисты автостроения вредительствовать не стремились, красный, то есть не квалифицированный, директор Лихачёв проявлял благоразумие, руки им не вязал, и с завода АМО, получившего в 1931-м название Завод имени Сталина (ЗИС), покатили по городам и весям нормальные вполне автомашины.

Умение Лихачёва не мешать, а помогать специалистам принесло ему известность. Завод наращивал мускулы-мозги, и с ростом числа производимых им автомобилей росла и слава его директора. В 1939-м Ивана Алексеевича ввели в состав ЦК ВКП(б) и назначили наркомом (министром) среднего машиностроения. Но высокого доверия Лихачёв не оправдал - ничего не улучшил в отрасли, и через полтора года Сталин вернул его на ЗИС.

Осенью 1941-го, когда немцы подошли к Москве, Лихачёв вывез все зисовские станки и оборудование на Урал и на их базе запустил там четыре новых предприятия. Зимой 1942-го Сталин призвал Лихачёва в Москву и поручил ему обеспечить второе рождение ЗИСа - с нуля оснастить и укомплектовать кадрами. Денег на автозавод правительство не жалело ни во время, ни после войны. И к концу сороковых бурно развивающийся ЗИС стал чуть не самым престижным предприятием столицы. Условия труда и зарплата на нём привлекали многих. Приоритет же при приёме на самую выгодную работу отдавался на заводе евреям. Почему?

Всем на ЗИСе распоряжался его русский директор Лихачёв. Но распоряжался он так, как советовал доверенный человек Эйдинов-Вышедский - щупленький и умненький еврей. Формально Эйдинов занимал должность мальчика на побегушках - помощника директора. Фактически - пособлял директору думать и принимать решения. То, что у Лихачёва в устах или на бумаге обретало форму приказа, сначала возникало в голове Эйдинова. Особенно старательно он содействовал директору в кадровых вопросах. И десять руководящих должностей на заводе - от главного конструктора и начальника производства до шефов медсанчасти и комбината питания - перепали евреям.

Спаянные вокруг Эйдинова соплеменники коллективно посещали театр Михоэлса, единодушно оплакивали его смерть, вместе праздновали провозглашение Израиля и даже по сему случаю направили приветственную телеграмму в Еврейский антифашистский комитет СССР. За всем этим ни директор Лихачёв, ни партком ЗИСа, ни вышестоящие комитеты партии ничего предосудительного не углядывали. Сотрудники

госбезопасности - тоже. Но как только они портрет дружной компании Эйдинова набросали сталинскому особисту Щадову, он их вооружил новым на неё взглядом. Евреи на автозаводе проникнуты националистическим духом? Проникнуты. Они завязывались с

ЕАК? Завязывались. Члены комитета замышляли согласно плану американских банкиров оттяпать у СССР Крым для евреев? Замышляли. Еврейская группа Эйдинова разделяла их устремления? Разделяла. Еаковцы за намерение покуситься на территориальный суверенитет Советского государства сидят в тюрьме и каются в покусительстве? Сидят и каются. А чем эдиновцы лучше? Ничем.

Национализм евреев с ЗИСа не выглядел страшным, и, дабы ожесточить их будущих судей, Щадов обязал следователей добавить к первоначальному обвинению шпионаж и служебные злоупотребления. На Эйдинова повесили раскрытие гостю завода -- послу США Смиту - технических возможностей правительственного лимузина, прочим управленцам-евреям ЗИСа инкриминировали «вредительско-подрывную работу» - умышленное занижение производственных планов, выпуск автомашин с дефектами, строительство личных дач на заводские средства, расхищение предназначенных рабочим продуктов. Под подозрение попали 42 зисовских еврея, и всех их доставили в тюрьму.

Одновременно с компанией Эйдинова полковник Щадов увлёкся группой «буржуазно-националистических евреев» на Ярославском автозаводе. Заправлял в группе главный инженер, лауреат Сталинской премии Лившиц. Титул его не спас. Вслед за Лившицем не сносили голов евреи-руководители на крупных предприятиях в Ленинграде, Харькове, Куйбышеве-Самаре, в уральском Миассе, в сибирском Ирбите, в главках министерств автотракторной и подшипниковой промышленности, в аппарате Главснаба СССР.

Венчало управляемый Щадовым еврейский погром в сфере производства дело национал-сионистов на металлургическом комбинате в кузбасском городе Сталинске - ныне Новокузнецке. Первые лица комбината немалую часть своих приличных зарплат и премий передавали местной подпольной синагоге, действовавшей на квартире некоего Рапопорта. Они же, оплатив проезд туда и обратно, направили из Сталинска в Москву 70 евреев для приветствия в столичной синагоге первого посла Израиля Голды Меерсон, которая потом станет премьер-министром на Земле обетованной под именем Голды Меир. К явному национализму кузбасских металлургов оставалось лишь привязать шпионаж - передачу в США секретных сведений о мощностях комбината - и вредительство - поставку стране бракованного металлопроката. С наступлением бабьего лета 1952-го ведущие специалисты-евреи знаменитого комбината благополучно превратились в узников следственного изолятора и остывающим солнцем стали любоваться сквозь решётку.

В ноябре того года исполнилось ровно пять лет со дня зачисления

полковника Щадова в канцелярию Сталина.

Отмечал ли полковник скромный должностной юбилей? Скорее всего - да. Итоги его пятилетней службы заслуживали праздничной вечеринки. Из того, что ему некогда предстояло сделать по плану сталинской операции «Чемодан - вокзал - Израиль», почти всё было выполнено. Торжественно похоронен публичный лидер еврейской общины Михоэлс. Советская Эсфирь - Жемчужина - куковала в кустанайской степи и глушила огненную воду Реальный вождь евреев СССР Лозовский расстрелян в августе 1952-го вместе с 12 активистами штаба общины - ЕАК. Ранее казнены 13 зисовских евреев-вредителей во главе с Эйдиновым. В сентябре 1952-го высшая мера наказания - смерть - постигла по суду 4 национал-сионистов из Сталинска-Новокузнецка. 5 тысяч евреев за пять лет приговорены за национализм-вредительство и шпионаж к разным срокам заключения, десятки тысяч - вытолкнуты с тепло-хлебных мест из всех сфер жизнедеятельности.

Под негласным дирижёрством сталинского особиста Щадова карательные и партийный органы обезглавили еврейскую общину и посеяли у миллионов её членов страх потерять жизнь, свободу и работу Но пока советское еврейство опасалось только кар со стороны власти. Чувство же безысходности, которое бы окончательно принудило евреев к массовой добровольной эмиграции в Израиль, могло ими овладеть только при боязни обрушения на них гнева народного - гнева рядовых русских, украинцев, белорусов и прочих представителей коренных наций России-СССР. Таковой гнев надо было пробудить. На этом во второй половине 1952-го и зациклился наш полковник, приковав свои очи к светилам-медикам еврейской национальности.

Из лечебных учреждений с началом антисемитской кампании евреев вычищали не намного усерднее, чем из учреждений прочих и промышленных предприятий. Но усерднее. Процент евреев в медицине к началу пятидесятых был выше, чем в партийно-государственных структурах, в культуре, науке, образовании, прессе и в индустрии. Скажем, в клинике Института лечебного питания Академии медицинских наук из 43 руководящих и ведущих научных должностей 36 принадлежали евреям. Где подобное абсолютное доминирование врачей-евреев имело место быть, там шло интенсивное от них освобождение. Полковнику Щадову как дирижёру кампании, казалось бы, следовало лишь равнодушно наблюдать за соблюдением пропорций в увольнении евреев разных профессий. Но он не ровно дышал при упоминании врачей-евреев высокой квалификации - по личной сугубо причине.

В башку полковнику втемяшилось, что самые идейно близкие ему истинно русские политики Щербаков и Жданов покинули сей мир не по божественному, а по дьявольскому предначертанию - не своей смертью умерли. Да, им приходилось с жутким напряжением сил вкалывать и страшные нервотрёпки переносить. Но Молотову, который был на шесть лет старше Жданова, и Кагановичу, который родился на два года раньше

Щербакова, жилось не слаще. Признаков природной или болезнетворной хилости ни у кого из четверых не наблюдалось - каждый из них в составе высшего руководства страны демонстрировал равную примерно высокую работоспособность. Но Щербаков лёг в могилу в 44 года, Жданов - в 52, а Молотов и Каганович на стыке сороковых-пятидесятых праздновали очередные дни рождения в полном здравии.

Все четверо политиков пользовались одинаково комфортными курортами и услугами одной и той же привилегированной, доступной только главным персонам власти Кремлёвской больницы, где солировали врачи-евреи. Так не по-разному ли они лечили русских националистов Щербакова со Ждановым и мужа еврейки Молотова и еврея Кагановича?

Вопросом этим полковник Щадов сам себя напряг и, как бы между прочим, в рамках общей антисемитской кампании тщился себе самому на него ответить. Версия полковника об избирательном врачебном вредительстве в Кремлевке была чисто умозрительной. До того, как из крупнейшего учебного и научно-исследовательского центра Москвы - 2-го мединститута имени Сталина не вычистили академика-еврея и пять его соплеменников-профессоров.

В профессорской пятёрке фигурировал товарищ Этингер, запомнившийся Щадову в связи с делом Еврейского антифашистского комитета. В офис ЕАК на Кропоткинской улице Этингер регулярно наведывался, читал поступавшие туда иностранные издания, слушал там передачи западных радиостанций и считал себя должным сметь своё суждение иметь по разным аспектам политики Советского государства. Ратовал он и за то, чтоб добиться от правительства передачи Крыма под Еврейскую Республику. Этингера можно было отправлять в тюрьму вместе с покушавшимися на территориальную целостность страны активистами ЕАК. Но, поскольку уволенный из 2-го мединститута профессор частенько приглашался как консультант в Кремлёвскую больницу, полковник Щадов притормозил его арест: надо понаблюдать за ним и прослушать его беседы с друзьями-приятелями.

В записанных разговорах Этингера полковник Щадов запал на обронённое профессором-евреем словосочетание: «Щербаков - главный организатор и вдохновитель государственного антисемитизма в СССР». Как любопытно! Секретаря ЦК, руководителя Москвы и Московской области, заместителя Сталина по наркомату обороны, начальника Политуправления армии и Совинформбюро Щербакова профессор Этингер считал творцом бед своих соплеменников, ненавидел его, и он же выдавал рекомендации -- как Щербакова лечить.

На допросах в тюрьме на Лубянке Этингер отмёл все предъявленные обвинения. Тогда его перевели в Лефортовскую тюрьму, в сырую камеру, куда нагнетался холодный январский воздух. Помёрзнув, профессор назвал полтора десятка маститых евреев-врачей, которые возглавляли больницы и клиники, кафедры и лаборатории в мединститутах и которые, как и он, заражены были недовольством властью и распространяли

клевету на Советское государство. Все разоблачённые в Лефортове поплатились должностями, а кое-кто их них - свободой. Этингер же продолжил сотрудничать со следователями и сознался, что «в силу ненависти к Щербакову задался целью сократить его жизнь путём назначения ему увеличенной или уменьшенной дозировки лекарств».

За признанием Этингера последовал арест завкабинетом диагностики Кремлёвской больницы - еврейки Карпай. Она лично снимала электрокардиограммы у Щербакова и Жданова, лично контролировала состояние их пламенных сердец, и поскольку они оба скончались от проблем с сердечнососудистой системой, то ей предстояло лично объясниться в тюрьме на Лубянке: не по её ли заведомо ложным диагнозам Щербакова и Жданова уморили неправильным лечением?

Особый интерес полковника Щадова к причинам смерти двух важнейших соратников Сталина не разделял генерал-полковник - министр Госбезопасности Абакумов. В войну сын русского истопника Виктор Абакумов руководил Управлением контрразведки «СМЕРШ» и как гроза немецких шпионов и диверсантов состоялся, несмотря на то, что имел не высшее и не среднее, а начальное образование. Должность же главы Министерства госбезопасности требовала политического таланта. А его-то у успешного командира «СМЕРША» не оказалось. Абакумов не разгадал конечной цели антисемитской кампании Сталина и, исходя из своих собственных интересов и представлений о ситуации в стране, сам для себя решил: погромили евреев, приструнили их - и стоп машина.

Чтоб замять разработку версии полковника Щадова о врачебном вредительстве, генерал-министр условия содержания в тюрьме разговорившегося Этингера ещё более ухудшил, и слабый телом профессор отдал душу своему еврейскому Богу. Упрямая же Карпай подлог кардиограмм Щербакова и Жданова на себя не брала. Её допросы министр распорядился приостановить. Тем самым, по сути, распорядился поставить крест на едва начавшемся деле врачей-вредителей.

Узнав о том, полковник Щадов не мог не вспомнить: чуть ранее генерал-полковник Абакумов данной ему властью похоронил дело СДР - Союза борьбы за дело революции. Его составили юноши - детки репрессированных в тридцатые годы начальников-евреев, которые печатали на гектографе листовки, где писали о предательстве Сталиным ленинских принципов диктатуры пролетариата и его заигрывании с религиозно-националистическими настроениями масс Вели юнцы речи и об организации индивидуального террора против отдельных деятелей Советского государства. Членами СДР были школьники старших классов и студенты начальных курсов. Реальной угрозы власти они, конечно же, не представляли, и когда их Союз раскрыли сотрудники МГБ, министр Абакумов постановил: юнцов морально выпороть, вменить им впредь не баловаться и распустить по домам.

Связав прекращение Абакумовым дела СДР и дела врачей, полковник Щадов стал размышлять: так, гуманизм министра к пылко-реваншистским

юношам-евреям не грешно оправдать и простить, от намерения покончить с расследованием вредительства врачей-евреев его можно легко отвадить вызовом к Сталину. Но в нежелании уголовно преследовать евреев в обоих случаях чем руководствовался Абакумов - проснувшимся в нём, профессиональном убийце, чувством сострадания к жертвам или корыстным расчётом?

Когда в 1944-м советские войска ворвались в венгерскую столицу Будапешт, там по велению командира «СМЕРША» Абакумова захватили, перевезли в СССР и отправили туда, куда Макар телят не гонял, дипломата из Швеции Рауля Валленберга, который вытащил из лап фашистов и уберёг от погибели тысячи и тысячи евреев. Полковник Щадов об этом знал. Как знал и о том, что на стол бывшего смершевского предводителя Абакумова, заправлявшего теперь Министерством госбезопасности, регулярно попадали донесения резидентов внешней разведки СССР: на деньги еврейских банкиров пресса в разных странах света сотворила из Валленберга кумира и вся прогрессивная мировая общественность проклинает виновников его исчезновения.

Ну обмишурился в прошлом нынешний министр МГБ Абакумов, ну сгрёб под горячую руку и сгноил невзначай вхожего к оккупационным немецким властям шведского дипломата Валленберга. Но Сталин-то об этом был поставлен в известность? Был. Значит, он бывшего смершевца и действующего своего министра не кинет на растерзание мировой общественности? Не кинет. Но Сталин старше Абакумова почти на тридцать лет. Ему, Абакумову, ещё жить и жить, работать и работать. Под кем жить и работать в недалёком будущем? Среди возможных преемников Сталина - есть юдофилы. Станет первым лицом Молотов - воротится из ссылки его жена Полина Семёновна. Хотя её арест был санкционирован в ЦК, но за методы следствия она от злобы на министра МГБ не избавилась и ей ничего не стоит заявить: с Валленбергом по своей инициативе расправился Абакумов и его в угоду мировому общественному мнению полезно выдать Швеции как военного преступника. А раз такое не исключено, Абакумову надо себя обезопасить, надо впрок угодить грядущим юдофилам на вершине власти, представив им факты, которые бы доказывали, что именно он, Абакумов, когда только было можно, избавлял евреев от уголовных наказаний.

Если бы антисемитские заказы шли МГБ не от сотрудника канцелярии Сталина, а от самого Вождя, то даже не уразумев истинного назначения этих директив, Абакумов не упустил бы ни единого повода рьяно помордовать евреев. Но поскольку не генералиссимус, а какой-то полковник Щадов при нём наводки выставлял - генерал-полковник, министр госбезопасности надумал на него поплевать и позволил себе собственную игру в деле вредительства врачей.

Развалив очередное заквашенное Щадовым дело против евреев, подтолкнув к могиле расколовшегося Этингера и затормозив допросы не сломившейся пока Карпай, Абакумов засветился в намерении обзавестись

индульгенцией в постсталинское время. А на дворе-то ещё было время Сталина, он твёрдо вёл страну своим курсом, и с министром со шкурными помыслами ему было не по пути.

Ни в лубянских, ни в лефортовских застенках Абакумову тосковать не довелось. Его заключили в Особую тюрьму ЦК. За одно с ним из кабинетов в камеры переправили последних оставшихся в МГБ офицеров-евреев - они обвинялись в вовлечении их русского начальника в сионистский заговор.

Освобождённое от Абакумова министерское кресло занял завотделом ЦК ВКП(б) Семён Игнатьев - один из тех партийных чинов, которым в последние годы жизни покровительствовал Жданов. В органах госбезопасности Семён Денисович никогда не служил, и потому ему в заместители назначили профессионала - следователя по особо важным делам МГБ Михаила Рюмина, отличившегося в обличении проеврейской игры Абакумова.

Новых боссов госбезопасности полковнику Щадову не понадобилось агитировать за возврат к его версии о вредительстве врачей. Под личным контролем Рюмина несколько дознавателей возобновили беседы с хорошими и разными специалистами Кремлёвской больницы - а верно ли охранялось и поправлялось здоровье Щербакова и Жданова? Ничего дух захватывающего на сей счёт из бесед не проявлялось - до 24 июля 1952-го.

В тот день в кабинет МГБ на Лубянке пожаловала на допрос дочь русского унтер-офицера царской армии, она же заведующая кабинетом электрокардиографии в главной советской - Кремлёвской больнице Лидия Тимашук. Ей четыре года назад, в конце августа 1948-го, довелось заменить убывшую в отпуск коллегу Карпай и вместо неё обследовать на Валдае Жданова. Месяцем ранее Карпай сняла у него электрокардиограмму и констатировала приступ сердечной астмы. Тимашук же обнаружила у Жданова инфаркт. При диагнозе русской унтер-офицерской дочери второму после Сталина деятелю полагался исключительно строгий постельный режим. На основании же диагноза дочери еврейского народа Карпай ему позволялись прогулки, баня, разговоры по телефону. Начальники Кремлёвской больницы приказали Тимашук переписать заключение о результатах её кардиограммы - так переписать, как было у Карпай. Тимашук подчинилась. Жданов в санатории «Долгие бороды» на Валдае продолжил вести активный образ жизни и 31 августа 1948-го умер. Но незадолго до того Тимашук составила записку о фальсификации диагноза и через ждановского охранника передала её министру госбезопасности Абакумову.

Факт умышленного сокрытия инфаркта у Жданова Абакумов расследовать не посчитал нужным. Записка Лидии Тимашук ушла в архив без последствий. Но когда в июле 1952-го, ровно через год после заключения Абакумова в тюрьму ЦК, Лидия Федосеевна на допросе в Министерстве госбезопасности поведала о записке - её из архива изъяли. Возник документально обоснованный повод для экспертизы лечения

Щербакова и Жданова. Истории их болезней передали трём профессорам медицины и каждого независимо друг от друга попросили оценить - верно ли их коллеги поправляли здоровье двух соратников Вождя? Выводы экспертов совпали: Щербаков и Жданов получали не то лечение, которое требовалось. Стало быть, врачи самой лучшей больницы страны самым высокопоставленным в стране пациентам наносили вред.

Аресты заподозренных во вредительстве медиков из Кремлёвской больницы продолжались с сентября по ноябрь 1952-го. Руководил следствием по делу врачей замминистра госбезопасности Рюмин. Неплохо вроде бы руководил. Посадил за решётку 28 кремлёвских докторов. От всех почти от них добился признания во вредительстве. Но в середине ноября его вдруг уволили с занимаемой должности и отправили рядовым сотрудником в Министерство госконтроля.

Крах карьеры Рюмина состоялся по той же причине, что и падение Абакумова. Оба они не уразумели истинной цели антиеврейских игр Сталина, и оба не угодили Вождю. Но не угодили по-разному. Абакумов попытался свести на нет уголовное преследование евреев, Рюмин, напротив, денно и нощно думал - кого из евреев ещё арестовать. Сталину же не требовалось ни прекращение карательных мер против евреев, ни наращивания этих мер без конца и краю. Сталинская операция «Чемодан - вокзал - Израиль» должна была завершиться не новой волной массовых арестов евреев - их община уже испытывала страх перед властью - а шумной политической кампанией, которая бы натравила на евреев рядовых граждан прочих национальностей. Дело о вредительстве в Кремлёвской больнице, где солировали врачи-евреи, для этого вполне подходило. Но замминистра госбезопасности Рюмин не врубился в разработанный особистом Сталина полковником Щадовым проект - как превратить уголовное дело врачей в политическую кампанию. Рюмина пришлось заменить на более ушлого Гоглидзе, бывшего министра внутренних дел Грузии, и проект полковника Щадова начал воплощаться в жизнь. Что он из себя представлял?

Любопытный нам полковник Щадов, по нашим сведениям из достоверного источника, присутствовал при аресте профессора Виноградова. Того самого профессора, врачебными услугами которого пользовался сам Сталин и члены его семьи. Стены квартиры Виноградова, где его брали, украшали картины классиков русской живописи - Репина, Шишкина, Брюллова и других. В потаённых местах виноградовской квартиры следователи Мингосбезопасности обнаружили при обыске золотые монеты, бриллианты и иные драгоценности. Следователи дивились уникальным картинам и роскошной мебели Виноградова, обилию золота и драгоценных камней в его квартире, а особист-полковник Щадов запал на найденную у профессора крупную сумму в валюте США.

Обыск на квартире Виноградова проходил в ноябре 1952-го. А годом раньше американский президент Трумэн подписал закон о выделении 100 миллионов долларов на подрывную работу в СССР. По тем временам 100

миллионов обеспеченных золотом зелёных бумажек - это миллиарды долларов сегодняшних. Соединённые Штаты Америки не скупились на подрыв изнутри их главного конкурента на мировой арене - Советского Союза, число сторонников которого тогда неуклонно росло и в демократической Западной Европе, и в тоталитарных странах Азии и Африки. А какой лучший способ подрыва СССР? Подрыв здоровья Сталина и тех его сподвижников, с коими он обеспечил Стране Советов высочайший авторитет во всём мире. Так не из подрывного ли фонда США перепал солидный куш в долларах профессору Виноградову? И не он ли, лечащий врач Сталина, обязался за этот куш приблизить кончину Вождя по заказу американских спецслужб?

Полковник Щадов запросил досье на сиятельного кремлёвского медика. Из досье следовало: профессор Виноградов, родившийся за 20 лет до Октябрьской революции в семье русского железнодорожника, ни в царское, ни в советское время в связях с вероятными агентами иностранных разведок замечен не был. Но все последние годы в Москве он крепкую дружбу водил с коллегами-евреями из Кремлёвской больницы. Среди них полковника Щадова особо заинтересовали двое. Первый - профессор Коган, состоявший до 1917-го в Еврейской социалистической рабочей партии и имевший причастных к разведдеятельности родственников за границей. Второй - профессор Вовси, двоюродный брат председателя Еврейского антифашистского комитета Михоэлса.

Имевшиеся в Министерстве госбезопасности СССР сведения о Когане и Вовси позволили полковнику Щадову выстроить дух захватывающий уголовно-политический сюжет. Родичи Когана через дипломатов Великобритании в Москве завербовали его в английскую разведку уже в середине тридцатых. Вовси завязал роман с американскими спецслужбами в годы Великой Отечественной благодаря контактам Михоэлса с соплеменниками из США. Как Коган, так и Вовси взялись работать на иностранные разведки не из-за денег, а из-за неприятия политики Советского государства, которая не устраивала всю еврейскую общину СССР. Но и деньги из Америки и Англии им переправлялись немалые. И они, Коган с Вовси, коллег в Кремлёвской больнице вовлекали в заговор по подрыву здоровья руководителей Страны Советов двумя способами: врачей-евреев склоняли к вредительству на почве племенной солидарности, русских врачей - подкупом.

Найденная на квартире личного доктора Сталина Виноградова крупная сумма в долларах, по логике полковника Щадова, свидетельствовала: следующей жертвой врачебного заговора в Кремлевке вслед за Щербаковым и Ждановым должен стать сам Вождь. А кто за ним? Любой из тех деятелей Советского государства и Компартии, который неугоден еврейской общине СССР, правителям США и Великобритании, де-факто объявившим Советскому Союзу холодную войну.

К исходу 1952-го версию полковника Щадова о шпионско-террористическом заговоре в Кремлёвской больнице подтвердили своими

показаниями арестованные кремлёвские врачи и с ней ознакомили всё высшее руководство страны.

На 13-й день нового, 1953 года Телеграфное Агентство Советского Союза через печать и радио известило всю страну об аресте «группы врачей-вредителей». ТАСС, казалось бы, дало команду «фас» только на кремлёвских медиков. Но вслед за сообщением Агентства посыпались такие газетные статьи, содержание которых травлю группы врачей-вредителей незаметно оборачивало в травлю всей еврейской общины СССР.

В «Правде», в «Известиях» и затем в прочих газетах замелькали публикации, где с ярлыком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» назывались Вовси и Коган, Гринштейн и Фельдман, Карпай и Певзнер, Гельштейн и Этингер. Евреи-медики из Кремлевки, подспудно и прямо внушалось советскому обществу, вошли в сговор с врагами СССР на Западе и по их заданию отравили Щербакова и Жданова, а теперь пытались умертвить Сталина и его ныне здравствующих ближайших соратников.

Чтобы понять, какую реакцию в общественном сознании вызвала такая подача дела врачей-вредителей, надо принять во внимание: в глазах широких масс в то время Сталин был суровым и справедливым земным Богом, без которого нет и не может быть Правды, Добра и Победы в труде и в бою. Поэтому к тем, кто замахнулся на его жизнь, в сердцах масс вспыхнула буря ненависти. И обрушилась она не только на кремлёвских убийц-евреев в белых халатах. Коль нашлись врачи-евреи, готовые погубить самого Сталина и его апостолов, то значит полно среди еврейских медиков желающих навредить здоровью рядовых граждан. К такому выводу приходило всё большее количество умов, и в обществе вовсю пошли гулять слухи: врачи-евреи прививают нееврейским пациентам рак, заражают их туберкулёзом и другими страшными болезнями, наносят травмы младенцам при родах.

Дабы народная ненависть к еврейству не ограничилась врачами-евреями, в прессе по заказу из сталинской канцелярии запустили серию фельетонов о махинациях в разных сферах дельцов с еврейскими фамилиями. Это стимулировало всплеск так называемого бытового антисемитизма. То, что раньше говорилось шёпотом в курилках на предприятиях-учреждениях и на кухнях коммунальных квартир, стало громко произноситься и в очередях в магазинах, и в тесноте трамваев-автобусов, и в домашних застольях, и на вечеринках в кафе-ресторанах:

- евреев нет ни на стройках, ни у станков на заводах, ни на фермах и в поле - они по блату захватывают самую денежную и непыльную работу;

- евреи в большинстве своём отсиживались в войну в эвакуации в глубоком тылу, а после Победы вернулись в Москву, Питер, города Центральной России и не по праву получили там лучшее жильё;

- евреи ради личного благополучия всегда и любыми способами

стремятся обжулить народное государство.

Огласка дела кремлёвских медиков с выпячиванием в нём евреев и нехитро замаскированные антисемитские выпады в прессе по разным поводам в январе-феврале 1953-го, по сути, легализовали ранее потаённую в стране неприязнь к еврейству. Открытая молва теперь превращала всех евреев-врачей в злодеев, остальных - в прохиндеев. И у еврейской общины в СССР появился повод опасаться не только преследований со стороны власти, но и погромов рядовыми гражданами иных национальностей.

Дискомфорт советские евреи уже ощущали везде, и как им было не думать о том, чтоб податься прочь из страны. А это значит, что операция «Чемодан - вокзал - Израиль» подходила к завершению. Оставалось лишь провести суд над врачами-вредителями, обнародовать их признания в преступных деяниях и намерениях, довести, таким образом, антисемитскую истерию до пика и приступить к организации массовой добровольной эмиграции евреев на Землю обетованную и, возможно, к родственникам в другие страны.

Во второй половине февраля 1953-го следователи Министерства госбезопасности отрапортовали о полной готовности дела врачей. Суд над ними планировали запустить в течение ближайшего месяца. То есть до середины марта. Тогда же советским дипломатам надлежало вступить в переговоры с лидерами мирового сионизма: мы обеспечиваем переезд советских евреев на историческую родину, вы их там привечаете и обустраиваете.

Итак, последняя стадия операции «Чемодан - вокзал - Израиль» должна было начаться в первый месяц весны 1953-го. Но не началась. Нежданно-негаданная смерть Сталина поставила крест и на этой последней стадии, и на всей операции в целом.

27 февраля 1953-го Сталин посетил репетицию в Большом театре. Следовательно, никакие недуги не мешали ему наслаждаться искусством. 28 февраля Сталин после сна долго гулял окрест дачи в Кунцево, затем поехал в Кремль и посмотрел там кино вместе с Булганиным, Берия, Маленковым и Хрущёвым. После того все четверо получили от Сталина приглашение отобедать на его даче. Обед длился до четырёх утра 1 марта. Проводив гостей и отпустив внутреннюю охрану на отдых, Сталин лёг спать. И с того момента на ногах его больше никто не видал.

Сын Вождя, Василий Сталин, позвонил отцу по прямому проводу 1 марта около полуночи. Ему ответил охранник: «Товарищ Сталин не может подойти к телефону - он нездоров». Что случилось? Вчера ещё отец был, как обычно, бодр и деятелен, на недомогание не жаловался и находился в добродушном настроении. И вдруг сегодня он нездоров - так нездоров, что не может взять трубку телефона.

В бессознательном состоянии Сталин пребывал пять дней. Дыхание его остановилось 5 марта в 21 час 50 минут. В дни угасания отца Василий

Сталин стал заявлять: Вождя медленно действующим ядом отравили соратники за едой-питием в ночь с 28 февраля на 1 марта.

Официальное заключение патологоанатомов версию об отравлении не подтвердило. Но можно ли верить анатомам, за пером которых пристально следили наделённые огромной властью?

Причины смерти Сталина - тайна. Ну а если всё-таки его отравили соратники, отравили в канун завершения операции «Чемодан - вокзал - Израиль», то двигало ли ими желание предотвратить эмиграцию советских евреев или они исходили из иных мотивов?

Глава 7. Верёвочка с Берией

До вопросительного знака, завершавшего текст на последнем из данных мне листов, я дошёл в одиночестве. Евгений Петрович и Потёмкин всё ещё где-то шептались, и мне в сей момент ничего не оставалось, как захлопнуть папку с листами и вспомнить реплику из советского юмора:

- Токарь Сидоров, возвращаясь с женой с балета «Спартак», чувствовал себя неудовлетворённым: он никак не мог понять - кто выиграл на сцене и с каким счётом.

Подобное неудовлетворение и мной овладело. Я абсолютно не понимал - ну на фига Евгений Петрович, человек из бизнеса ельцинско-путинской поры, уже не один час грузит меня устными и письменными рассказами о полковнике эпохи Сталина - Тихоне Лукиче Щадове? Нет, рассказы эти были мне не скучны. Напротив - интересны. Но чего ради Евгений Петрович с трудами превеликими добыл информацию о деяниях полковника Щадова и зачем её обрушил на меня?

С чувством токаря Сидорова я сидел минут пять. Сидел бы и больше - куда деваться. Но нужда подняла с насиженного места. Я вышел из кабинета в зал ресторана. Оглядел в нём столы и ни за одним из них Евгения Петровича с другом моим Серёгой не обнаружил. Зато углядел роскошно отделанную лестницу вниз и по ней устремился - туда, где должны были быть комнаты для уединения.

Вернувшись из туалета в кабинет, я застал обоих сотрапезников на их стульях. Они уже не спиртное пили, а кофе - протрезвевший почти Серёга вкушал его с удовольствием, не охмелевший ранее Евгений Петрович пригублял чашку.

Мне кофе тоже был поставлен. Я приступил к потреблению слегка дымившейся чёрной жидкости, думая: как вопросить Евгения Петровича на предмет истребления моей неудовлетворённости? Но он первым завёл со мной разговор, показав на закрытую мной недавно папку:

- Вам там всё удалось прочитать?

- Конечно.

- Благодарю вас Вы, надеюсь, уразумели из прочитанного, что смерть

Сталина означала крах операции «Чемодан - вокзал - Израиль». Вы, полагаю, догадались, что крах этой операции не мог не повлиять на карьеру её дирижёра - сталинского особиста полковника Щадова. Ну и каково ваше предположение - где оказался товарищ Щадов Тихон Лукич в те дни, когда страна скорбела о кончине Вождя?

- Если бы мне выпало пребывать в мундире сталинского особиста Щадова, если бы всё вами ему приписываемое было свершено мной, то, узнав, что на второй день после похорон Сталина выпущена на свободу Жемчужина-Молотова, я рванул бы в Министерство обороны с рапортом:

- Прошу меня, сотрудника сталинской канцелярии и армейского полковника в недалёком прошлом, зачислить вновь в Вооружённые силы и направить на службу в Забайкалье или на Дальний Восток.

- Извините,- глянул поверх чашки в мои глаза Евгений Петрович,- но вы совсем не оценили нашего с вами полковника. Не оценили как талантливого ученика Сталина - великого мастера закулисных интриг. Он, наш полковник, оставшись без Вождя, не только не помышлял куда-то драпать из политики, но и немедля влез во вновь разгоравшуюся политическую драку Освобождение же Советской Эсфири - Полины Жемчужиной-Молотовой - полковник Щадов не мог воспринять как сигнал тревоги лично для него. Не мог потому, что и помилование Жемчужиной, и закрытие уголовного дела на врачей-евреев он же, полковник Щадов, сам и инициировал. Каким образом и зачем?

Сталинскую операцию «Чемодан - вокзал - Израиль» способен был довести до конца только Сталин. Не стало Сталина с его безграничной властью и непререкаемым авторитетом в стране и в мире - не стало и возможности завершить успешную антисемитскую кампанию переселением советских евреев на Землю Обетованную.

Мысли о завершении этой операции наш полковник после 5 марта 1953-го в голове уже не держал. Теперь его всецело занимало лишь одно - кому с уходом Сталина достанется Кремль? Этот вопрос для нашего полковника был вопросом его жизни или смерти.

Он, полковник Щадов, с особого своего поста в сталинской канцелярии узрел истинные, не портретные лица претендентов на высшую власть. И если победит тот из них, кто захочет предстать перед народом в ином, чем при

Сталине, свете, то ему, Щадову, как нежелательному свидетелю, не уцелеть - ни в столице, ни в глухой провинции. Выжить он мог, только встроившись в команду такого нового руководителя страны, который не отречётся от Сталина и сталинских идеалов. Так где же оказался наш полковник в дни прощания с Вождём?

Евгений Петрович поставил опустошённую им от кофе чашку на тарелочку и скрестил пальцы рук:

- За полную достоверность версии не ручаюсь, но то, что вы сейчас

услышите, мне лично поведал человек из Госплана СССР, с которым Тихон Лукич Щадов на стыке 70-80-х века XX не один год приятельствовал. Они вместе обедали в госплановской столовой по будням, вместе в тесном кругу праздники отмечали, и в этом самом кругу однажды Тихон Лукич вдруг вспомнил события весны 1953-го.

2 марта ему, полковнику Щадову, позвонил генерал Василий Сталин и произнёс фразу:

- Я был не прав. Они всё-таки это сделали.

В чём ошибался Василий, кто такие «они» и что сотворили - полковнику объяснять не требовалось. И он немедленно приступил к ревизии документов сталинской канцелярии. Никто из её сотрудников, кроме Щадова, не знал, что Сталин находится в бессознательном состоянии. Никто из них не догадывался, что полковник Щадов просматривает засекреченные бумаги не по поручению Вождя, а сам по себе и ему беспрепятственно удалось изъять из архива канцелярии ряд важных для него документов. Их в маленьком сейфе он 4 марта отвёз в город Владимир и закопал в подвале дома своего фронтового друга. В ночь же с 5 на 6 марта, спустя всего несколько часов после того, как остановилось сердце Сталина, Щадов по правительственному телефону из канцелярии покойного Вождя попросил аудиенции у заместителя Председателя Совета Министров СССР Лаврентия Павловича Берии. Просьба была удовлетворена и с той ночи полковника Щадова и Маршала Советского Союза Берию, говоря словами Гоголя, сам чёрт верёвочкой связал.

Ну а теперь поговорим: почему в поворотный для решения вопроса о власти момент наш полковник напрашивается на приём к Берии. Почему именно к нему, а не к кому-то другому из самых влиятельных чинов - не к Хрущёву и не к Маленкову.

Берия родился позже Сталина на 20 лет, но в паспорте его было записано то же, что и у Сталина,- крестьянин Тифлисской губернии. В политику Берия пришёл юнцом в 1920-м и за всю свою карьеру никогда не занимался чистой партийно-идеологической работой. Да, дослужившись в органах госбезопасности до генеральского чина, он в 1931-м возглавил ЦК Компартии Грузии, в 1932-м - одновременно и ЦК Закавказского крайкома ВКП(б). Но на обеих этих должностях Берия перво-наперво руководил жизнеобеспечением вверенных ему в управление территорий, а не сочинением лозунгов-призывов.

С 1938-го Берия - начальник НКВД - Наркомата внутренних дел СССР, в ведении которого тогда находились все структуры охраны правопорядка, разведки и контрразведки. НКВД во главе с Берией - это щит и меч страны. Но не только.

В состав Наркомата внутренних дел входило Главное управление лагерей. ГУЛАГ же - это не просто места лишения свободы, но и огромная строительно-промышленная корпорация. А чтобы сотни тысяч

заключённых успешно выполняли производственные планы, их надо было нормально кормить, исправно одевать-обувать и обеспечивать орудиями труда, сырьём и материалами. Нарком НКВД Берия проявил себя как незаурядный организатор производства. Под его началом ГУЛАГ в три предвоенных года выполнил колоссальный объём работ, возвёл-изготовил всё необходимое стране в строго установленные сроки. И когда в январе 1941-го Сталин одарил Берию званием Генерального комиссара государственной безопасности СССР, то тем самым отметил не только заслуги главы НКВД в охранно-карательной деятельности, но и его вклад в экономическую безопасность страны, в повышение её экономической мощи.

В феврале того же 1941-го Сталин, оставив Берию руководителем НКВД, назначил его заместителем Председателя правительства - Совета народных комиссаров. Со второй недели Великой Отечественной Берия - в составе Государственного Комитета Обороны. Как зампред СНК и как член ГКО Берия в войну отвечает за производство боеприпасов, вооружений и самолётов. Патронов-снарядов, автоматов-орудий-миномётов Красная Армия получила столько, сколько ей было нужно, а наша авиация в конце войны стала лучшей в мире. И звание Маршала Советского Союза в июле 1945-го Сталин присвоил Берии не только за службу в НКВД. Маршальскими звёздами были опять-таки отмечены экономические заслуги Берии - его вклад в могущество военно-промышленного комплекса страны.

Талант Берии как организатора оборонной индустрии Сталин посчитал важнейшим из его талантов и на исходе победного 1945-го освободил его от должности наркома НКВД. Освободил для того, чтобы он все свои силы и умения бросил на наш ответ Соединённым Штатам Америки, шантажировавшим мир атомной бомбой. Избавление СССР от смертельной угрозы из США являлось самой главной задачей страны. Поэтому заместителю Председателя правительства Берии предоставили чрезвычайные полномочия. Для него Сталин учредил с солидным аппаратом Спецкомитет, указания из которого обязаны были исполнять все ведомства, все военные, государственные и партийные чины.

По старым связям Берии и по хитрому его плану советская внешняя разведка удачно пошпионила в Америке - вывезла оттуда некоторые важные наработки по созданию атомной бомбы. Советским учёным - физикам с химиками - Берия сотворил максимум творческого комфорта. Они выдали атомный проект на бумаге, а Берия со своим Спецкомитетом железной рукой воплотил его в жизнь, мобилизовав для того все необходимые человеческие и материальные ресурсы. В 1949-м страна получила атомное оружие, Берия - Сталинскую премию. В последующие годы под руководством Берия было создано и термоядерное оружие.

Евгений Петрович снова достал из кармана свою записную книжку с блестящими обложками:

- Суть личности Берии в моём понимании, надеюсь, я вам ясно

изложил. Ну а что за душой было у двух других претендентов на верховенство в стране после Сталина?

Евгений Петрович стал зачитывать с одной из страничек книжки:

- Хрущёв Никита Сергеевич. Политработник с тремя классами начальной школы в частях Конной армии Будённого в Гражданскую войну. Хрущёв. Политработник в райкоме, окружкоме и ЦК Компартии Украины. Хрущёв. Политработник, направленный в 1928-м из Киева в Москву на преодоление его малограмотности - на учёбу в Промышленную академию. Хрущёв. Политработник, который будучи студентом Промакадемии, стал секретарём её парткома. Хрущёв. Политработник, который благодаря знакомству в академии с Надеждой Аллилуевой - женой Сталина, попал в его поле зрения, понравился ему и им продвинут был вверх по партийной лестнице - от должности секретаря Бауманского райкома Москвы до поста 1-го секретаря Компартии Украины. Хрущёв. Политработник, который всю Великую Отечественную ни за что персонально не отвечал, пребывая в ранге члена военных советов разных фронтов. Хрущёв. Политработник, вернувшийся на освобождённую от немцев Украину в роли её первого лица и не обеспечивший необходимых мер по преодолению разрухи в республике,- в марте 1947-го Сталин убирает Хрущёва из Киева, через девять месяцев, правда, амнистирует его, возвращает обратно. Спустя два года, в декабре 1949-го, Сталин находит уму-разуму политработника Хрущёва достойное применение - переводит его в Москву секретарём ЦК ВКП(б) и позволяет ему стать влиятельным игроком в партийном аппарате.

Евгений Петрович перевернул страницу в своей записной книжке:

- Маленков Георгий Максимилианович. Маленков. С 1919-го - с восемнадцати лет - политработник в эскадроне и полку, а затем в бригаде и управлении Туркестанского фронта. Маленков. В 1923-1924-м он не просто студент Московского высшего технического училища, но и политработник - член комиссии по выявлению в этом училище врагов партии. Маленков. Политработник, который до диплома МВТУ не доучился, зато сделался техническим секретарём - сначала Оргбюро, потом Политбюро ЦК ВКП(б). Маленков. Политработник, коему в 1930-м Лазарь Каганович - первый секретарь Московского горкома партии - доверил заведовать агитационно-массовым отделом городского комитета ВКП(б). Маленков. С 1934-го - политработник в аппарате сталинского Центрального комитета, идущий всё выше и выше: заведующий отделом, секретарь ЦК, в феврале 1941-го - кандидат, в марте 1946-го - член Политбюро. Маленков. В пору Великой Отечественной его, политработника, Сталин вводит в состав правительства, назначает в мае 1944-го своим заместителем в Совете народных комиссаров, меньше чем через два года, в марте 1946-го, увольняет, а спустя пять месяцев возвращает в зампреды правительства.

Евгений Петрович медленно закрыл записную книжку и положил руку на её блестящую обложку:

- Два обрисованных мной вам политработника не страдали от недостатка ума и воли. В марте 1953-го Хрущёв контролировал ЦК партии, Маленков доминировал в правительстве.

Каждый из них имел реальные шансы на верховенство после Сталина. А это нашего полковника категорически не устраивало.

Хрущёв с Маленковым состоялись как политработники в двадцатые годы - в годы воинствующего интернационализма троцкистского толка. Бредни троцкистов о вселенском братстве пролетариата и мировой коммунистической революции вошли в их молодую необразованную плоть. И они оба вряд ли с исхода тридцатых и до начала пятидесятых искренне разделяли великодержавную, прорусскую политику Сталина, Щербакова, Жданова и вряд ли не помышляли о реванше троцкизма.

Хрущёв с Маленковым никогда не отличались в самостоятельном хозяйственном творчестве. Никогда лично не отвечали за конкретные масштабные проекты - в индустрии, науке, сельском хозяйстве. Их опыт последнего сталинского двадцатилетия - это опыт высокопоставленных политработников-порученцев при Сталине. Самим всё продумывать-просчитывать и самим принимать оптимальные решения с выверенными последствиями им не было дано. И никто из них в случае захвата высшей власти не тянул на эффективное преобразование сталинской системы управления страной. Они эту уникальную систему с её плюсами и со всё более очевидными минусами из-за мусора в их мозгах, рассуждал наш полковник, либо просто законсервируют, либо, не изменяя её сути, учинят в ней безобразные эксперименты. А и тот и другой вариант - беда для страны.

Ни мыслью в обществе, как должно, ни экономикой государства, как нужно, Хрущёв с Маленковым, по выводам нашего полковника, управлять не пригодны. Ну а чем его привлекал третий претендент на вдруг возникшую вакансию лидера СССР?

Грузинский крестьянин Берия, в отличие от грузинского же крестьянина Сталина, не обитал долгие годы вместе с русскими праведниками и грешниками на подпольных квартирах, в тюрьмах и ссылках, не пропитался раствором русскости и не стал русским националистом. Но Берия, в отличие от Хрущёва с Маленковым, в молодые его лета не был заражён и интернационализмом-троцкизмом. В столицах Азербайджана и Грузии - в Баку и Тбилиси - Берия в двадцатые годы, шагая вверх по служебной лестнице в органах госбезопасности, формировался как слуга Советской империи, занятый не усвоением и толкованием идеологических догматов, а решением прикладных задач.

На высоких постах в Москве с 1938-го по 1953-й Берия опять-таки был занят в первую очередь практической работой и преуспел в ней значительно. Выдающихся результатов в укреплении могущества страны (чего стоит только создание под его началом атомной и термоядерной бомб) Берия добивался благодаря сталинской системе управления и не

мог её преимущества не ценить высоко. Но он, прагматик до мозга костей, видел и недостатки этой системы.

Нельзя иметь два центра власти на разных уровнях (ЦК партии и Совет Министров, обком и облисполком, райком и райисполком). Пока Сталин был в Кремле, пока оттуда исходили выверенные директивы, пороки двоевластия не проявлялись. Но Сталина больше нет, и директивы из Кремля уже не будут священны для всех. А без культа Вождя, без трепетного страха перед ним и без веры в мудрость и справедливость кремлёвских директив от Москвы до самых до окраин обязательно единовластие - ответственность только одного центра в столице и в провинции. Надо, чтобы партийный секретарь Иван неудачи в работе из-за его лени и некомпетентности не мог списывать на руководителя советского исполкома Петра, а Пётр перед вышестоящими инстанциями не мог кивать на Ивана.

Партия в Конституции - Основном Законе СССР - вообще не упоминалась. Сталин, сложив с себя в 1952-м полномочия Генерального секретаря партийного ЦК и сохранив за собой пост Председателя Совета Министров, явно тем самым обозначил суть наступающих перемен в управлении страной: не парткомитеты, а конституционные органы советской власти - теперь де-факто главные в стране. В марте 1953-го, после кончины Сталина, его установку на единовластие Советов и их исполкомов осуществить мог только натуральный государственный деятель Берия, а не политработники-порученцы Вождя - Хрущёв с Маленковым.

Только он, Берия, по природе слуга государства, считал наш полковник, был способен завершить начатую Сталиным реформу управления: вся власть - жёсткой вертикали Советов и их исполкомов, партии и её комитетам - исключительно идеологическая, пропагандистско-просвещенческая деятельность.

Только он, Берия, практик, поднаторевший в выполнении конкретных экономических и оборонных задач, понимал, насколько важны в успехе любого дела личная творческая свобода и инициатива. И только он, Берия, как будущий глава страны в представлении нашего полковника, мог всерьёз приступить к реформе экономической. К созданию рынка и необходимой конкуренции в торговле и сервисе. Сталин, вписав в 1949-м в Гражданский кодекс право граждан на кустарно-артельную деятельность по патентам и найм работников, тем самым запланировал приход частного бизнеса в сферу обслуживания. А кто, если не Берия, обеспечит развитие этого бизнеса - развитие широкой сети эффективно конкурирующих между собой в пользу населения негосударственных магазинов, столовых-кафе-ресторанов, парикмахерских, швейно-ремонтных мастерских?

Нашему полковнику Берия подходил, так сказать, по идейно-стратегическим соображениям. Но не это заставило его срочно добиваться встречи с ним сразу же при первом телефонном известии о смерти Вождя. Полковнику Щадову, посвящённому в игры тайной

сталинской политики, позарез и немедленно надобен был лично-тактический союз с маршалом Берией. Почему он остро нуждался прежде всего в таком союзе?

Евгений Петрович влево-вправо по столу подвигал свою записную книжку:

- Разговор с приятелем Тихона Лукича Щадова из Госплана я вёл, разумеется, без диктофона. Он излагал повествование нашего полковника о событиях марта 1953-го, я ему просто внимал. Услышанное потом на бумагу не переложил. Не переложил потому, что не боялся забыть. Слишком всё хорошо запомнилось. Итак, с чем же в ночь с 5 на 6 марта полковник Щадов ступил в кабинет заместителя Председателя Совета Министров СССР, Маршала Советского Союза Лаврентия Павловича Берии? С чем? С монологом-докладом и с заявкой на сотрудничество.

- Товарищ Берия,- заговорил наш полковник, получив разрешение сесть напротив маршала.- Три дня назад Василий Сталин заявил вам о том, что его отца отравили. Его заявление не с потолка списано. Оно возникло с моих слов и в нём - правда.

Товарищ Сталин с первого взгляда определял энергетический потенциал любого человека и не мог заблуждаться в истинном знании своих жизненных сил. А если бы он уловил, что ресурс его мозга и сердца истощён трудами и недугами, то задолго бы стал готовиться к уходу в мир иной. Так поступали все мудрецы, так поступил бы и товарищ Сталин. Но он, трезво оценивая собственное здоровье, ни о каких предсмертных завещаниях и распоряжениях не помышлял. Небеса божественные благословляли его жить и жить. Но сегодня товарищ Сталин - мёртв. И мёртв он по той же дьявольской причине, по которой умерли 44-летний товарищ Щербаков и 52-летний товарищ Жданов.

По роду службы,- уведомил Берию наш полковник,- мне выпало заниматься прогремевшим не так давно делом кремлёвских врачей. Занимался я им тщательно и пришёл к выводу: медики-евреи ненавидели товарищей Щербакова и Жданова, но они погибли не от неправильного лечения.

Когда вы, товарищ Берия, руководили Наркоматом внутренних дел СССР и когда этот наркомат включал в себя и собственно органы внутренних дел (милицию), и органы государственной безопасности (разведку, контрразведку и политический сыск), в вашем подчинении находилась Токсикологическая лаборатория. Лаборатория по изготовлению различных ядов. Весной 1943-го НКВД разделили - за вами осталась милиция, а органы госбезопасности отошли в ведение самостоятельного наркомата - НКГБ. Ему передали и Токсикологическую лабораторию.

Не сомневаюсь,- наш полковник уставил свои очи на пенсне Берии,- вы помните, что яды из названной лаборатории уходили только с разрешения первых лиц во власти. Так было при вас, так было и после

передачи вами управления госбезопасностью вашему бывшему заместителю Всеволоду Николаевичу Меркулову. Так вот, доводы следствия по делу врачей о смерти товарищей Щербакова и Жданова от вредоносного лечения мне показались не убедительными, и я заинтересовался Токсикологической лабораторией. Негласно, без ведома товарища Сталина, завёл знакомство с одним из её сотрудников, и сведения, от него полученные, открыли для меня два одинаковых по последствиям факта.

В апреле 1945-го с санкции Маленкова из лаборатории выдаётся медленно действующий яд, спустя две недели, 10 мая, умирает Щербаков. В начале августа 1948-го по указанию того же Маленкова тот же яд уносится из стен лаборатории, и в конце названного месяца в гробу - Жданов. Разумеется, в обоих случаях Маленков разрешал использовать яд по запросам сотрудников госбезопасности для истребления врагов Советского государства где-то очень далеко от Москвы. Но по прямому ли назначению ушли все дозы яда или часть из них истратили на смертельные рубцы на сердцах Щербакова и Жданова?

Этот вопрос, товарищ Берия,- склонил голову наш полковник,- позвольте пока оставить без ответа. Молвлю вам сначала совершенно очевидное: у Маленкова были серьёзные мотивы тайно избавиться от товарищей Щербакова и Жданова.

Весна 1945-го - пик карьеры Щербакова. Он выиграл пропагандистское сражение с Геббельсом, с Агитпропом фашистской Германии. Он - не только первое лицо в руководстве Москвы и Московской области, но он же как секретарь ЦК партии, как начальник Совинформбюро и Главного политуправления армии делает погоду в прессе и книгоиздании, в театрах и кино. От имени Сталина Щербаков, по сути, единолично управляет ходом мысли и настроением всех граждан страны. Управляет так, как не по нраву Маленкову.

В Маленкове русский националист Щербаков видел скрытого троцкиста-интернационалиста. Обладая обширной и достоверной информацией обо всём везде происходящем, Щербаков точно знал: муж еврейки Маленков наряду с влиятельнейшими еврейскими деятелями, например с Лозовским и Жемчужиной-Молотовой, всячески через разные властные рычаги противодействуют проводимой им, Щербаковым, чистке. То есть освобождению редакций печати-радио и учреждений культуры от евреев-националистов и от лиц иных наций, не приемлющих идеологию русского великодержавия. Короче говоря, два вроде бы соратника на вершине власти - Щербаков и Маленков - являлись на самом деле врагами. И если бы в мае победного 1945-го Щербаков вдруг не умер, то он при огромном к нему доверии товарища Сталина наверняка отправил бы вскоре Маленкова либо в ссылку в Кустанайскую степь вместе с Жемчужиной-Молотовой, либо в тюрьму вместе с Лозовским.

По мировоззрению товарищ Щербаков и сменивший его в роли главного идеолога страны товарищ Жданов были братьями-близнецами. И

Жданов с его двумя воспитанниками в высшей власти, с набиравшими всё большую силу членами Политбюро ЦК ВКП(б) Вознесенским и

Кузнецовым, уготовил бы Маленкову ту же участь, что и Щербаков. Поэтому и Жданов так же вдруг ушёл из жизни в августе 1948-го.

Наш полковник перевёл дух:

- Я не докладывал товарищу Сталину мои догадки. Ему для решения еврейского вопроса в стране нужно было, чтобы тайну смерти Щербакова и Жданова раскрыли перед народом как злостное циничное преступление врачей-евреев. Работая над этим, я не мог без дозволения Сталина параллельно расследовать использование ядов от Маленкова. И потому держал свои догадки исключительно при себе. Но как только в середине февраля мой агент сообщил мне, что Хрущёв распорядился выдать яды из Токсикологической лаборатории, я поехал к Василию Сталину. Расписал ему свою версию об отравлении Щербакова и Жданова и заметил: надо бить тревогу.

Далее я вывалил на Василия доводы для тревоги.

Товарищ Сталин сейчас - в мыслях о крупных переменах в стране. Вот-вот он планирует развернуть массовую эмиграцию евреев и одновременно с ней реформу всей пропагандистской машины.

Отказ Сталина быть Генеральным секретарём ЦК партии означает начало реформы партии - структурной, кадровой и идеологической.

Грядёт и реформа в экономике. До и во время Великой Отечественной войны сосредоточение в руках государства всей собственности страны и жёсткое госуправление промышленностью, сельским хозяйством и торговлей были оправданны. После Победы, после восстановления разрушенных городов-сёл и сотворения ядерного щита необходимость в централизованной мобилизации ресурсов и регламентации чиновниками всего и вся отпала. Следовательно, вскоре Сталин приступит к внедрению рынка. Регулируемого рынка, при котором производители товаров-услуг и продавцы вольны сражаться под контролем государства: кто более лучшей и более дешёвой продукции выдаст гражданам и кто больше может трудом и сноровкой заработать.

Хрущёв с Маленковым о намётках сталинских реформ имели ясное представление и воспринимали их как угрозу для себя лично. Они, политработники-порученцы, выполняли задания Сталина много лет. Не всегда успешно. И не раз были биты за неудачи. Но всё-таки удержались на самом верху власти. И при действующих системах идеологии и экономики у них есть шанс и впредь сохранять своё высокое положение. А вот если пойдут реформы, то они, Хрущёв с Маленковым, сановные порученцы с замшелыми догмами в башках и с неумением учиться, Сталину с его нововведениями уже не понадобятся на Олимпе власти. Им предстояло падать вниз и, возможно, очень больно удариться.

Реформы Сталина для Хрущёва и Маленкова - нож острый. И у них

единственный способ не допустить реформ - убрать от власти Сталина. Но он - не только должностное лицо, он - Вождь. Отправить его в отставку невозможно, значит, надо устранить из жизни.

Маленкову дважды светила перспектива падения с властного Олимпа. Но он не упал - ни в 1945-м, ни в 1948-м - потому что отправил на тот свет Щербакова и Жданова. Сейчас такая же перспектива - и перед ним, и перед Хрущёвым. Они вошли в сговор, и Хрущёв как секретарь ЦК партии, курирующий Министерство госбезопасности, санкционировал выдачу ядов из Токсикологической лаборатории. Так не для товарища ли Сталина эти яды предназначены?

С этим вопросом, товарищ Берия, я обратился к Василию Сталину 20 февраля. Он отозвался на него весьма оригинально:

- Когда мой отец не был Сталиным, а был 16-летним Иосифом Джугашвили, он написал стихотворение, лирический герой которого ходил с дубовым пандури от дома к дому и дарил людям нехитрую песню:

А в песне его, а в песне -

Как солнечный блеск чиста,

Звучала великая правда,

Возвышенная мечта.

Человек с пандури заставлял песней биться окаменевшие сердца, будил у многих разум, дремавший в глубокой тьме:

Но вместо величья славы

Люди его земли

Отверженному отраву

В чаше преподнесли.

Сказали ему:

«Проклятый,

Пей, осуши до дна…

И песня твоя чужда нам,

И правда твоя не нужна!»

Отравили автора песни,- прокомментировал прочитанные строки Василий,- не простые люди его земли, а богачи или начальники, которые сами хотели повелевать душами и умами на этой земле.

Теперь по делу,- повысил тембр голоса Василий,- по твоему предостережению о яде отцу от двух соратников. Хрущёву и Маленкову не нужны ни великая правда, ни возвышенная мечта. Согласен, они боятся потерять их услаждающий наркотик - свои нынешние посты. Уверен, они на всё готовы ради того, чтобы остаться на верхушке власти. Но и Хрущёв, и Маленков боятся, трепетно боятся не только самого Сталина, но и его

портретов в их кабинетах - трусы они. И если один из них и возьмёт для Сталина яд, то непременно его выронит из дрожащих рук.

Василий не воспринял всерьёз мои догадки. С преступным равнодушием к ним отнёсся и признал это лишь тогда, когда крепкий организм товарища Сталина уже мучительно боролся с ядами - с ядами от Хрущёва и Маленкова.

Наш полковник умолк. И Берия, ни разу до того его не перебивавший, спросил:

- Почему вы, товарищ Щадов, с вашей информацией о ядах пришли именно ко мне?

Врасплох нашего полковника вопрос не застал:

- Мне известно последнее перед смертью распоряжение Вождя - объединить органы милиции и госбезопасности в единое ведомство и назначить вас, заместителя председателя правительства, одновременно министром нового могучего Министерства внутренних дел. Товарищ Сталин предвидел сопротивление его реформам на разных уровнях власти. И дабы это вероятное сопротивление подавить в зародыше, он решил сосредоточить руководство всеми карательными структурами в одних надёжных руках. Вам, товарищ Берия, я уверен, товарищ Сталин доверял больше других соратников. В вас он видел наиболее последовательного своего единомышленника и ваше влияние в стране значительно усилил, вверив вам милицию и госбезопасность.

Неожиданная смерть Сталина всё смешала в иерархии высшей власти. Кто кому сейчас должен подчиняться? Хрущёв фактически - главная фигура в ЦК партии, Маленков - в Совете министров. У вас, товарищ Берия, как у зампреда правительства и члена президиума ЦК, авторитет как в советских, так и в партийных инстанциях, и ныне в вашем распоряжении, как у министра МВД,- карательный меч. Так кто же из вас в стране может стать первым, кто - вторым и третьим?

Пока вы, товарищ Берия, решали жизненно важную для нашего народа научно-техническую проблему - создание атомной и термоядерных бомб - Хрущёв и Маленков решили свои личные проблемы. Они состоялись-утвердились в качестве непререкаемых посредников между Сталиным и чиновным людом. Хрущёв приучил слушаться себя партийный аппарат, Маленков - советский. Сталина теперь нет, и первым в стране суждено быть лидеру одного из двух аппаратов - тому, кто более нахрапист и решителен. Мне в настоящий день не ясно, кому достанется первая, кому вторая роль, но я не сомневаюсь - вам, товарищ Берия, роль третья не светит в любом случае.

Хрущёв и Маленков - пленники догм. Они не приемлют перемен, которые востребованы жизнью и которые начал товарищ Сталин. Вы, товарищ Берия, не сомневаюсь, намерены сталинские реформы продолжить. Тем не менее даже если вы покривите душой и на словах присягнёте на верность одному из лидеров аппаратов, то и при том ни

Хрущёв, ни Маленков не могут почувствовать сласть единовластия. Вы как личность и как деятель крупнее любого из них и любого же будете затмевать. А тихо-мирно вывести вас из президиума ЦК и лишить постов зампреда правительства и министра МВД они также не могут. Кишка тонка. Ваше влияние среди партийно-советского актива огромно, и разумных доводов для вашей отставки Хрущёву и Маленкову не найти. Что им остаётся? Только отправить вас на тот свет вслед за Сталиным. Если на его жизнь они покусились, то и перед вашей ликвидацией не остановятся. Поэтому мой прогноз на ситуацию в Кремле таков: либо Хрущёв с Маленковым - ядом ли, выстрелом снайпера - уберут вас, либо вы свершите возмездие и по закону арестуете и расстреляете их. В схватке за высшую власть в стране не может быть компромисса. И...

Поднятой ладонью Берия повелел нашему полковнику утихнуть:

- Вам не кажется, товарищ Щадов, что вы слишком далеко зашли в ваших фантазиях?

- Никак нет,- отрапортовал наш полковник.- Я не могу предвидеть последствия нашего с вами разговора для меня. Но осознанно рискую, высказывая вам свой прогноз. Рискую не только потому, что хочу отмстить за отравление Сталина, Жданова и Щербакова. Мне лично от Хрущёва и

Маленкова исходит не меньшая опасность, чем вам. Вас им надо уничтожить как конкурента во власти, меня - как свидетеля их крамольных деяний.

По поручению товарища Сталина я на исходе 40-х - в начале 50-х разрабатывал акции по устрашению евреев для того, чтобы подтолкнуть их к добровольной эмиграции на Землю обетованную. Цель операции «Чемодан - вокзал - Израиль», в моём понимании, оправдывала все средства и в плане акций вашего покорного слуги содержались и откровенное беззаконие, и излишняя жестокость наказания за реальные антигосударственные происки и наказание евреев, правовых норм не преступавших. Нужно было посеять страх и безысходность в еврейской общине - и они сеялись.

Я, имея «добро» от Сталина на свободу действий, намечал многие антиеврейские репрессии вне правового поля. А их проведение разными должностными лицами обеспечивалось прежде всего через секретарей ЦК партии - через Маленкова и Хрущёва. Они по моей наводке из сталинской канцелярии добивались незаконных увольнений и арестов влиятельных евреев, они под угрозой партийной ответственности ломали судей и обеспечивали вынесение суровых, в том числе смертных, приговоров многим евреям не за преступную деятельность, а за нелояльность к Советскому государству.

Женатые на еврейках Хрущёв и Маленков обрушивали кары на евреев отнюдь не по велению сердец. Но обрушивание было заказано. Я знаю в подробностях все факты их антиеврейских злоупотреблений, и в этом сейчас - опасность для моей жизни.

Но не только ради собственного спасения и не только из желания отмстить убийцам я пришёл к вам. Ни Хрущёва, ни Маленкова нельзя допускать к единовластию в стране. Они заражены троцкизмом и если захватят Кремль, то вытащат из могилы похороненный Сталиным Коминтерн. СССР опять придётся выкидывать огромные деньги на мировое коммунистическое движение.

В отношениях же с правительствами буржуазной Европы и Америки как Хрущёв, так и Маленков на первый план обязательно поставят пропаганду преимуществ социализма. Как с толком служить своим гражданам - им неведомо, а вот нести по миру идеалы Троцкого их зуд раздирает.

Но на Западе евреи господствуют в общественном мнении. И если я вскоре окажусь в Лондоне или Вашингтоне, если издам там книгу о том, как душили-травили советских евреев Хрущёв и Маленков, то их на Западе не будут воспринимать ни коммунисты, ни капиталисты. Перед теми и этими Хрущёву с Маленковым надо прилично выглядеть, и потому они найдут повод уничтожить меня.

Наш полковник сжал кулаки:

- Товарищ Берия, мне не заказано стать нелегалом на Родине или скрыться за границей. Возможности для того и другого пока есть. И не страх привёл меня к вам. Нельзя троцкистам и убийцам товарища Сталина отдавать Кремль. Они, Хрущёв и Маленков, опасны для меня и для вас, но они же и тьму вреда принесут всей стране. А убрать их от власти способны только вы, и мой долг вам содействовать. Каким образом?

Я могу изготовить доклад. Ваш доклад, товарищ Берия, на сессии Верховного Совета. Такой доклад, после которого арест Хрущёва и Маленкова у нас горячо одобрят, а на Западе расценят как законный и справедливый.

Первая часть доклада - на потребу мировому мнению - в моей голове. Я хоть завтра готов приступить к описанию беззаконий, свершённых против евреев Хрущёвым и Маленковым. Документы, подтверждающие их беззакония, я похитил из сталинской канцелярии и спрятал в надёжном месте.

Часть вторая доклада - для пробуждения гнева нашего народа к убийцам Сталина, Жданова и Щербакова - требует предварительной подготовки. Необходимо скрытно провести следствие по трём случаям выдачи ядов и снять показания с сотрудников госбезопасности, через которых отрава попала в распоряжение партийных вельмож-убийц. У меня уже созрело представление о цепочке передачи ядов, и я, мне кажется, сумел бы направлять ход следствия.

Внимание Берии наш полковник воспринял как согласие со всем им сказанным и отважился на рекомендации:

- Вам, товарищ Берия, надо перехватить у Хрущёва и Маленкова

первенство в реабилитации незаконно репрессированных евреев. Вы, а не они, должны амнистировать Жемчужину-Молотову, врачей-вредителей и оправдать посмертно Лозовского, активистов Еврейского антифашистского комитета и прочих незаконно казнённых евреев. Это придаст убедительность первой части вашего доклада. Надо вам, убеждён, и арестовать моего друга Василия Сталина. Арестовать, чтобы спасти. Василий с пылким своим темпераментом везде будет вещать об отравлении отца, и Хрущёв с Маленковым его уничтожат. Пресечение слухов об отравлении Сталина необходимо и для успеха следствия по использованию ядов. Это следствие не удастся при подозрениях о нём у Хрущёва и Маленкова - вторая часть вашего доклада может состояться только в глубокой тайне от них.

На «глубокой тайне от них» Евгений Петрович завершил пересказ слов Щадова и речь затем повёл с произнесённой уже ранее цитатой из Гоголя:

- Так вот, в ночь с 5 на 6 марта 1953-го полковника Щадова и маршала Берию сам чёрт верёвочкой связал. Маршал Берия, он же - член президиума ЦК партии, он же - зампред правительства, он же - министр МВД, обеспечил увольнение полковника Щадова из сталинской канцелярии и списание его с воинского учёта как действующего офицера. Ему выдали паспорт, и он стал простым советским безработным. Но с бесплатной путёвкой на курорт.

Сразу после похорон Сталина 38-летний полковник запаса Тихон Щадов отправляется в санаторий в Сочи. Занимает там отдельный номер и на второй день по приезду идёт под вечер купаться в холодном ещё море. Поплыл он по волнам и обратно не выплыл. Прохожий обнаружил на берегу его одежду и вызвал милицейский наряд. Персонал санатория одежду опознал, и был составлен протокол - полковник запаса Щадов пропал, вероятнее всего, утонул. Копию протокола из сочинского райотдела милиции переслали в Министерство внутренних дел, а оттуда сведения о пропаже бывшего особиста Сталина направили в первые приёмные ЦК партии и Совета министров.

Полковник Тихон Лукич Щадов исчез. Исчез для Хрущёва и Маленкова. А в ведомстве Берии появился некий сотрудник Тихонов. Он обитал в строго охраняемом дачном хозяйстве советской внешней разведки в подмосковной Малаховке. Он ежедневно нечто творил - стучал на пишущей машинке. Он часто звонил по телефону. Он, обросший густой чёрной бородой, иногда куда-то выезжал на присылаемой за ним машине со шторами. Он регулярно получал почту, доставляемую фельдъегерями.

Законспирированный Тихонов жил напряжённой жизнью. После того, как в апреле 1953-го Берия арестовал генерал-лейтенанта Огольцова, которому в Министерстве госбезопасности была подчинена Токсикологическая лаборатория, Тихонов-Щадов не только составлял текст о беззакониях Хрущёва и Маленкова, но и негласно контролировал следствие об использовании ядов не по заявленному назначению.

К лету 1953-го Тихонов-Щадов свои обязательства перед Берией выполнил. Есть лаконично-точный и убедительный перечень незаконных деяний двух партийных сановников, имеются и свидетельские показания о передаче ядов приближённым Хрущёва и Маленкова. Проект доклада Берия на сессии Верховного Совета с доказательными обвинениями в тяжких преступлениях секретаря ЦК Хрущёва и председателя Совета министров Маленкова был подготовлен к середине июня. И доклад бы в ближайшее время состоялся, и грянул бы гром для Хрущёва с Маленковым. Но им кто-то из МВД раскрыл выводы следствия по ядам. Они впали в панику и с сумасбродного страха спешно-преспешно склонили партийную верхушку преступить нормы закона и здравого смысла. Расправились с Берией в июне 1953-го с абсурдным обвинением его в шпионаже в пользу Великобритании и намерении реставрировать в СССР капитализм.

Убийство Берии было и убийством Тихонова. Тихонов приказал долго жить. А человек с документом на его фамилию превратился в Тихона Лукича Щадова и летом 1953-го затерялся на просторах одной шестой суши. А поскольку он, Щадов, полковник запаса, официально считался пропавшим-утонувшим в море, в розыск его не объявили. Власть имущие об исчезнувшем особисте Сталина забыли, он им о себе никак не напоминал.

Глава 8. Блеф Суслова

Евгений Петрович сделал краткую паузу и продолжил:

- Минуло семнадцать лет. Тёплым июльским днём 1970-го шёл по северо-западной Руси кортеж автомашин - лимузин ЗИЛ, чёрная «Волга» и два «Жигуля» автоинспекции. В лимузине помимо водителя сидели трое - завотделом и секретарь ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарёв, говорящий по-русски коммунистический деятель из Европы и сопровождавший их в поездке первый секретарь обкома партии Иван Иванович. И тем днём все трое возжелали полюбоваться видом стоявшего на их пути старинного монастыря. Вышли они из лимузина, поглазели с горы-площадки на купола церквей и стены монастыря, и тут обкомовский секретарь Иван Иванович ни с того ни с сего заповествовал:

- Интересный у нас случай недавно приключился. Готовились мы отмечать 25-летие Победы. Наметили пригласить в столовую обкома на праздничный обед ветеранский актив области и трёх фронтовиков, которые, как установило Министерство обороны, живут в нашей области и которым в войну не вручили присвоенных им боевых наград. Числа 5 мая на приём ко мне напросился областной военный комиссар и доложил:

- Один из фронтовиков, не получивший в 1942-м орден, прописан - в монастыре. Он - монах.

А потом спрашивает:

- Будем его звать на обед?

- Вопрос непростой,- стал я думу думать.- Обком КПСС отвечает за атеистическое воспитание. В наших партийных стенах, вроде бы, не должно быть места монаху. Но он же за Родину воевал, Родина воздала ему за боевые заслуги, и негоже отделять его от двух других фронтовиков, награды которых не дошли до них в своё время.

Монаху передали приглашение на праздничный обед. И что? Он его не принял: «Я не могу участвовать в партийных гулянках».

Ответ его меня насторожил - попахивал он враждебностью к партии. Но орден монаху полагался серьёзный - орден Боевого Красного Знамени. Не вручить нельзя. Я велел облвоенкому выехать сюда, позвать монаха из монастыря в горисполком, выдать ему орден и навести о нём справки в районном военкомате. Отчёт облвоенкома меня просто ошарашил: оказывается, антипартийно настроенный монах служил как полковник в секретном секторе ЦК партии - в канцелярии Сталина.

От сей невзначай выданной информации у Пономарёва полезли на лоб глаза, и между ним и первым секретарём обкома Иваном Ивановичем возник совершенно неожиданный для последнего разговор.

Пономарёв. Вы знаете, как звать этого монаха? Как его фамилия, имя, отчество?

Иван Иванович. Ещё бы, знаю. Щадов Тихон Лукич. В монашестве - отец Тихон.

Пономарёв. Я хочу увидеть монаха Тихона и потолковать с ним. Завтра вернусь сюда из санатория, приеду ровно в полдень в горисполком, а вы привезёте туда монаха из монастыря.

Иван Иванович. Прошу прощения, Борис Николаевич, но отец Тихон может не согласиться поехать. Мне доставлять его в горисполком с милицией?

Пономарёв. Он согласится. Только пусть ваши люди скажут ему, что с ним желает встретиться не секретарь ЦК КПСС Пономарёв, а Борис Николаевич Пономарёв, который сменил Соломона Абрамовича Лозовского на посту начальника Советского Информбюро. Вы запомнили, как следует передать предложение о встрече?

Иван Иванович. Запомнил.

После пересказа этого диалога Евгений Петрович встал из-за стола, прошёлся по кабинету ресторана туда-сюда и оглядел сверху меня и Серёгу:

- Да, друзья мои, чувствую - утомил я вас своим повествованием. Буду его в темпе, вкратце доводить до конца.

Он снова сел на свой стул:

- Вернёмся в июль 1970-го. Монах Тихон приехал-таки в горисполком к секретарю ЦК Пономарёву. Два единомышленника в прошлом, два

некогда добрых товарища встретились спустя почти двадцать лет. Встретились с теплотой друг к другу Расстались с прохладцей.

Тихон Лукич Щадов в монашестве, как выяснилось, следил за всем происходящим в СССР и мире. И от него входивший в высшее руководство страны Пономарёв услыхал:

- Вы свергли Хрущёва и прекратили его бессмысленные эксперименты в управлении - ликвидировали Совнархозы и разделение парткомитетов на городские и сельские. Хорошо. Но вы точь-в-точь восстановили сталинскую систему управления, которая самого Сталина не устраивала. Вы заморозили эту систему, и ваш режим власти не может быть эффективным.

Вы сохранили верность реанимированному Хрущёвым троцкизму. Вы - меценаты компартий Запада. Вы посадили на шею нашему народу так называемы социалистические режимы в Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Вы пытаетесь распространить социализм там, где ему ни за что не прижиться, и тратите на это страшно великие деньги.

Но вы в своей стране не финансируете как должно научно-технические разработки нигде, кроме военно-промышленного и сырьевого комплексов. Вы обрекаете СССР на безнадёжное технологическое отставание от капиталистических держав в машиностроении и производстве ширпотреба. Вы тупо везде почти регламентируете оплату труда и отнимаете у людей крупнодоходные стимулы, без которых не может быть прорыва в качестве и количестве товаров и услуг. Вы ведёте страну к полному её поражению в экономическом состязании с вражеским Западом.

Вступать в спор с монахом секретарь ЦК посчитал ниже своего достоинства. На прощание они не обнялись.

Евгений Петрович кивнул головой мне и Серёге:

- Всё. Выхожу на финишную прямую. О свидании с отцом Тихоном секретарь ЦК Пономарёв счёл необходимым уведомить второе по значимости лицо в стране - Михаила Андреевича Суслова. Между прочим, мол, я столкнулся с нашим общим знакомым - с особистом Сталина полковником Щадовым. Живой он, к удивлению, здоровый, молится в монастыре за спасение своей души и злобствует на сегодняшнюю политику партии и правительства.

Суслов отреагировал на сказанное совершенно не так, как предполагал Пономарёв:

- Значит, полковник Щадов жив?! Да, но он давно уже не полковник, а генерал-лейтенант. Сталин присвоил ему это звание в конце февраля 1953-го. Оформили присвоение по окончании траурных дней, и я как член президиума Верховного Совета СССР хотел даже тогда поздравить Щадова. А он пропал...

На глагол «злобствует» из уст Пономарёва Суслов не обратил

внимания, а сообщению о здравии Щадова в монашестве порадовался. По двум причинам.

Во-первых, на исходе 40-х именно особист Щадов, а не кто-то другой, поставил в известность Сталина - секретарь, завотделом ЦК и главный редактор газеты «Правда» Суслов тяжко кашляет, а о хвори своей не смеет заикнуться. Щадов же подписал у Вождя распоряжение об отпуске Суслову на лечение. Он избавился от туберкулёза и не забыл - кого ему за то благодарить следует.

Во-вторых, Суслов как куратор архива ЦК с 1955-го знал, что Щадов накануне увольнения из сталинской канцелярии изъял из неё важные документы и обратно их не вернул. И его, Суслова, беспокоила мысль - а не попадут ли исчезнувшие документы к иностранным спецслужбам, не опубликуют ли их и не перетолкуют на Западе во вред партии и Советскому государству. Но Щадов в монастыре в России. Он не таит своих взглядов перед секретарём ЦК КПСС Пономарёвым, стало быть, не чувствует вины перед страной, и, следовательно, им, вероятно, похищенные документы во враждебные руки не передавались и не будут переданы. А как тому не порадоваться?

И недели не прошло со дня беседы Пономарёва с Сусловым, как настоятель монастыря повелел монаху Тихону сесть в чёрную машину «Волгу» председателя горисполкома и вместе с ним отправиться в Москву - в Государственный комитет СССР по делам религии. Там отцу Тихону - Тихону Лукичу Щадову - преподнесли два генеральских удостоверения - одно образца 1953-го, второе - 1970-го. В первом со штампом «Погашено» было написано - «генерал-лейтенант, сотрудник по особым поручениям председателя Совета Министров СССР». В удостоверении втором со штампом «Копия» и с фотографией семнадцатилетней давности - «генерал-лейтенант запаса».

Чаепитие по случаю вручения удостоверений в Госкомитете не затянулось. Не затянулось потому, что два крепких парня в штатском попросили Щадова пройти с ними. Они посадили его в другую чёрную же «Волгу» и отвезли в скромный московский особняк за высоким забором. В нём генерал-лейтенанта в одежде монаха проводили в комнату с роскошным ковром на полу, со столиком из морёного дуба и глубокими кожаными креслами. В одно из них он опустился и через пять-десять минут увидел в комнате Суслова.

Что из былого пришло им на память при встрече - пропускаю. Второе де-факто должностное лицо великой державы возжелало принять скромного инока, дабы вопросить его - где документы, уплывшие из сталинской канцелярии. Суслов положил перед Щадовым список утраченных документов. Щадов признал: они им похищены и переданы потом Берии. Суслов сделал вид, что поверил. И перевёл тему разговора:

- Слухи ходят, что вы обличаете нашу нынешнюю политику.

Щадов обрушил на Суслова то же примерно, что и на Пономарёва

несколькими днями назад. Но при этом Суслов, в отличие от Пономарёва, не кислую мину на лице состроил, а спокойно прочитал стих Гёте:

Суха теория, друг мой, Но древо жизни зеленеет.

И так же спокойно Суслов молвил Щадову:

- Ваша критика политики страны - критика гражданина без бремени ответственности. А обременённые ответственностью должны прежде всего думать о безопасности дома, в котором мы живём. Нельзя затевать в нашем доме ремонт с изменением правил общежития без уверенности в том, что от того не будет пострадавших. Древо жизни у нас зеленеет. Время перемен ещё не наступило. Но,- оговорился Суслов,- это время не за горами, и я считаю уместным закрытое критическое осмысление нынешней политики в ЦК партии и правительстве. Следует медленно заквашивать оптимальные дрожжи будущих реформ.

Встреча Тихона Лукича Щадова с Сусловым затянулась надолго. Прибыл на эту встречу Щадов как монах и убыл как таковой. Но через три дня он вернулся из монастыря в Москву. Вернулся навсегда.

Бывшего монаха и генерала-лейтенанта запаса Щадова назначили советником в Верховный Совет СССР. Он занял отдельный кабинет с правительственной связью в здании напротив Александровского сада при Кремле. Ему выдали ордер на квартиру с мебелью на Кутузовском проспекте и предоставили в пожизненное пользование двухэтажную дачу покойного генерала Генштаба. Полагалась советнику и служебная машина в любое время суток.

Но не должность с благами выманила Тихона Лукича из монастыря. Суслов соблазнил его интересной ему ролью. Ролью независимого эксперта ситуации в стране и дегустатора настроений в партийно-советских кругах власти: хотят ли там перемен в идеологии, политике, экономике - и если да - то каких перемен именно?

В кремлёвской номенклатуре при Брежневе и Суслове ещё жили-были чины, с которыми советник Верховного Совета Щадов имел дела как особист сталинской канцелярии. Каждый из этих чинов на партийных съездах в 1956-м и 1961-м аплодировал похабным речам Хрущёва по разоблачению культа личности Сталина. Но каждый из них и тогда сохранял внутри былой трепет перед Вождём. А когда на дворе год 1970-й, когда Хрущёв давно - в политическом небытии и когда похабщина его, хоть и официально не осуждённая, совершенно не обязательна к употреблению, то в очень влиятельных кабинетах охотно отзывались на сообщения дежурных помощников:

- Вам звонит советник Верховного Совета СССР, бывший сотрудник по особым поручениям товарища Сталина...

Помнившие Тихона Лукича Щадова чины из ЦК партии и Совета министров принимали его с объятиями. Принимали и душу отвести в воспоминаниях, и посудачить просто так обо всём любопытном

сталинскому особисту, скрывавшемуся в монастыре от Хрущёва.

Через высокопоставленных старых знакомых Щадов под разными предлогами выходил на чинов, продвинутых в центры власти СССР при Брежневе. И отказа ни от кого из них не встречал. Приятно было, скажем, секретарям ЦК партии Кириленко и Кулакову, членам над всем возвышавшимся Политбюро, узнать, что с ними, провинциальными начальниками до 1953-го, желает потолковать особа, приближённая некогда к самому Сталину.

Новая должность Щадова официально именовалась - «советник Верховного Совета СССР по общим вопросам». Официальные же обязанности, согласно договорённости с Сусловым, на него не возлагались. Ему надлежало: из года в год обсуждать любые проблемы с любыми, кроме Брежнева, чинами, изучать реальное положение дел в городах-весях и выводы свои докладывать только «серому кардиналу СССР» - второму лицу в стране - Суслову.

Пять лет советник Щадов гонял чаи в солиднейших московских кабинетах. Пять лет в перерывах между чаепитиями в столице разъезжал он по одной шестой суши - от сибирского озера Байкал до среднеазиатского озера Иссык-Куль, от нефтегазовых месторождений в тундре Тюменского Севера до фруктовых плантаций в Закавказье. Его контактам с должностными лицами никто не препятствовал, его поездки никто не ограничивал.

Наступил май 1975-го. Страна отметила тридцатилетие Победы в Великой Отечественной войне под новую песню: «Это праздник - с сединою на висках, это праздник - со слезами на глазах...» У битого пулями в той войне фронтовика Щадова слёзы в юбилей навернулись. И не только память его мучила. Ещё и предчувствие: стране - победительнице фашизма уготован разгром от западной демократии.

В середине мая 1975-го советник Верховного Совета Тихон Лукич Щадов встретился с Сусловым и вручил ему докладную записку Её первая страница выглядела приблизительно так:

- Цитата из очереди за колбасой: «Народ и партия - едины, да только разное едим мы».

В стране - дефицит мясных, рыбных и молочных продуктов по установленным государством ценам. Но партийно-советские чины отменно за гроши кушают в закрытых от народа служебных столовых и покупают семьям лучшую еду в закрытых же буфетах-магазинах.

В стране - дефицит бесплатного для всех граждан жилья. Но зачисленные в ряды партийно-советского аппарата получают лучшие квартиры вне очереди.

В стране - дефицит модно-качественной одежды и обуви. Но партийно-советские работники с чадами и домочадцами без проблем отовариваются лучшими шмотками с чёрного хода универмагов и

торговых баз.

В стране - дефицит справедливости в образовании. Детки партийно-советских начальников занимают студенческие скамьи в лучших вузах вне зависимости - талантливы ли они или бездарны.

Номенклатура на разных уровнях процветает. Ну и ладно бы. При Сталине достаток рядовых граждан был тоже ниже достатка чиновников. Но тогда они - сверху донизу - служили. Служили народу как за страх, так и за совесть.

Теперь чины на просторах страны не служат, а делают карьеру. Чем выше кто-то из них поднимается по служебной лестнице, тем комфортней ему во всех отношениях жить.

Руководители областей и республик, сотрудники ЦК партии и министерств не испытывают больше страха. Никто из них не опасается уже, что его лень, головотяпство и корысть могут, как при Сталине, стоить ему жизни или свободы. Не терзает смертельно-тюремный страх и начальников городов и районов. Сегодня к результативному труду всех чинов подстёгивает только риск крушения карьеры. И с этим смириться - не грех.

Животный страх надобен был во власти в предвоенную мобилизацию, в войну и в пору преодоления послевоенной разрухи. Сейчас в стране нет чрезвычайных обстоятельств и карьерный риск - это нормальный стимул для нормальной деятельности всего аппарата управления. Он, в общем и целом, пока не растерял совесть и способен истребить оскорбляющий народ дефицит всего и вся. Но не истребляет его и не истребит. Почему?

На вершине пирамиды партийно-советской власти, воссозданной такой, какой она была при Сталине, нет Сталина с оптимально разумными директивами аппарату в пользу народа. Нет на этой вершине и Хрущёва с замусоренными догмами скудными мозгами. Но во внешней политике СССР сегодня преобладает троцкизм хрущёвского толка, в политике внутренней - хрущёвский же курс не на интенсивное, а экстенсивное развитие страны с зажимом научного и хозяйственного творчества в экономике.

Далее в записке Щадова приводились его собственные подсчёты зарубежных трат Советского Союза. Вот какие круглые суммы отваливаются компартиям Запада. Вот какие баснословные финансовые и материальные ресурсы сплавляются социалистическим якобы режимам в Азии и Африке, в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Караул, внешняя политика нынешних руководителей СССР есть политика грабежа собственного народа.

Их политика внутренняя в записке Щадова расценивалась как политика абсурда.

На Западе, писал Щадов, научно-техническая революция. Там разрабатываются и с ходу внедряются новые уникальные технологии по

энергосбережению и экономии горючего и сырья. В СССР же строят новые электростанции, наращивают добычу нефти-газа и вал металлов, полимеров, древесины, хлопка. И при том ни у министра, ни у рабочего нет личного интереса в рациональном использовании энергоносителей и сырья. Поэтому везде процветает ненаказуемое расточительство.

На Западе талантливые инженеры и конструкторы становятся богачами, в СССР - страдальцами, которые годами обивают пороги разных инстанций, дабы получить «добро» на материализацию плодов своего творчества. А безуспешно обивают они пороги потому, что у руководителей ведомств и заводов-фабрик опять-таки нет личного интереса в изобретениях. От их применения заправилы предприятий и отраслей ничего не выигрывают ни в зарплатах, ни в премиях, и изобретатели им - только лишняя обуза.

На Западе разные производители ширпотреба сражаются между собой - кто лучше угодит потребителю по ассортименту, стоимости и качеству продукции. В СССР предприятия строго по плану выпускают массового спроса товары, которые утверждены в Госкомитете стандартов, в Госкомитете цен, в Министерстве торговли и которые давно не устраивают покупателей. Но исключительно от выполнения планов по выпуску установленной сверху продукции зависит благосостояние директоров предприятий. Их кошельки от появления в магазинах товарных новинок потяжелеть не могут. Пробивать же разрешение на производство этих новинок в разных инстанциях - жуткая головная боль. А кому ею желанно себя пытать?

Раздел записки Щадова о внутренней политике венчало резюме: пороки в советской экономике - не устранить без реформы управления ею. Тотальная регламентация производителей товаров и услуг оправдана была только при Сталине. Но он сам начал от неё отказываться. Хрущёв же растоптал ростки предпринимательства и вверг страну в чреду экономически нецелесообразных строек. Нынешние руководители СССР - пленники хрущёвской стратегии. Стратегии на всеобщее подчинение неэффективным директивам из Центра. Стратегии на бесконечное расширение, а не модернизацию производства.

Заканчивалась записка Щадова конструктивно - предложением о реформе экономики. О реформе, которая бы сделала рубль двигателем прогресса.

Если трудовой коллектив того или иного предприятия будет знать - сократи он издержки производства на миллион рублей и этот миллион пойдёт на премии коллективу - проблема экономии ресурсов исчезнет.

Если директора машиностроительного завода освободить от рабства министерства и позволить ему самому распоряжаться фондом зарплаты, то из установленных штатным расписанием 30 инженеров отдела главного технолога он оставит 15, вдвое больше им станет платить, и они с удвоенной энергией точно обеспечат должную технологическую

дисциплину.

Если учредить при правительстве СССР независимый Совет экспертов из лучших учёных и хозяйственников, если предоставить Совету право приговаривать к выплате годовых жалований внёсшим вклад во внедрение новой техники, то руководители предприятий и сотрудники министерств сами начнут обивать пороги изобретателей.

Если производителям ширпотреба устанавливать не директивные, а рекомендательные планы, если разрешить им в угоду потребителям выпускать не утверждённую во властных инстанциях продукцию и продавать её по вольным ценам, а крупную прибыль в случае удачи класть в карман трудовых коллективов, то не будет наша молодёжь охотиться за вожделенными импортными одёжками-обувками, косметикой и всеми прочими предметами обихода.

Если колхозам-совхозам, как крестьянским хозяйствам при НЭПе в двадцатые годы, позволить большую часть продуктов сбывать самостоятельно по свободным ценам и наваривать хорошие деньги, то страна очень скоро позабудет о позорных для неё очередях за едой.

Если продмаги-универмаги, столовые и кафе-рестораны, парикмахерские, ателье и мастерские сдать в аренду работникам, если они не фиксированные оклады, как сейчас, будут получать, а процент с выручки, нынешнее хамство в советской сфере торговли и услуг испарится - там любой человек с рублём станет желанным гостем. В последней фразе записки Шадов заявлял:

- Я, советник Верховного Совета, могу подготовить обоснованный расчётами проект реформы - что, где и как надо изменить для вытравления абсурда в советской экономике.

Суслов прочёл записку в присутствии Шадова и своё отношение к ней высказал её автору сразу же:

- Написанное вами я принимаю к сведению. Но у вас - слишком горячая голова. Ваша оценка советской внешней политики - сиюминутно пылка. Да, мы много тратим на дружеские нам режимы на разных континентах и компартии Запада. Является ли это безосновательным грабежом нашего народа? Где в Азии, Африке и Латинской Америке нет влияния СССР, там распространяется американо-натовский неоколониализм. А советскому народу материально крайне не выгодно превращение третьего мира в колонию США и НАТО. Наши расходы на компартии Запада - расходы на ослабление изнутри противостоящих нам стран, и они на пользу советскому народу.

Мы успешно утверждаем свои интересы на планете. Недавно нам удалось одержать победу над США в Юго-Восточной Азии. Исключительно благодаря нашему оружию, нашим военным специалистам и нашим ресурсам вьетнамцы заставили Америку в 1973-м вывести свои войска из Индокитая, а две недели назад, в конце апреля 1975-го, пал проамериканский режим в Южном Вьетнаме. Весь Вьетнам теперь

просоветский. Конечно, в войну Северного Вьетнама и южновьетнамских партизан с США мы вложили колоссальные средства, но со временем все наши затраты окупятся.

Суслов убрал текст записки Щадова в ящик стола:

- Теперь - к вашим суждениям о внутренней политике СССР. Не всё благополучно в советской экономике. Её надо реформировать. Причём реформировать по предложенной вами схеме. Но ваша схема ведёт к краху укоренённой в обществе уравниловки. А это - рискованный шаг.

Стоит слегка нарушить спокойствие снежной горной вершины, столкнув вниз небольшой камень, и с неё обрушится стихийная, всё сметающая на своём пути лавина. Вы предлагаете рыночные по сути стимулы к труду - несовместимые с нынешними представлениями о социальной справедливости. Введение рынка чревато пробуждением стихии в стране. Стихию же в пик противоборства СССР с США и НАТО мы допустить не можем.

Но Запад, как уверяют аналитики ЦК, в недалёком будущем потрясёт кризис перепроизводства. Ведущие страны капитала погрязнут в разрешении своих внутренних раздирающих их проблем, а мы спокойно приступим к обновлению нашей экономической системы. К замене в ней некоторых административных рычагов управления рыночными. Поэтому, если вы представите ваш проект реформ, я его с интересом изучу

Менее чем через пару лет, зимой 1977-го, Щадов передал Суслову объёмную рукопись со своим вариантом комплексных перемен во всех отраслях народного хозяйства. Передал не с лёгким сердцем, ибо ему уже было известно: в высшем руководстве страны возобладало мнение - узаконить фактическое господство партии. Вписать в новую Конституцию СССР статью о руководящей и направляющей роли КПСС. Перспективы рыночных нововведений при консервации вредоносной для экономики двойной партийно-советской модели управления казались Щадову призрачными. Но он всё-таки ещё надеялся, что его востребуют для реформ. Надеялся год, второй, третий...

Накал противоборства двух великих держав на мировой арене не спадал. После победоносного завершения схватки с Америкой во Вьетнаме СССР схлестнулся с США в Анголе, потом - в Никарагуа и затем - в Афганистане. Ни в одной из драчек великий и могучий Советский Союз не проигрывал. Но при том изо всех сил напрягал свою затратную экономику - без всяких попыток её реформировать.

Призрак предсказанного Суслову кризиса перепроизводства бродил по Западу. Но только бродил, а не лихорадил его. Сам же Суслов дряхлел, и когда в январе 1982-го он умер, Щадов заключил в дружеском кругу:

- Всё - стране капут. Сын крестьян-староверов Суслов, который в детстве так зачитывался книжками, что терял стадо коз на саратовской Долгой горе, был самым умным и самым честным на верхушке власти. Он не решился на реформы, ибо вся эта верхушка пронизана предателями.

Они, сохраняя омерзительные порядки, тем самым подрывают СССР изнутри как главного экономического конкурента Запада.

Пятая колонна Запада абсурдом во внешней и внутренней политике вызовет возмущение народа. Сокрушит нынешний строй и навяжет нам капитализм африканского пошиба - для выкачки сырья по дешёвке. Поэтому нормальным русским людям следует готовиться к явлению строя-уродца и, чтоб не оказаться без порток, уже теперь начинать делать большие деньги.

Глава 9. Обратно в политику - с чёрного хода

- Весной 1982-го,- далее повёл речь Евгений Петрович,- Щадов меняет кабинет в Верховном Совете на кабинет - в мозговом центре Советской империи. Первые лица в ЦК партии и Совете министров лишь заказывали музыку в экономике. А писали её в сумрачном замке Госплана - там, где теперь находится Государственная дума. Там же утверждённые высшими инстанциями ноты и корректировали.

Должность в Госплане Щадов занял скромную. Но не место его красило, а знакомства с чинами советско-партийной элиты.

Тогда всем предприятиям позволялось приобретать ровно столько сырья и материалов, сколько им устанавливалось в планах по фондам. Фонды можно было, так сказать, в рабочем порядке и урезать, и увеличить. Так вот, Щадов завёл шуры-муры с рядом хозяйственников, которые хотели и умели рисковать. Им он обеспечивал умножение плановых фондов, а они излишки металлов, стройматериалов, леса, угля, тканей, продуктов спускали за наличные деньги.

Скажем, машзаводу на ремонт цеховых крыш выделялись сверх плана фонды на лишние десятки тонн кровельного железа, а уходило оно к дачникам - за неучтённый нал. Например, швейной фабрике добавляли фонды тканей на детское бельё, а из этих тканей в подпольных мастерских шили модные мужские футболки и с липовыми накладными на них продавали с автолавок за реальные рубли.

Подобные афёры в стране всеобщего дефицита и стабильных заработков граждан удачно проворачивались и с прочими материалами и сырьём.

На первых порах Щадов лично пробивал в ЦК и Совмине все санкции на корректировку фондов в пользу своих дружков-хозяйственников. Потом к сановным знакомым он обращался лишь в случае очень масштабных правок планов. Рядовые корректировки стали согласовывать сами ведущие спецы Госплана - за взятки от доверенных лиц Щадова.

Со временем под началом Щадова возникла целостная структура нелегальных служб. Люди Диспетчера принимали заказы на дополнительные фонды и проводили их выделение в Госплане. Люди Сыскаря отслеживали реализацию «левой» товарной продукции. Люди

Казначея взимали процент прибыли от теневого сбыта товарных фондов и часть денег откладывали в сейфы общей кассы, часть - пускали в теневой же оборот. Тем хозяйственникам, которые задерживали выплату процента или взятого у Казначея кредита, приходилось иметь дело с людьми вора в законе Мобуты.

Все службы Щадова действовали абсолютно автономно. Ни одна из них не знала о существовании другой. Каждая служба выходила только на Щадова, только ему подчинялась и только от него получала гонорары. Уточняю последнее: гонорары службам выдавал на своей даче однокурсник Щадова по МГУ, отставной полковник-контрразведчик, Герой Советского Союза Андрей Андреевич.

По сути, пребывая на службе в Госплане, в пяти минутах ходьбы от здания КГБ, Щадов сотворил разветвлённую, жёстко управляемую и отменно законспирированную, говоря по-нынешнему, ОПГ - организованную преступную группировку. Она в нарушение советских законов успешно богатела и богатела - составляли капитал в рублях, в драгоценностях, в долларах.

С запуском перестройки Горбачёва ОПГ Щадова обрела второе дыхание. Общий капитал и капитал отдельных её субъектов она вложила в разрешённый частный бизнес. Вложила с умом и здорово озолотилась.

Когда Горбачёва выдворили из Кремля и СССР рухнул, то у Щадова почти не осталось связей в круто переменившейся в России высшей власти. Продвинуть же своих русских бизнесменов в услужение к новым правителям ему не удалось - окружение Ельцина слишком тесно было переплетено с капиталистами-евреями. А поскольку только доступ к телам первых чинов давал сверхбогатство, то ни одного олигарха щадовская группировка не родила. Но в ходе приватизации она все те куски общенародной собственности, которые можно было урвать,- урвала. И куски ей достались немалые.

Ныне бывшая ОПГ Щадова - это торговые сети в разных городах, это точки сервиса и питания, это предприятия переработки сельхозпродукции и комплексы откорма скота и птиц, это холдинги с банками, заводами-фабриками в разных отраслях индустрии и с домами отдыха и санаториями.

Все юридические лица щадовской группировки самостоятельны в деятельности. Но каждое из них для защиты от конкурентов, от неправедных нападок властей и стихийной уголовщины пользуется услугами осведомителей, юристов и бандитов двух авторитетных в России криминальных группировок.

Деньги за услуги воровских команд состоявшиеся под опекой Щадова фирмы и холдинги перечисляют на банковские счета, которые подотчётны исключительно основателю группировки. Только Щадов распоряжается общей кассой им взращённых капиталистов, только он через подставные фигуры платит ворам в законе, и, соответственно, они только его слово

считают последним.

Оставив за собой расчёты с нелегальными силовыми структурами, Щадов, таким образом, сохранил своё влияние во всех экономических структурах, к созданию которых он был причастен. Руководители этих структур его звонок воспринимают примерно так же, как в советское время директора предприятий воспринимали звонок первого секретаря обкома. Но Щадову, в отличие от глав обкомов, не перед кем отвечать за благополучие фирм и холдингов и ему нет нужды влезать в их проблемы. Его интересует лишь: отчисляют ли они установленные суммы в общую кассу И потому у Щадова очень много свободного от денежных дел времени.

Евгений Петрович снова встал из-за стола, опять прошёлся вперёд-назад по кабинету ресторана, остановившись, положил руки на спинку своего стула:

- Всё, дорогие друзья, моё долгое повествование о жизненном пути нашего героя завершено. Приступаю, наконец, к постановке боевой задачи.

Поправив очки, Евгений Петрович взглянул на Серёгу:

- Сергей Григорьевич, ваш товарищ ведь готов нам помочь?

Даже не поворачиваясь ко мне, Серёга кулаком своей правой руки хлестнул по ладони левой:

- Замётано. Мы - вместе.

- В таком случае, Николай Михайлович,- перевёл взгляд на меня Евгений Петрович,- мы просим вас познакомиться с Тихоном Лукичом Щадовым.

Он не занимает нас по линии экономики. Его люди кое-где сталкиваются с нашими, но мы с ними разбираемся. Интересен нам Тихон Лукич по линии политики.

Господин-товарищ Щадов, которому под сто лет, полон сил. Его голова - как могучий компьютер, за которым он часами сидит и днями, и ночами. Положение дел в стране Тихон Лукич знает не только через Интернет и прессу. Он любит ездить по тем городам и весям, где работают патронируемые им фирмы, и любит общаться и с капиталистами, и с пролетариями.

Щадов не только досконально знает жизнь граждан, но и умеет влиять на них. По нашему мнению, он на сей день - ярчайший политолог страны. Почему мы так считаем?

Бывших своих теневиков-хозяйственников и нынешних богачей-бизнесменов Тихон Лукич недавно выдвинул во власть: одного - в губернаторы, второго - в депутаты Государственной думы. Щадов сам руководил их предвыборными кампаниями, сам готовил им агитационные материалы - и выиграл как губернаторские, так и думские выборы. Мы

изучили лозунги и листовки, газетные публикации и выступления по ТВ-радио щадовских кандидатов и пришли к выводу: агитационная продукция Тихона Лукича - это блеск, это - то, что избиратель проглатывает с удовольствием.

Сейчас господин-товарищ Щадов, уловив новые веяния в Кремле - попытки ревизии царившей последние 15 лет либерально-демократической идеологии, приступил к поиску контактов с влиятельными чиновниками.

Президент Путин и все рядом с ним - узколобы. Они понимают: кто владеет умами и душами, тот владеет всем. Им ясно: спрос на идеалы западной демократии катастрофически падает. Но чем их заменить? Никому из обитателей Кремля до этого не додуматься.

Вы, Николай Михайлович, надеюсь, согласитесь со мной, что власть идеологическая - главная в стране. Каковы в ней идеи господствуют, таковы и остальные три власти - исполнительная, законодательная, судебная.

Новую популярную идеологию, по нашему разумению, способен предъявить стоящей ныне на распутье власти лишь особист Сталина и сподручный Берии, бескорыстный монах и крёстный отец теневых капиталов - Тихон Лукич Щадов.

У него - не только ума палата, но и огромная сила внушения. Он умеет обаять и морально подчинять себе собеседников. Выйдет он на серьёзных людей во власти - склонит их к своему варианту идеологии.

Нашей корпорации очень не безразличны игры Щадова с окружением президента. Эти игры реально могут привести к смене вех в идеологии и повлечь серьёзные изменения в политике. А их нам необходимо предвидеть. Поэтому мы хотели бы, Николай Михайлович, чтобы вы завели дружбу с Тихоном Лукичом - тесную дружбу. Ваши сведения о его переговорах с персонами из высшей власти будут достойно оплачены.

- Но помилуйте,- я взмолился.- Дружба требует взаимности...

- Правильно,- покачнул стул Евгений Петрович.- А вы, уверен, можете рассчитывать на расположение к вам Тихона Лукича. Я прочитал две последние ваши книги - два сборника ваших статей. И пришёл к выводу: ваше видение новейшей истории и современности наверняка симпатично Щадову. А ему необходимы единомышленники-журналисты, ибо замышляемый им переворот в общественном мнении - это многоходовая комбинация, которая требует кадров, владеющих словом. С Тихоном Лукичом вас, Николай Михайлович, познакомит давно известная вам Вера - внучка члена Политбюро ЦК КПСС. Она сама даст о себе знать.

Глава 10. Поклонница ГКЧП

Я познакомился с ней летом года 1990-го. На Черноморском побережье Кавказа - в Пицунде. Туда меня, самого молодого спецкора

самой главной газеты страны - «Правды», завела в очередной раз путёвка в правдинский же Дом отдыха.

Первые три дня на курорте я только восстанавливал силы.

Утром бегал по кромке моря вдоль реликтовой рощи, потом упражнялся на турнике и шведской стенке.

Днём плавал, плавал, плавал и предавался солнцу.

Вечером играл в теннис с теми, у кого не оказывалось партнёров на одном из кортов.

Ночью принимал в баре Дома отдыха самую малость коньяка со знакомыми журналистами и ввиду отсутствия привлекательной женской публики в 23 часа шёл спать.

Еды, одинаковой для всех курортников в Доме отдыха, мне не хватало. За пару часов до обеда меня одолевал голод и я перебирался на соседний с правдинским пляж Дома творчества Союза писателей СССР, где дымилась кооперативная харчевня.

И вот на четвёртый день отпуска сижу я в полдень за столиком, уплетаю хачапури и вижу: у лежака под навесом симпатичная барышня наступает босой ногой на гвоздь в деревянном брусе, отвалившемся от того же лежака. Лицо барышни исказила боль, она пронзительно заверещала, все рядом с ней оцепенели, и меня сорвало со стульчика в харчевне.

Я приказал барышне молчать. Тихонько изъял из её стопы пронзивший мякоть гвоздь. Потом голенькую, в купальнике, всю дрожащую страдалицу взял на руки и понёс в медпункт Дома творчества.

Там барышне промыли-промазали, перебинтовали рану, и оказалось, что она без муки ходить может вполне. Но поскольку её шлёпанцы вместе с одеждой остались на пляже, то, дабы не пачкать бинты на стопе, ей снова пришлось воспользоваться моими транспортными услугами.

Когда я принёс барышню обратно под пляжный навес, она спросила, как меня величать, и, услыхав моё имя-отчество, вымолвила:

- Вернусь в Москву, буду всем рассказывать: я в отпуске ездила на Николае Михайловиче.

Именовали барышню Дашей. Она была дочерью успешного писателя и занималась переводами с английского. Мы поболтали до обеда и договорились после ужина встретиться.

Завязался заурядный курортный роман. Скуки Даша не навевала. Но когда срок её путёвки истёк, я у такси помахал ей рукой без сожаления.

Искать иную прелестницу для любовных приключений - в мои планы не входило. Надо, я решил, в оставшуюся неделю не куролесить до рассвета, а вовремя ложиться в постель, вовремя вставать. Так бы и было. Если бы в правдинский Дом отдыха не въехал мой однокурсник по

журфаку МГУ Юра - неуёмной энергии парень.

Гладко побрившись после завтрака, Юра выходил на пляж. Брал на пирсе надувной матрас. Доставал из сумочки бутылочку сухого вина. Откупоривал её. Широко расставлял ноги и, глядя на солнце над морем, медленно из горла бутылочку опустошал.

Свершив сей ритуал, Юра трогался в путь по правдинскому пляжу, волоча за собой матрас. Увидав одиноко загоравшую барышню, он клал с ней рядом матрас и приземлялся сам. Если барышня не желала его общества, Юра немедля утешался и тащил матрас дальше. До ближайшей одинокой загоральщицы. Если та не производила на него впечатления, он деликатно удалялся.

За два дня своё с матрасом почтение Юра засвидетельствовал всем девицам без кавалеров - и на правдинском, и на писательском пляжах. И нигде якорь не бросил.

Я приезду Юры обрадовался. У него был выше, чем у меня, класс в теннисе, и мне сражаться с ним на кортах было интересно. На третий по приезду вечер Юра предстал передо мной в баре, где я пил кофе, с двумя ракетками в сумке и возвестил:

- В ружьё, брат. Пора в бой.

- Но,- постучал я по часам,- мы договаривались играть, как и вчера, в 18.30, а сейчас лишь 17.00.

- Ты русский язык не понимаешь? - вылупил глаза Юра.- Я же сказал: в ружьё. Десять минут назад из бильярдной нашего Дома отдыха вышли с ракетками две классные тёлки. Они загорелые, но на пляже я их не видел. Тёлки явно залётные, пришлые, здесь никем не ангажированные. В сей исторический момент они гоняют мячики на писательском корте, и нам надо рвануть к ним и скадрить. Иди, переодевайся-переобувайся.

Близь кортов Дома творчества я тормознул Юру за локоть:

- Ты ошибся. Тёлки эти из писательского Дома, а не залётные. Не засёк же ты их потому, что они - нудистки - загорают на диком пляже. Каждое утро туда топают. В наш бар они не заглядывают. Уезжают к ночи в посёлок - в заведения курорта «Пицунда». Не раз наблюдал, как им такси подавали. Поэтому с ангажементом, я думаю, у них проблем нет.

- Ну и что это меняет? - Юра поправил сумку с ракетками.- Даже если они ангажированы, мы всё равно должны их кадрить: «Душа у женщины сложна и склонна к укоризне - то нету в жизни мужика, то есть мужик, но нету жизни». Новизна - царица наших дней. Мы для тёлок - новые. И...

- Погоди,- прервал я Юру,- вспомни басню дедушки Крылова про недоступный виноград: «На вид-то он хорош, да больно зелен». Мы сейчас подойдём к ним, и ты увидишь: их ракетки, их кроссовки, их юбочки-маечки, их повязки на лбах и руках стоят столько, сколько весь наш с тобой летний гардероб. Они в дорогих своих импортных шмотках могут

смотреть на нас в советском ширпотребе только с презрением. Поэтому нам нет резона к ним приставать и давай не будем конфузиться.

- Чушь ты молотишь,- ткнул меня пальцем в грудь Юра.- Ерунда - какая на нас одёжка. Мы - сильные и умные мужики. Мы - журналисты высокого уровня. А они кто? Небось, толкушки из НИИ, разодетые своими тупыми папашами-ворами из кооперативов, которые наплодили Горбачёв с Рыжковым. Знакомство с нами - честь для этих девиц. Идём.

Я поплёлся за Юрой. Оба писательских корта были заняты. Один - девицами - блондинкой и брюнеткой, второй - мужиком с сыном-подростком. Юра подошёл к сетке корта с девицами и проглаголил:

- Салют вам, раскрасавицы. Разрешите поклонникам ваших талантов вас приветствовать.

- Разрешаем,- отбивая мяч и не глядя на Юру, отозвалась блондинка.

- А скажите, милые,- вы всегда от друзей получаете поздравления с Днём Парижской Коммуны?

Блондинка пущенный к ней мяч остановила и повернулась к Юре:

- Странный вопрос.

- Вовсе не странный,- хмыкнул Юра,- на вас спортивная форма - прямо из Парижа. И вы, наверное, потомки славных парижских коммунаров.

- Нет,- утёрла пот со лба блондинка,- такие предки нам не достались. Но сами мы из Парижа - из деревни Париж Челябинской области.

- Ну,- хлопнул ладонями Юра,- да вы ж родные наши люди. Я и Николай - тоже деревенские. Так не уступите ли вы братьям-селянам половину корта, чтоб и мы поразмялись?

Просьбу удовлетворили. Я встал на сторону блондинки, Юра - на сторону брюнетки. Они метали ракетками свои мячи, мы - свои. Но так недолго продолжалось. Юра, выбрав момент, представил себя и меня, испросил имена барышень и под одобрительные их взоры предложил сыграть парами на счёт.

Моей партнёршей стала блондинка Вера, Юриной - брюнетка Надя. Их техника игры мало чем отличалась. Биться на корте вместе с синеглазой, великолепно стройной Верой мне было настолько отрадно, что я свершил чудеса в обороне и атаке и мы выиграли первый сет. Но потом мастерство взяло верх. И Юра, обеспечивший победу себе и Наде в двух остальных сетах, провозгласил:

- Николай должен смыть горечь поражения. Как честный человек, он сегодня вечером обязан всех нас пригласить в бар и всем налить коньяку.

Я поднял руки вверх:

- Сдаюсь. Согласен.

- Но,- подала голос Надя,- мы девушки малопьющие. Мы пьём, и нам

всё мало, мало и мало...

- Ничего,- Юра обнял Надю за талию,- мой друг Николай не так давно получил самую престижную в советском газетном мире премию - премию Союза журналистов СССР. И не всю её прогусарил. Он нальёт нам сполна...

Мы условились встретиться сразу после ужина - в 21.00. В сей час мы с Юрой заняли столик в баре нашего Дома отдыха. Я не был уверен, что красны девицы к нам придут. Они пришли - в роскошных юбках-блузках и с запахом прельстительных духов.

Я носил от стойки бара коньяк и кофе, Юра обрушивал на Веру и Надю остроты-анекдоты. Барышням было забавно. Но через час Юра выдохся с его юмором, и пришлось заговорить мне. О том, как с 22 лет я, самый молодой в СССР директор средней школы, остроумно ею руководил и как авантюрно тогда проводил отпуска в горах Памира, Тянь-Шаня, Алтая, Кавказа. Моим словесам обе барышни так же охотно внимали. Особенно синеглазая Вера. И тут объявили: 23.00 - бар закрывается.

- Предлагаю,- опять взялся верховодить крепко охмелевший Юра,- пойти к камышам на море. Там в это время несознательная молодая компания поёт под гитару романсы: «Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить, мне некого больше любить...»

- Романсы на море,- пролопотала Надя,- это великолепно.

- А я,- отозвалась Вера,- хочу послушать истории от Николая.

Она наклонилась ко мне и прошептала:

- А у тебя есть коньяк в номере? Я положил ей руку на плечо:

- Как ему там не быть?

Юра и Надя двинулись к камышам, я и Вера поднялись на лифте в мой номер на седьмом этаже. Раздевались мы суматошно: всю-всю одежду сбросили на пол у кровати. И проснулись на следующий день лишь к полудню. Одновременно. Вера поправила свои густые соломенные волосы и резанула меня синим взглядом:

- А ты - кто?

- Я, Николай Михайлович, по главному статусу - директор школы.

- А почему я с тобой в постели?

- И куда только человеков не заносит нелёгкая... Вера села у стенки на кровати, прикрыв правой ладонью левую грудь:

- Угадываю твои пакостные мысли. Соблазнил скромную девушку и думаешь: «Какой я орёл!»

Вера состроила мне кукиш:

- Вот тебе вот, чтоб я была жалкой пред тобой.

Она перевалилась через меня, покопалась в ворохе нашей одежды на полу, отыскала свою юбку, изъяла из её кармана кошелёк, набитый купюрами в пятьдесят рублей, и одной банкнотой помахала перед моим носом:

- Возьми полтинник, съезди на рынок и привези мне килограмм голубого инжира. Сдачи не надо.

Я прислонил благодетельницу к стене, подобрал с пола брюки с моим кошельком, взял из него десятирублёвую бумажку и протянул ей:

- Такси до рынка и обратно - два рубля. Килограмм голубого инжира - полтора. Бери десятку и привези себе благородный фрукт сама. Сдачи не надо.

- Ага, товарищ директор школы,- в голосе Веры звякнул металл,- ты на грубость нарываешься, и тебе воздастся. Но сейчас я хочу под душ.

Минут через пять завёрнутую в полотенце Веру я усадил в кресло и деревянным гребнем расчесал её мокрые волосы. Она не замурлыкала от удовольствия, но, надевая часы, заговорила уже миролюбиво:

- Коварный товарищ директор школы, завтрак я по твоей вине успешно проспала. До обеда в столовой Дома писателей - далеко. А мне невмоготу хочется есть...

- На отвергнутые десять рублей,- я заметил,- ты можешь налопаться в двух шагах отсюда - в ресторане «Инкит».

- Нет,- Вера хлопнула ладонью по журнальному столику,- «Инкит» - это банально. На шоссе меж Пицундой и Гаграми - кафе. А при нём пруд. В нём разводят форелей, и меня к ним мой аппетит зовёт. Вместе с тобой.

Доводов против я не нашёл. За проходной правдинского Дома отдыха мы поймали машину и прикатили к кафе у воды. Усатый джигит там преподнёс нам барахтающихся в сетке живых форелей:

- Каких экземпляров будем зажаривать?

Пока рыба готовилась, мы умяли овощные салаты, запивая их сухим красным вином. Под форель пришлось заказать ещё бутылочку. И когда я эвакуировал Веру из кафе, её покачивало.

Шоссе было пусто. Мы не остановились в ожидании попутной машины, а, обнявшись, медленно поплелись в сторону Пицунды. И Вера вдруг слегка впилась ногтями мне в бок:

- Благородный кормилец, вон там видишь - мандариновая роща. Если ты меня туда донесёшь, то я сделаюсь нежной-нежной и тебе это надолго запомнится.

Я подхватил Веру на руки. Пересёк с ней шоссе и внёс в сень рощи. Далее - ласки. Голыми нас разбудили - шум воды и прохлада спадавших на наши телеса брызг - в мандариновой роще включили орошение.

Вера сразу очухалась, вскочила и пустилась в пляс под сверкающими

на солнце струями у деревьев. Когда я на первой попавшейся машине доставил её с довольством на лице к Дому писателей, она пригласила меня в свой номер. В нём я чуть опешил: ну-ну, вот у Веры просторная гостиная со всей мыслимой мебелью и посудой, вот - с огромной кроватью спальня, превышающая по площади весь мой номер в правдинском Доме отдыха.

Вера переоделась. Сменила блузку на майку, длинную юбку - на короткую и проговорила:

- Всё, идём загорать на нудистский пляж. Я, как недавно она мне, показал ей кукиш:

- Ищи другого спутника.

- Вы, товарищ лауреат-журналист,- Вера взлохматила мне волосы,- находитесь в плену устаревших представлений о благопристойности. Три года назад наряд милиции Пицунды, радея о нравственности, нагрянул на наш дикий пляж и велел всем нудистам погрузиться в автофургон. Среди них был и Юлиан Семёнов - автор любимых народом киносценариев про «Семнадцать мгновений весны», про майора Вихря и полковников с генералами из главных милицейских контор и КГБ. Знаменитый писатель возмутился насилию:

- Как вы смеете?! Я - Юлиан Семёнов.

- Иды, иды, Семён голозадый,- подтолкнул милиционер-абхаз Юлиана Семёновича в автофургон.

В отделении милиции при составлении протокола об административном задержании Семёнов назвал фамилии министров МВД Абхазии и Грузии и потребовал связаться с ними. Громыхнул гром. Юлиана Семёнова с почтительными извинениями на авто с мигалкой и сиреной возвратили в Дом писателей. И с тех пор пицундская милиция - на нудистский пляж ни ногой. Поэтому туда, мой зайчик, ты спокойно можешь меня сопроводить. Никто тебя за это на партийном собрании в твоей «Правде» не взгреет.

- Вера,- злость меня вдруг разобрала,- по корням я крестьянин из лесов Брянщины и никакой не зайчик. Мой товарищ - серый брянский волк. И в наших лесах не принято прилюдно показывать свои писки и глазеть на чужие.

- Ладно,- снова звякнула металлом в голосе Вера,- вольному воля, спасённому рай. Ты свободен. Можешь уматываться. А я жажду солнца. Много солнца, и меня, наверное, Надя на нашем пляже заждалась.

Сыграть вечером с Юрой в теннис мне не пришлось. Он, как узнал я от него вечером в столовой, сутки почти провёл с Надей. Сначала под луной на море, потом в её номере и затем на нудистском пляже, где к ним присоединилась покинувшая меня Вера. Втроём они там за вином из бездонной Юриной сумки зависли до ужина.

Уминая с аппетитом котлету, Юра меня уведомил:

- Да, я с девчонками - и с Надей, и с Верой - договорился: они после 21.00 придут к нам в наш бар. Угощенье сегодня - за мной.

Согласие Веры на новую встречу я воспринял как её извинение за отвешенную ею мне грубоватую фразу: можешь уматываться. Но не тут-то было.

Они ступили в бар: Надя - весёлая, Вера - надутая. Надя, поцеловав меня в щёку, опустилась напротив, Вера с жёстким блеском в глазах села рядом, не поворотив головы в мою сторону. Я, оказывается, был чём-то перед ней виноват.

Юра мигом доставил за наш столик стопки с коньяком, чашки с кофе и тостом разразился:

- Всего у нас у всех вдосталь, и надо лишь, чтоб иногда нам удача спадала с небес. Ура, вздрогнем!

Вера не выпила весь налитый коньяк, как сделали мы трое, а лишь чуть отпила из стопки:

- Я не буду здесь наклюкиваться. Меня тянет в бар курорта «Пицунда» - там музыка отличная. Поехали туда.

- Мысль правильная,- подала голос Надя.

- Я - за,- поднял руку Юра.

- А я - против,- вырвалось у меня.

Вера наконец-то почтила презренную мою личность своим взглядом:

- Ты недоволен нашей компанией? Я задал ей встречный вопрос:

- Ты кто по профессии?

- Я - преподаватель Московской государственной консерватории.

- А вечная твоя профессия от рождения - руководитель. Я же по природе не пригоден исполнять взбалмошные начальственные установки. И вообще, мне сегодня после бара по душе - плавать в ночном море.

- Ну и плавай на здоровье.

Вера встала из-за стола и обратилась к Юре и Наде:

- Если вы - не со мной, я еду одна. Они втроём уехали.

Утром я не обнаружил Юру с матрасом ни на правдинском, ни на писательском пляжах. Дрыхнул ли он после бурной ночи или уже жарился с Надей и Верой на пляже нудистском - оставалось гадать.

Отобедав, я вышел из столовой в холл и с удивлением углядел сидящую в одном из кресел Веру. Она поднялась и шагнула мне навстречу:

- Юра сказал, что у тебя сегодня последний день на курорте. Так?

- Да.

- А у нас с Надей ещё понедельник, вторник, среда... Вера взяла меня под руку и прильнула губами к моему уху:

- Есть идея. Поедем сейчас вместе на рынок в Пицунду и купим вкусной еды, хорошего вина и чачи. А вечером накроем стол в гостиной моего номера, позовём Надю с Юрой и отметим твой отъезд. Ты своим не в меру упрямством меня огорчал, но и было мне с тобой приятно. Поэтому нам надо расстаться по-доброму. Ну, согласись...

Я обнял Веру и тихонько похлопал её пониже спины:

- Сударыня-руководитель, эта твоя директива не вызывает никаких возражений.

Мои проводы прошли весело.

Сразу по возвращению в Москву меня командировали в Элисту - на празднование 550-летия главной калмыцкой книги - «Джангара». Юбилей народного эпоса собрал калмыков со всего света. Всё на юбилее было любопытно, и события-разговоры пролетевшего отпуска мне вспоминались очень редко.

Празднование в честь «Джангара» закончилось, а срок моей командировки не истёк. Этому очень обрадовался мой былой яростный соперник в шахматах Араша Годжуров. Некогда мы обитали с ним на одном этаже в общежитии МГУ, а теперь он жил в пригороде Элисты.

Доставив меня из гостиницы в свою усадьбу, Араша постановил:

- Ты, Николай, не имеешь права не погостить у друга. Выделяю тебе - отдельный домик. Днями, пока я сделки кручу на бирже, сиди в одиночестве и пиши. Вечерами мы, как в доброе старое время, сойдёмся на поле брани - за доской шахматной. Угощать тебя моя жена будет простой калмыцкой едой - чёрной икрой от контрабандистов с Волги, легальной свежей дичью и парной бараниной из наших степей.

О житье у Араши мне жалеть не пришлось.

Из Элисты в воскресенье я прилетел с готовой статьёй. В понедельник пришёл в редакцию «Правды» и перво-наперво занёс мой рукописный текст в бюро машинисток. Потом поднялся в свой кабинет и принялся разбирать почту

Спустя часик затрещал телефон. В трубке - молодой женский голос Незнакомый вроде бы голос:

- Мне бы Николая Михайловича!

- Он вам уже внимает.

- Привет товарищу серого брянского волка. Привет морально устойчивому крестьянину. Привет от бесстыжей московской мещанки-нудистки.

Вера уведомила, что ей в последние дни в Пицунде было скучновато без моих россказней. И заявила в духе истинно природной руководительницы:

- В память о мандариновой роще ты должен пригласить меня сегодня в своё логово.

Родился пароль - «мандариновая роща». Вера снова назвала его мне по телефону через неделю. И снова - через неделю.

В очередной понедельник пароль меня на рабочем телефоне не застиг. Но спустя три дня, когда я дописывал новую статью на своей кухне, Вера объявилась в моей домашней телефонной трубке:

- Николай Михайлович, помнишь песню - «Миленький ты мой, возьми меня с собой...»

- Помню.

- А я эту песню сейчас кощунственно исковеркаю - «Миленький ты мой, приди ко мне домой...» Мы с Надей, прогуливаясь по Тверскому бульвару, попали без зонтов под дождь. Пока добежали до моего подъезда - промокли насквозь. С Надей ничего не случилось, а на меня навалились - жуткие сопли и кашель. От них я уже избавилась, но на улицу выходить пока не рискую. А слабо тебе, крестьянину, утешить сейчас визитом хворую мещанку?

Широкий холл подъезда монументального дома на улице Алексея Толстого охранял вахтёр. Он был уведомлен о моём появлении и указал путь к лифтам. На седьмом этаже укутанная в бархатный халат Вера открыла дверь квартиры и за порогом чмокнула меня в губы. Я протянул ей авоську с фруктами, скинул кроссовки, влез в тапки, и она спросила:

- Где будем пить глинтвейн - здесь, в прихожей, на кухне, в гостиной?

Я оглядел блестящую паркетом прихожую - квадратную комнату с роялем, стеллажами книг и четырьмя креслами в коже вокруг расписного журнального столика. С левой стороны прихожей через открытую дверь открывался вид на два ряда высоченных стульев вдоль обеденного стола и холодильник. С правой - через такую же дверь - вид на спинку дивана, телевизор и видеомагнитофон. Сообразив, где кухня и гостиная, я прикоснулся к плечу Веры:

- Хворая мещанка, место крестьянина без недугов - в людской. Неси свой глинтвейн в прихожую.

Горячее сухое вино за столиком мы пили, сидя в креслах, из внушительных глиняных фужеров.

- Мне, чуть ещё болезной,- Вера сжала полы халата на шее,- ой, как полезно потреблять с тобой подогретые плоды виноградной лозы. Но глянь: напротив входной деревянной двери в квартиру - дверь стеклянная. За ней между ванной и туалетом - две спальные комнаты. Одна - мамина, другая - твоей слушательницы. И если ты немедленно согласишься на

экскурсию в мою спальню, то окончательно избавишь меня от хвори.

Экскурсия затянулась не на один час. И завершилась очень для меня неожиданно. Очнувшись от полудрёмы, Вера взглянула на часы и, как ужаленная, вскочила с кровати. Она накинула халат и забарабанила кулачками по животу моему:

- Вставай-вставай, скоро мама придёт.

Я оделся. Вышел в прихожую. Опустился в кресло. Взял ещё наполовину полный глиняный фужер. Но вихрем подлетела ко мне Вера:

- Всё-всё, пойдём к лифтам.

- Погоди. Дай вино допить.

- Нет-нет,- затормошила меня Вера.- Мама может появиться с минуты на минуту, а мне тебя неудобно ей показать. Увидит она одежонку твою скверную, причёску безвкусную - сильно за меня огорчится. А нервы мамы, мечтающей, что я возьму в мужья франта Лёню, надо беречь. Пойдём.

Через три дня, в понедельник, Вера снова назвала по телефону пароль - «мандариновая роща». И опять в сумерки позвонила в дверь моей квартиры. То, что ей неудобно меня маме показать, я воспринял без всякой обиды. Её честное признание - нисколько мне не было противно.

До середины осени наш пароль действовал. Раз в неделю - обыкновенно по понедельникам. Вера никогда не спрашивала: есть ли у меня ещё подружки? Я не интересовался её амуральными забавами. Наши отношения, по моему разумению, точно передавались в словах популярной тогда песни:

Вот и встретились -

Два одиночества.

Развели у дороги костёр.

А кострy разгораться не хочется.

Вот и весь разговор.

От её врождённого одиночества Вера просила встреч со мной, я от такого же своего одиночества - на них соглашался. Порознь нам было скучно, вместе - тесно.

Мне нравилось с Верой в постели. Но она приезжала ко мне почти на половину суток - и до и после любовных утех постоянно пилила меня:

- На твой чайник смотреть тошно. Купи новый.

- Не запивай водку сладким компотом - рафинированный сахар забирает кальций из костей.

- Не кури до еды. Пожалей свои сосуды.

- Вылез из тёплой ванны - душ холодный прими. Это полезно.

- Вышвырни в мусорное ведро соль - вредоносное неорганическое вещество.

- Исключи из рациона молоко - матёрым зверям и молодым мужикам оно противопоказано.

Попытки Веры руководить мной в быту чашу моего терпения не переполняли. Раздражавшие меня её директивы она компенсировала приятным мне любопытством. А именно - расспросами о деревенском моём детстве и нравах многочисленной моей крестьянской родни. Я не прочь был бы на пароль «мандариновая роща» отзываться и отзываться. Но случилось непредсказуемое.

Однажды поутру Вера за чаем между прочим как бы вопрос поставила:

- А скажи-ка, мой умненький, свою версию: почему я, начинающий преподаватель консерватории, живу с мамой - доцентом МГУ в квартире в центре Москвы не на 30, как положено по нормам двум москвичкам, а на 120 квадратных метрах?

Я почесал затылок:

- Блат у вас, наверное, в Моссовете. Вера вонзила ладонь в густые свои волосы:

- Ты не угадал. Не от московской власти мы получили квартиру, а от управления делами ЦК КПСС. Дед мой был членом Политбюро, и после развода мамы с отцом нам и выдали квартиру сверх жилищных нормативов. В разгар перестройки деда отправили на пенсию. Прежнюю роскошную дачу у него отобрали, а взамен предоставили вполне приличный с гектаром леса двухэтажный особнячок. Деду жить в нём зазорно - он засел в библиотеке своей квартиры и с двумя бывшими помощниками пишет мемуары. Но особнячок - за ним числится. И мама решила, что он не должен пустовать. Вчера она погрузила последние вещи в её авто «Вольво» и переехала на постоянное место жительства в ближайшее от Москвы дачное хозяйство. А перед отъездом она сказала: «Вера, дабы ты, оставшись одна в квартире, не водила в неё разгульные компании, способные залить наш паркет вином, зазови к себе Николая, к которому ты шастаешь».

Фразу последнюю Вера выговорила, потупив очи, а потом уставила их на меня:

- Так ты согласен перебраться под мой кров?

Устами мамы Вера фактически предложила мне вступить с ней в гражданский брак. Я притворился, что не понял её серьёзное намерение:

- Твоя мама мыслит не расчётливо. От разгульных компаний исходит угроза порчи вашего паркета вином, а от меня - пропитывание всего в квартире табачным дымом. А это - страшнее...

- Всё, закрываем тему,- холодно произнесла Вера.- Иди, закажи такси.

Я не мог принять предложение о гражданском браке. Раз в неделю выносить Верины наставления мне было по силам, каждый день - нет. Вера же не могла простить моего отказа. И пароль «мандариновая роща» скончался в ноябре 1990-го.

В том же году я расстался с «Правдой». Там у меня была должность спецкора отдела образования. В мои обязанности входило писать о жизни поколения юного, о его наставниках и их начальниках. Всё нацарапанное мной шариковой ручкой печатали, и мне грех было на что-то жаловаться. С мая я за гроши обитал на даче в Серебряном Бору, в конце лета почти бесплатно перемещался в правдинский Дом отдыха в Пицунде. В ларьках редакции продавались по твёрдым ценам харчи, шмотки и книги, которых не было в магазинах.

Сотрудникам органа ЦК КПСС - газеты «Правда» - жилось хорошо. Стране - скверно. Очереди в Москве и других городах выстраивались уже не только за продуктами, но и за стиральным порошком.

Пытка страны перестройкой Горбачёва меня лично как бы не касалась. Мне никто не предлагал высказаться в печати о текущей политике, и я сам того не желал. До одного момента.

В мае 1989-го мне пришлось застрять на крыше мира - на Памире. Накрытый облаками аэропорт Хорога - столицы Горного Бадахшана - не принимал самолёты и мы с моим таджикским другом Шарифом не могли вернуться в Душанбе. Что оставалось нам делать? Сидеть в гостинице и смотреть телетрансляции с первого Съезда народных депутатов СССР.

На экране депутат от Академии наук Андрей Сахаров завершает выступление. Шариф встаёт с кресла и аплодирует:

- Как правильно академик сказал, как важно, как нужно - конечно, законы СССР должны утверждать союзные республики.

Я бросил реплику:

- Шариф, будет у тебя, редактора отдела, право не выполнять приказы главного редактора - ты сможешь загубить газету. Право же республик на вето - это пагубная для страны смута.

Чёрные глаза Шарифа наполнились изумлением:

- Николай, ты что - понимаешь больше, чем академик Сахаров?

- Сахаров,- был мой ответ,- вообще в жизни ничего не понимает. Он жизнь видел из служебных автомобилей, возивших его из дома на работу и обратно, и из окон изолированных от мира шарашек, где ему доверяли делать оружие.

- Да,- вздохнул Шариф,- все академика уважают, а ты - нет. Это - плохо, Николай, это у тебя гордыня.

Я не стал спорить. Шариф - глубоко порядочный человек. Он не один год посылал из Душанбе горные целебные травы моей смертельно больной

сестре и продлил ей надежду вылечиться. Шариф воспитан на книгах мудрых поэтов Востока. И если он разделяет политический бред физика Сахарова, то мне, трезвомыслящему крестьянину, вспыхнуло в моей голове на крыше мира, надо влезать со своими статьями в политику.

Избавиться от проснувшихся у меня на Памире амбиций я не мог. Но не мог за последующие полтора года и употребить перья пишущих ручек против идейного помешательства в стране.

Коллектив «Правды» являлся пленником ущербной политики генсека ЦК Горбачёва. Руководители редакции видели пороки этой политики, но, следуя партийной дисциплине, закрывали на них глаза и пресекали неугодные генсеку публикации.

Перестройка Горбачёва в экономике свелась к внедрению в стране капиталистического уклада. Совершенно безобразного - новорождённые частные фирмы и банки богатели на грабеже государства и ввергали в нищету абсолютное большинство граждан. Но о явлении вопиющей несправедливости в органе ЦК Компартии - «Правде» - высказаться было нельзя.

Разрешённая Горбачёвым гласность лишила КПСС монополии на пропаганду. И это бы ничего, если б партия предложила идеи и планы, которые увлекают и вдохновляют. Была бы интересная борьба за умы. Но деятели ЦК и обкомов при всё возраставших очередях за товарами первой необходимости лишь талдычили обрыдшие всем лозунги и постулаты. И умонастроениями в обществе завладели обделённые лаской государства писатели, историки, журналисты, юристы, экономисты.

Они через освободившиеся от влияния ЦК КПСС газеты, журналы и телепередачи оплёвывали советское прошлое. Они, перемешивая правду с ложью, дискредитировали армию, милицию и КГБ. Они насаждали в обществе миф: стоит нам скопировать рынок западного образца и западные же порядки в политике - и у наших граждан будет такое же благосостояние, как в странах Запада.

Новизна, как известно, поражает больше, чем величие. Шулеры в прессе блистали новизной, и им охотно внимали.

Я читал и подконтрольные ЦК партии издания, и независимые. И ни в одном не видел близкой мне идеологии - идеологии без чужебесия, идеологии, которая адекватна традициям, реальным запросам и возможностям страны.

Найти себе применение как политическому журналисту мне было негде. Зародившиеся на Памире амбиции у меня гасли. И угасли б, наверное. Если бы на исходе 1990-го мне не попалось в море печати интервью с главным редактором только что учреждённой газеты «День» Александром Прохановым - известным прозаиком и публицистом. Само интервью впечатления на меня не произвело. Но, просматривая его, я вспомнил лет пять назад сказанное мне о Проханове писателем-фронтовиком Василием Петровичем Росляковым:

- Саша превзошёл все наши ожидания. Ничего не боится - летает по всем войнам на планете и пишет дерзко-талантливо.

Эта фраза Василия Петровича, взгляды которого на наше прошлое и настоящее вызывали у меня симпатию, заронила в моей башке мысль: а не познакомиться ли мне с бесстрашным и даровитым писателем, возглавившим новую газету?

Уже на первой встрече с Прохановым я заключил для себя - вот лидер-идеолог, с коим мне желательно стартовать со статьями про политику и политиков. Проханов же в конце той встречи положил передо мной чистый лист бумаги и ручку:

- Пишите заявление о приёме на работу в «День».

Я ручку не взял, молвив Александру Андреевичу:

- Сначала мне лучше изготовить для вас статью и посмотреть: подхожу ли я вам как журналист и подходите ли вы мне как редактор.

В 1-м номере «Дня» в январе 1991-го мою статью «Адская машина» опубликовали без всякой правки, и я оформил перевод из «Правды».

Учредителем газеты «День» был Союз писателей СССР. Он её зарегистрировал, отстегнул ей некую сумму на начальные выпуски и предоставил свободу - выжить или помереть. Связь редакции с Союзом писателей являлась чисто формальной. Но «День» сразу стал именно писательской газетой. В её штате писатели занимали ключевые должности, и в круге авторов «Дня» не журналисты с политологами, а писатели составляли большинство.

Высокий литературный уровень обеспечил прорыв новой газеты на рынок прессы. Но удержаться на нём, увеличивая из месяца в месяц тираж, она смогла не столько качеством письма, сколько содержанием статей.

Страницы «Дня» заполняли творцы слова разных национальностей - русские Кожинов и Куняев, алтаец Бедюров, башкир Мустафин, курд Раш. Но они и прочие авторы газеты ратовали за русско-имперский порядок и справедливость в стране. За альтернативу и путаной полусоциалистической перестройке Горбачёва, и либерально-капиталистическому укладу, к которому склонялся вырвавшийся из-под опеки ЦК КПСС Верховный Совет РСФСР во главе с Ельциным.

Газета «День» разительно отличалась как от проГорбачёвских, так и от проельцинских изданий. И у кого-то она вызывала пламенные симпатии, у кого-то - яростное неприятие.

Весной 1991-го в буфете Центрального дома литераторов за столик ко мне с барышней Ритой присел с бокалом вина брянский земляк - писатель Александр. Он не шибко был во хмелю и осознанно, предложив втроём выпить, с рюмочкой барышни чокнулся бокалом, а с моей - нет:

- Николай, пролистываю ваш «День» - попахивает «Фёлькише

беобахер».

- Не могу ни согласиться, ни возразить - не довелось знаменитую эту газету штудировать.

- Не прикидывайся,- шмыгнул носом Александр.- Знаешь ты, что она проповедовала. Слов нет, народу у нас сейчас хреново, как и в Германии в начале 30-х. И можно такой же возбудить массовый психоз, какой там был. Но зачем нам наступать на чужие грабли?

- Да, да, да,- вдарил я костяшками пальцев по столику,- надо не о бедах вопить, надо навевать человекам сон золотой.

- Не ёрничай,- прищурился Александр.- Не надо вашей газете страсти понапрасну нагнетать. Кто-то из древних мудрецов изрёк: не дай Бог нашим детям жить в эпоху перемен. Ну попалась нам такая эпоха - терпеть придётся. Думаешь, я в восторге от Горбачёва и Ельцина? Нет. Но они оба за установление демократии. А ваш «День», играя на временных трудностях, сеет иллюзии о всеобщем благе от железной руки. Ответь: у тебя мозгов не хватает понять, что демократия - та несовершенная форма правления, лучше которой ничего нет? Посмотри - как процветают демократические страны Европы, США и Японии.

Я не склонен был к скандальному спору и миролюбиво стукнул рюмкой с коньком по наполненному вином бокалу Александра:

- Друг мой, есть проверенная жизнью поговорка: что немцу здорово, то русскому смерть. У Российской и Советской империй - смертельная аллергия на демократию.

Царь Николай II благословил парламентские выборы на основе демократических ценностей Запада, и в Государственной Думе всех её созывов оказались ничего для Отечества не свершившие мистеры Никто - керенские, милюковы, родзянки, шингаревы. С трибуны парламента они били-били по устоям государства и сокрушили его. И сколько потом во вспыхнувшей смуте погибло человек? 10 миллионов.

Горбачёвский ЦК КПСС разрешил избирать высшие органы власти СССР и республик по западному варианту, и история повторилась. И в союзном Верховном Совете, и в таком же Совете РСФСР погоду теперь делают знаменитые ранее лишь на своих кухнях мистеры Никто. В первом - собчаки и бурбулисы с заславскими, во втором - шахраи и немцовы с юшенковыми.

Что страна ныне получила от буйства демократии в парламентах? В Закавказье - грызня-резня между армянами и азербайджанцами, грузинами и абхазами. Власти республик Прибалтики провозгласили, по сути, отделение от СССР и душат там русских. То же - в Молдавии. Демократия принесла кровь, хаос и резкое обострение кризиса в экономике.

- Ты,- Александр повертел на столике бокал,- валишь всё с больной головы на здоровую. Причина распрей и нищеты - прежняя тоталитарная

политика КПСС Демократия не создала, а лишь обнажила застарелые проблемы.

- И никогда с ними не справиться. Не справиться, ибо демократия на наших просторах может формировать власть только из мистеров Никто - ни на что толковое не способных.

- Бред,- перекосило Александра.- На процветающем Западе при всеобщем демократическом голосовании образуется нормальная власть, а у нас при нём таковой быть заказано? Почему? Русские и другие народы СССР, что - глупее англичан или французов?

- Мы - не глупее. Мы - другие. На Западе общество давным-давно расколото на атомы. Там: мой дом - моя крепость. Там: каждый сам за себя и верит только себе. Там: яро нацеленного на личную выгоду избирателя-эгоиста трудно обмануть политикам-ничтожествам.

Наше же общество - соборное. Мы при царях жили общинами и артелями, при вождях - колхозами, заводами и учреждениями. Каждый из нас из века в век чувствовал себя своим среди своих. Нам не присущи подозрительность и иммунитет против вранья. Мы гостеприимны, любопытны и охотно внимаем сладкоголосым речам. Поэтому на выборах западного типа верх у нас брали и будут брать не самые умные, трудолюбивые и совестливые, а честолюбивые и нахальные - те, которые беззастенчиво суются к нашему простодушному избирателю со своим краснобайством. Напасть для страны - ваша демократия.

- Допустим,- примирительно вроде взглянул на меня Александр,- я с тобой согласился. Ну а что взамен демократии - диктат пустоголового ЦК КПСС?

- Народное представительство. Трудовой коллектив, где достоинства и недостатки каждого ясны всем, тайным голосованием избирает своих доверенных лиц на Районное Народное Собрание. Оно же из числа доверенных лиц всех коллективов выбирает известных всему району делегатов на Областное Народное Собрание. Ну а делегаты со всех областей решают: кому из них быть депутатами высших органов власти республик и СССР - Верховных Советов. А они формируют власть исполнительную...

- Хватит,- оборвал меня Александр,- И на такой утопической белиберде стоит вся ваша редакция?

- Нет. Твой вопрос ко мне был, и я тебе своё личное мнение высказал - чем следует заменить заимствованную у Запада демократию.

Всю же редакцию сейчас занимает то, что в стране грядёт катастрофа и никто из власть имущих не желает с ней бороться. А ведь катастрофа произойдёт.

Произойдёт. Если через введение особого управления государством не выжечь калёным железом кровавый сепаратизм в отдельных республиках и воровство по всей стране. Если не принять экстренных мер

против возрастающей нищеты.

- Так вы все в «Дне» связываете спасение Советской империи с русской национал-социалистической диктатурой в ней?

- Понимай как хочешь.

Опустошив бокал, Александр встал из-за столика:

- Николай, не уйдёшь ты из «Дня», приличные люди руки тебе не подадут. И я, возможно,- тоже.

Земляк-писатель Александр знал наши публикации. А некоторые мои приятели на дух не переносили газету не читая её, а черпая о ней сведения из либерально-демократических изданий.

Одни из этих изданий представляли редакцию «Дня» пристанищем придурков-мракобесов: «И такая дребедень - каждый «День», каждый «День»». Другие - стращали газетой своих читателей. Им под заголовками типа «Что «День» грядущий нам готовит?» вбивалось в головы: готовит он своими идеями ужасы русско-имперского фашизма.

Шельмование «Дня» в массовых либеральных газетах и журналах давало совершенно не тот эффект, на который рассчитывали в их редакциях. У тысяч и тысяч политически нейтральных граждан, прочитавших, скажем, в «Известиях» и «Крокодиле» поношения в адрес «Дня», возникало желание самим взглянуть на мерзкую газету. А купив её из любопытства, многие читатели превращались в её же почитателей: правду ведь она пишет.

Тираж «Дня» рос и рос В числе авторов газеты стали появляться партийные и советские чиновники - например, секретарь Совета безопасности СССР Олег Бакланов. А это значило, что в недрах власти на разных этажах жили-были здравомыслящие управленцы. Их воротило от бестолковой перестройки Горбачёва и от ультра-либеральных прожектов Ельцина, и они, надеялись в редакции «Дня», рано или поздно объединят усилия и возьмут бразды правления в свои руки. Возьмут, чтоб вельможных глупцов и агентов Запада отправить на пенсию, истребить сепаратизм, приглушить витийство в парламентах и запустить успешные реформы по китайскому варианту. По варианту, при котором государство жёстко руководит плавным переходом к рынку и обеспечивает гражданам новые стимулы к труду и рост их доходов.

Прагматиков из структур партии и государства опасались и в окружении Горбачёва, и во враждовавшем с ним окружении Ельцина, и в спецслужбах Запада, на деньги и по сценарию которых насаждалась сокрушительная для СССР демократизация. Им всем было неспокойно: а вдруг прагматики организованно взбунтуются, произведут переворот в политике и поведут страну курсом, выгодным ей, а не западному капиталу. И дабы исключить саму возможность такого хода событий, творцы демократии разыграли в Москве спектакль - с декорациями в виде бронетехники.

18 августа 1991-го я подался к жемчужине у моря - вечерним самолётом. Прибыл из аэропорта в гостиницу и пустился бродить по причудливому ночному центру Одессы. Утром поздним в прекрасном настроении проснулся, вышел на балкон своего номера и вздохнул полной грудью: да здравствует отпуск, солнце и море!

На соседнем балконе курил мужик моих лет. Я отвесил ему поклон:

- Добрый день.

- Здравствуйте,- он откликнулся,- Для кого-то нынче день добрый, для кого-то - нет. Вы знаете, что минувшей ночью в стране произошёл государственный переворот?

- Что-что? - мне почудился розыгрыш.

- А то,- сосед загасил сигарету в пепельнице,- Горбачёва прихлопнули как Президента СССР и генсека ЦК КПСС. Ему приписана хворь до маразма, и он отрезан от мира на даче в крымском Форосе, Вся власть на просторах Советского Союза теперь принадлежит ГКЧП, Новоиспечённому особому органу управления - Государственному комитету по чрезвычайному положению.

Спустя десять минут, в 11.00, я включил телевизор, и уже диктор с экрана донёс до меня светлый образ ГКЧП, Мама родная! Я вдрызг растерялся. Горбачёв под арестом на крымской даче. Отлично. В обращении гэкачепистов к народу сказано всё то, что было на страницах нашей газеты. С радостью б мне руки потереть. А не хотелось.

Здравый смысл вроде восторжествовал. Стране требовалось - и устранение с политической сцены сеятеля смуты Горбачёва, и учреждение органа управления с чрезвычайными полномочиями. Но из кого он образован?

Первая скрипка в ГКЧП - у Геннадия Янаева. Он был секретарём обкома комсомола на Волге и около двадцати лет председательствовал в КМО - в Комитете молодёжных организаций СССР. Янаев умел устраивать встречи советских юношей и девушек с их зарубежными сверстниками. И только. В политике ему ничего не светило. До Горбачёва. Новый лидер страны давнего товарища по комсомолу Янаева почему-то особенно ценил. И из управляющего ничтожным КМО превратил его в главу солиднейшей структуры - Всесоюзного центрального совета профсоюзов. Как председатель ВЦСПС Янаев получил членство в высшем руководстве правящей партии - в Политбюро ЦК КПСС. Это, многим казалось, было пиком его карьеры. Но в декабре 1990-го Съезд народных депутатов, избирая Горбачёва Президентом СССР, проголосовал и за выдвинутого им в вице-президенты Янаева. Так вторым должностным лицом в Советской империи стал кмошник - человек из КМО - молодёжной развлекательной конторы. И вот ныне, 19 августа 1991-го, вдруг возникший Госкомитет по чрезвычайному положению, на него при изолированном на даче Горбачёве возложил исполнять обязанности Президента СССР.

Янаев, размышлял я в номере одесской гостиницы, ноль в политике. Он как фигура во власти сотворён Горбачёвым, и на самом ли деле взбрело ему в голову восстать против его политического творца и разыграть свою карту?

Изоляция Горбачёва в Форосе была бы немыслима без санкции председателя Комитета госбезопасности Владимира Крючкова - также члена ГКЧП. Ему подчинялось Управление охраны всех высоких чинов и только по его приказу Президента СССР могли лишить свободы передвижения и телефонной связи. Ну а кто он есть - Владимир Крючков?

Я перебрал в памяти послужной список Владимира Александровича за последние тридцать лет. Референт отдела ЦК КПСС. Завсектором отдела ЦК КПСС. Помощник секретаря ЦК КПСС Помощник Председателя КГБ СССР. Начальник секретариата КГБ СССР. Первый зам начальника и затем начальник Управления КГБ СССР. Заместитель Председателя КГБ.

Служба Крючкова партии и государству - это служба на подхвате у вельможных персон. Он вышколен угождать прямым начальникам. Председателем КГБ его назначили благодаря Горбачёву, и ему и только ему смотрел в рот Крючков.

Под лабуду Горбачёва о вхождении СССР в единый европейский дом страну наводнили в разных личинах агенты спецслужб Запада. Они накачивали деньгами сепаратистские Народные фронты в республиках и всех тех в Москве и Питере, кто печатно и устно изгалялся над прошлым и настоящим Советского государства. Но агентов никто не трогал. Под ахинею Горбачёва о переходе к рынку через жульнические кооперативы, банки и биржы сколачивались солидные капиталы. Но ни один из неправедно разбогатевших не нюхал нар в тюрьме.

Возглавляемый Крючковым могучий аппарат Комитета госбезопасности за всем происходящим следил, обо всём знал, а безобразий Горбачёвской политики не пресекал. Не пресекал потому, что Председатель КГБ, по природе референт-помощник, был без лести предан Горбачёву. И неужто теперь Крючков по своей воле отважился запереть начальника-благодетеля на даче в Форосе?

Среди членов ГКЧП пребывал и министр обороны Дмитрий Язов. Он, храбрый офицер с Волховского и Ленинградского фронтов, после Великой Отечественной прошёл путь от командира батальона до командующего здоровенным военным округом - Дальневосточным. С советско-китайской границы ему в его 64 года открывался вид на заслуженный пенсионный отдых. Но в 1987-м Язова вдруг переводят в Москву с полномочиями тусовать кадры всего громадного военного ведомства и в том же году назначают министром обороны.

Возвышение Дмитрия Тимофеевича состоялось после визита на Дальний Восток генсека Горбачёва. В сопровождении супруги - Раисы Максимовны. А она, встретив в Хабаровске Язова, сразу вспомнила курорт

Карловы Вары в Чехословакии, где некогда её, ещё не первую леди СССР, не раз тепло встречал и провожал учтивый советский военачальник.

Версию о том, что постом министра обороны Язов обязан приязнью к нему Раисы Максимовны, я слышал от его сослуживца - боевого офицера. Он вряд ли фантазировал, и, стало быть, Язов, облагодетельствованный четой Горбачёвых,- такая же их марионетка, как Янаев и Крючков.

Среди семи членов ГКЧП, на мой взгляд, самым самостоятельным деятелем был премьер-министр СССР Валентин Павлов. Он медленно поднимался вверх по служебной лестнице в союзном Министерстве финансов при Брежневе. При Черненко и Андропове Павлов уже - член руководства мозгового центра Советской империи - коллегии Госплана. При Горбачёве, в 1986-м, его возвратили в Минфин - первым замом министра. А спустя три года он стал министром.

Правительство СССР Павлов возглавил в пик недовольства политикой Горбачёва - в январе 1991-го. Тогда союзный Верховный Совет впервые обрушил вал обвинений на президента Горбачёва за кризис в экономике. Тогда Верховный Совет российский и лично Ельцин призывали Горбачёва подать в отставку. Тогда же с требованием отставки Президента СССР разразилась массовая шахтёрская забастовка, грозившая парализовать жизнеобеспечение страны.

В Кремле возникла паника. Горбачёв увольняет соавтора перестройки Николая Рыжкова - Председателя Совета министров: вот, товарищи, наказан главный виновник бед экономических. Изничтожается и сам Совмин. Вместо него учреждается Кабинет министров при Президенте СССР. Ни то ни другое Горбачёва не спасало, и он, загнанный почти в угол, уговаривает нелояльного к его перестроечному курсу матёрого экономиста-финансиста Павлова занять кресло премьер-министра. Павлов находит общий язык с шахтёрскими стачкомами, гасит их забастовку и предлагает новую жёстко регулируемую государством программу перехода к рынку. Под эту программу, дабы ослабить криминал в экономике, Павлов проводит обмен денежных купюр и изымает у теневого бизнеса 12 миллиардов рублей. Ещё 22 миллиарда сомнительных рублей были заморожены в банках. То есть из оборота оказались выведены 34 миллиарда из 96. Это позволяло снизить дефицит товаров и приступить к частичному освобождению цен - для стимулирования отдельных производств.

Первые шаги премьера Павлова вызвали скрежет зубов у разбогатевших жуликов. Ими прикормленная либеральная пресса подняла вой: как мерзопакостен новый глава правительства. Президент Горбачёв действия премьера публично не одобрил, но и не осудил. И в июне 1991-го Павлов вынес на обсуждение в Верховный Совет СССР ряд новых мер по наведению порядка в стране - подчинить Кабинету министров налоговую службу, запретить самодеятельность банков республик, создать единый союзный центр по борьбе с коррупцией и воровством чиновников. Затребованное Павловым постановление Верховный Совет с молчаливого

согласия Горбачёва не принял.

Ни у Президента СССР Горбачёва, породившего разжиревшее жульё, ни у союзного парламента, где доминировало лобби этого жулья, проект Павлова - проект пресечения воровства и рыночных реформ без обнищания абсолютного большинства граждан - поддержки получить не мог. И вот - 19 августа 1991-го. До сего дня трезвомыслящий реформатор-экономист Павлов политического покровительства не имел. А теперь?

Я, прихватив сигарету, снова подался на балкон. Вид на всю в зелени улицу Одессы шевеление моих мозгов о событиях в Москве не застопорил. Угу, Горбачёв заключён на шикарном курорте. Ого, у присвоившего себе всю власть ГКЧП - благие намерения. Ей-же-ей, ему, органу с чрезвычайными полномочиями, можно силой свершить всё потребное стране: дрожите сепаратисты, воры и противники здравых экономических преобразований Павлова.

Но решающее слово в ГКЧП за марионетками Горбачёва: Янаевым, Крючковым, Язовым. А они всерьёз ли замахнулись покончить с Горбачёвской политикой и осуществить заявленные благие намерения? Им дано действовать умело и жёстко?

Год назад мне, ещё как спецкору придворной «Правды», довелось иметь дело с заместителем председателя Одесского облисполкома. Его телефон сохранился в моей записной книжке, и я ему позвонил: а не удостоите ли вниманием отпускника? Он радушно меня принял - с коньяком, шоколадом и сыром. Под звон рюмок выяснилось: явление стране ГКЧП деятелям областной власти - по нраву.

- Бестолочь Горбачёв,- заметил мой чиновный собеседник,- давно всем опостылел. Товарищи, которые отгородили его от нас в Форосе,- просто молодцы. И в их обращении к народу всё правильно сказано.

Я полюбопытствовал: какие директивы поступили от ГКЧП в обком и облисполком Одесской области. Оказалось - никакие. Государственный комитет по чрезвычайному положению есть, а инструктажа по чрезвычайным мерам и, соответственно, шагам новой политики - нет. Странно.

В кабинете зампреда облисполкома я накрутил номер телефона редакции «Дня» - на предмет: будем ли мы работать на ГКЧП и не надо ли мне срочно возвращаться в

Москву? Главного редактора Проханова на месте не было. Меня соединили с ответственным секретарём Нефёдовым. Он сказал:

- На планёрке сегодня утром постановили: никого из отпуска не отзывать. Ангажемента от ГКЧП мы не получили. Если ребята-гэкачеписты вздумают с нами подружиться - шлёпнем тебе телеграмму по твоему адресу в Одессе.

Мне оставалось вернуться из облисполкома в гостиницу, переодеться и двинуть на пляж.

Ах, Одесса... Три следующих дня я, заслуживший отдых, наслаждался всем, чем можно было насладиться в жемчужине у моря. Но при всём том в телевизор заглядывал. Новости с экрана чем дальше, тем больше навевали у меня скепсис к творцам чрезвычайной политики и, в конце концов, склонили к выводу: ГКЧП - эта акция спецслужб Запада. Что основания давало для такого вывода?

Первое. В ночь с 18 на 19 августа гэкачеписты ввели в мирно спавшую Москву танки и бронетранспортёры - наступательные боевые машины. Им не кого было атаковать. Цель ввода бронетехники - лезло мне в голову - вызвать раздражение рядовых москвичей. Вот вам - пробки на дорогах, вот - покорёженный гусеницами асфальт на ваших улицах, вот - рёв двигателей под окнами. Как всем тем не возмутиться?

Второе. Кайф на жульничестве словившим в Горбачёвскую перестройку ГКЧП с его благими намерениями - противен. Центром притяжения всех недовольных гэкачепистами в Москве стал дворец Верховного Совета РСФСР на Красной Пресне. А его не взяли в кольцо бойцы милиции и внутренних войск - кому-то надо было, чтоб там визжала толпа.

Третье. Стадо баранов во главе со львом сильней стаи львов во главе с бараном. Дабы толпа богатеев-жуликов и шизанутых интеллигентов-демократов у Верховного Совета что-то из себя представляла, ей надобен был лев - с триумфом победивший в июне на выборах Президента РСФСР Борис Ельцин. Но члены ГКЧП не приказали взять его ночью из постели и обособить с бутылками водки на закрытой от всех даче. Ельцин беспрепятственно прибыл на Красную Пресню, воодушевил толпу, влез на окружённый ею танк и прочитал указ: ГКЧП - вне закона и всем Вооружённым силам СССР подчиняться Президенту РСФСР. Кто-то был заинтересован в том, чтоб Ельцин предстал в стране и мире как победитель гэкачепистов.

Четвёртое. 21 августа, после того, как трое хулиганов из толпы у Верховного Совета, напав на бронетранспортёры, невзначай погибли, ГКЧП не отдал приказ разогнать толпу, а сам себя упразднил. И направил одного из своих членов - Крючкова - в Форос каяться перед Горбачёвым. Кем-то было установлено главным гэкачепистам: играйте в чрезвычайщину до первой крови.

Пятое. Цензура на телевидении, целиком подконтрольная ГКЧП, за три дня его существования не пропустила ни одного укола лично Горбачёву и позволила показать героическое восхождение на танк Ельцина, восставшего своим указом против гэкачепистов. Кому-то выгодно было, не заплёвывая паскудного Горбачёва, выдвинуть в центр политической сцены беспринципного авантюриста Ельцина. Так кто же и с какой целью поставил спектакль под названием «ГКЧП»?

У моря, у тёплого моря в Одессе я вспомнил прохладный московский Цветной бульвар. Прогуляться по нему весной 1991-го меня пригласил

полковник Главного разведуправления Генштаба. Ему, как он выразился, русскому хохлу, глянулась моя статья «Шлях во тьму» - о сепаратизме на Украине - и он надумал просто так мне посодействовать. Полезной, по его словам, для политического журналиста информацией.

В начале восьмидесятых, узнал я тогда на Цветном, загадочная смерть настигла трёх сотрудников внешней разведки Комитета госбезопасности СССР. Самый известный из них - тележурналист Каверзнев. Причина гибели всех троих - талантливое исполнение своих обязанностей. Они добыли списки иностранной агентуры влияния в СССР, инструкции ей последних лет и схемы её финансирования. Наградой разведчикам от руководства КГБ во главе с Андроповым стала отрава - в расцвете сил их отправили на тот свет одного за другим.

Шагавший рядом со мной по Цветному бульвару человек с удостоверением полковника ГРУ нисколько не походил на сумасшедшего. Рассказ его выглядел логично. Но - и нереалистично.

Деньги на подрыв СССР изнутри, далее просветил меня полковник, Запад начал выделять ещё при Сталине. Но при нём вербовка агентов шла туго - весь почти аппарат управления был идейно предан нашему государству.

Всё изменилось с возвышением Хрущёва. Он не только реабилитировал казнённых до войны врагов народа, но и насадил протекционизм их детям и внукам. Те толпою жадною полезли к подножью трона - сделались референтами, советниками и консультантами в ЦК КПСС и Совете министров. Потомки репрессированных ненавидели СССР за сокрушение в нём своих дедов и отцов и составили ядро «пятой колонны» в Советском государстве.

Абсурд в политике и экономике при Хрущёве и Брежневе, утверждал полковник ГРУ, есть результат тупости высших чинов и хитроумия их интеллектуальной прислуги. Она готовила ущербные для страны проекты решений - вислоухие деятели в Кремле их принимали. В результате страна в значительной мере впустую транжирила свой потенциал, не избавлялась от зливших граждан проблем и недовольство властью в ней накапливалось.

Агенты влияния Запада, по мнению полковника, успешно действовали в СССР не менее тридцати лет. Но запас его прочности, заложенный в сталинские времена, был настолько велик, что к середине восьмидесятых Советский Союз всё ещё оставался серьёзным военным и экономическим конкурентом западных держав. И остался бы таковым, возможно, не один десяток лет, если бы «пятая колонна» не продвинула на главный пост в стране своего ставленника - Михаила Сергеевича Горбачёва.

В год смерти Сталина, повествовал полковник, студент МГУ Миша Горбачёв женился на студентке того же университета Рае Титаренко - провинциалке с Алтая. А она родственников имела в семьях важных особ в столице - в семьях первого зама председателя Госплана СССР Сабурова и

первого же зама министра иностранных дел Громыко. Вместе с рукой и сердцем Раи Миша получил возможность проводить выходные на дачах в Серебряном Бору на реке Москве, где уже вселялись потомки пламенных революционеров.

Есть люди, которые в первые лета так называемой хрущёвской оттепели видели чету Горбачёвых в компании будущих референтов, советников и консультантов ЦК и Совета министров. В компании арбатовых-хренбатовых, шаталиных-моталиных, бовиных-мовиных. Им розовощёкий крестьянский сын Горбачёв с орденом за труд на комбайне понравился, и они, ставшие потом агентами влияния Запада, повели его вверх по служебной лестнице.

Горбачёв, уверял полковник, своей небывалой для хрущёвско-брежневских времён карьерой обязан покровителям из Серебряного Бора - агентам влияния Запада, опутавшим высших чинов СССР.

В 1955-м выпускник Московского университета Горбачёв возвратился на родину - в Ставропольский край. Разумеется, не в своё село Привольное. В столице края - Ставрополе - его почти сразу берут не в райком или горком, а в крайком ВЛКСМ. На должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации.

Дальнейший путь Горбачёва - бег по комсомольским и партийным кабинетам. Бег всё выше и выше по служебной лестнице. В 35 лет он, ни дня не руководивший ни колхозом, ни заводом, ни учреждением культуры или образования, возглавляет город Ставрополь, в 39 - становится первым лицом всего огромного Ставропольского края. Ничего выдающегося в крае Горбачёв не свершает, но в 47 лет его забирают в Москву, делают Секретарём ЦК КПСС и затем членом Политбюро.

Вступая в должность начальника над всеми начальниками СССР - в должность Генерального секретаря ЦК КПСС - в свои 54 года Горбачёв клялся:

- Обещаю приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии и нашему народу. И все должны знать, что интересами нашей Родины и её союзников мы не поступимся никогда.

Партии, заметил полковник, генсек Горбачёв послужил так, что теперь в результате его руководства ею в неё готовы плеваться и дворники, и академики. От горбачёвской службы народу ему всё несносней жить. Верных союзников в мире у нас практически не стало - все дружественные нам режимы Горбачёв предал в угоду враждебным к Родине западным странам.

Некогда, вывел полковник ГРУ, Горбачёв, вероятно, дал иную тайную клятву. Тем агентам влияния Запада, которые обеспечили ему стремительную карьеру и вручили необъятную власть. Клятву им он выполнил. Ослабил колоссально СССР как конкурента США и НАТО. Но великий Советский Союз сегодня скорее жив, чем мёртв. Его надо Западу добить - расчленить на 15 якобы суверенных республик и превратить в

свои рынки сбыта, источники сырья и дешёвой рабочей силы. Для этой цели Горбачёв ни как генсек ЦК КПСС, ни как Президент СССР западным державам уже не нужен. Он, дутая политическая фигура, исполнил всё веленое кукловодами и тихо-мирно, подобно спущенному шарику, должен упасть с высоты власти.

«Пятая колонна» Запада, заключил полковник, уже обмозговывает вариант деликатного избавления от Горбачёва. А все её крупные силы и средства бросаются теперь на рост веса руководителей республик - прежде всего Президента РСФСР Ельцина. Он по натуре своей и по статусу подходит на роль политика-бульдозера, который может развалить и снести институты советской государственности. И скоро мы, граждане великого Советского Союза, будем жить в его осколках.

Встреча на Цветном бульваре с полковником-разведчиком была у меня в конце апреля 1991-го. Его оригинальную информацию я просто принял к сведению и никак не использовал в писанине: ну не верилось во всесилие в СССР «пятой колонны» Запада. Но минуло меньше четырёх месяцев, и мне, наблюдавшему по телевизору в Одессе за развязкой дела ГКЧП, пришлось однажды августовским вечером хлопнуть себя по лбу: ба, да ведь сбывается прогноз полковника. В свете его можно было объяснить всё - и рождение, и бездействие, и покорную капитуляцию ГКЧП.

Кукловоды Горбачёва из «пятой колонны» подкинули ему идею - дабы предотвратить взрыв недовольства вами в партийно-государственном аппарате, надо произвести в нём прополку. Конкретно: надо сымитировать ваше незаконное заточение в Форосе и подобие государственного переворота - кто одобрит то и другое, тех вырубить. Генсек-президент на идею клюнул и поручил лично преданным Янаеву и Крючкову организовать операцию под названием «ГКЧП».

Всё пошло-поехало как было велено. Государственный комитет по чрезвычайному положению сказал «А»: нет прежней Горбачёвской политике. Говорить же «Б», «В», «Г», «Д» - то есть предпринимать меры по смене курса страны - не спешил. Янаев и Крючков строго следовали угодному Горбачёву сценарию - дразнили москвичей вводом бронетехники и сквозь пальцы смотрели на шум-гам всё возраставшей толпы во главе с Ельциным у дворца Верховного Совета РСФСР. Толпа брызгала слюной на ГКЧП и требовала возвращения в Москву Горбачёва. Всё вроде бы складывалось в его пользу. Как только страсти слегка накалились, Янаев с Крючковым немедля толпе вняли и последний полетел освобождать из Фороса Горбачёва. Тот вернулся, казалось бы, на белом коне и с шашкой наголо: народ драл за меня глотку на митингах и я вправе покарать всех чиновных Ляпкиных-Тяпкиных, симпатизировавших ГКЧП. События 19-22 августа состоялись по заявке Горбачёва и должны были умножить его политический вес. А вышло наоборот.

В день ареста у Председателя КГБ Крючкова под телекамерой журналиста Молчанова сорвалась с уст фраза:

- Мы с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым ещё вместе поработаем.

Надеялся на это брошенный в тюрьму Крючков не безосновательно - он же всё сделал так, как было договорено с шефом, и тому грешно о нём не позаботиться. Горбачёв, возможно, и не отрёкся бы ни от Крючкова, ни от Янаева, если бы на исходе операции «ГКЧП» не почуял, что от него самого отрекается некогда вручившая ему власть мощная «пятая колонна» Запада.

Она щёлкнула по носу Горбачёва ещё до его возвращения из Крыма. Её ставленники с капитуляцией гэкачепистов сразу нацелили пропагандистскую машину на дискредитацию всего союзного руководства. Горбачёв летел с Чёрного моря, а из телевизоров и радиоприёмников по всей стране неслось: ГКЧП - это кровавая коммуно-фашистская клика. Высшие чины СССР, не отдавшие приказа ни на один выстрел, представлялись не только злодеями, но и тупыми, корыстными сановниками, которые учредили орган чрезвычайного управления ради удержания своих постов и прилагающихся к ним благ. А каков приход, подсознательно внушалось гражданам, таков и поп - Президент СССР: союзная власть насквозь прогнила и все надежды на лучшее надо связывать с властями республиканскими.

Вернуть себе контроль над проникающим в каждый дом телерадиовещанием Горбачёв не мог. Он и вообще после Фороса почти ничего самостоятельно решать был не способен, ибо санкционированную им операцию «ГКЧП» на последнем этапе «пятая колонна» откровенно повернула против него. Сойдя с трапа самолёта на московскую землю, Горбачёв уже получил не щелчок по носу, а нокаутирующий удар.

План операции «ГКЧП» предусматривал шумную толпу у Верховного Совета РСФСР и исключал её разгон. Ей надлежало проклясть гэкачепистов и визгами с воплями вызволить из псевдоплена Горбачёва. Толпа выполнила предназначенную цель. ГКЧП самоликвидировался, генсек-президент благополучно прибыл в столицу. Толпа победила. Победила входивших в состав ГКЧП руководителей КГБ, МВД и Министерства обороны. Победила их со всем им беспрекословно подчинённым воинством. А это означало, что толпа - единственный силовой субъект власти в Москве.

По плану операции «ГКЧП» толпе следовало дождаться прилёта Горбачёва, выслушать от него слова благодарности и разойтись по домам, предоставив ему свободу рук - кого карать, кого миловать. Но генсек-президент ещё был в воздухе, а толпа получила команду буйствовать в центре Москвы - сносить памятники деятелям Компартии и громить её штаб - ЦК КПСС.

Ход операции на её финише «пятая колонна» изменила - разъединила Горбачёва и толпу А поскольку она, толпа, являлась единственным орудием власти и так как её кумиром был Ельцин, то Горбачёв попал под его беспалую, изуродованную в детстве лапу.

Коммунистический расстрига Ельцин запрещает деятельность компартии, и генсек ЦК КПСС Горбачёв с кислой миной на лице незаконный запрет одобряет. Под диктовку Президента РСФСР Ельцина Президент СССР Горбачёв увольняет одних союзных министров и назначает других, вычищает из армии нелояльных к демократии генералов и крушит КГБ, разделяя его на несколько служб...

Зависимость Горбачёва от Ельцина означала полную независимость органов власти Российской Федерации от властных инстанций Советского Союза. Фактический суверенитет самой крупной республики позволил в открытую распоясаться и сепаратистам в остальных республиках. По одной шестой суши стартовал парад суверенитетов.

К исходу августа 1991-го СССР уже вполне напоминал коммунальную квартиру - главы каждой из 15 комнат-республик желают и могут жить сами по себе. Общий начальник - Президент Советского Союза - им без надобности. Горбачёв - политический полутруп. Происходило то самое деликатное избавление от него, которое предсказывал четыре месяца назад полковник ГРУ.

Монолог полковника на Цветном бульваре в Москве я не раз прокручивал в памяти в последние августовские дни своего отпуска в Одессе. И однажды - на её Французском бульваре. Там пахло не политикой, а безмятежным досугом. Гражданочек с гражданами, прибывших в жемчужину у моря из республик единого государства, похоже, совсем не беспокоил грядущий его развал. А коренная русскоговорящая Одесса, видимо, даже и не подозревала, что скоро будет принуждена официально употреблять только засорённый латинскими словами язык хуторов и местечек Западной Украины.

Курортная моя путёвка была до 10 сентября. На работу я вышел спустя неделю после приземления в Москве - незачем было спешить. Газета «День» не выходила. Под лозунгом «ГКЧП - коммуно-фашистская клика» в Москве разгромили не только парткомы КПСС, но и правление Союза писателей СССР - за якобы сочувствие гэкачепистам. Захватившие власть в СП густопсовые литераторы-демократы - евтушенки с черниченками и оскотские - немедля постановили: отказаться от учредительства «Дня». Поскольку в обращении ГКЧП к стране некоторые строки почти дословно повторяли строки статей из газеты «День», её новое правление СП объявило идейной вдохновительницей «коммуно-фашистской клики». Министерство печати с этим доводом согласилось и регистрацию «Дня» отменило.

Руководство же Союза писателей РСФСР демократического переворота в своей организации не допустило. Силой духа. Секретари и члены правления российского СП забаррикадировались в особняке на Комсомольском проспекте и заявили окружившим его боевикам московской мэрии во главе с префектом Центрального округа Музыкантским: завладеть печатью и документами Союза вы можете только через наши трупы. На штурм особняка и вынос тел известных

каждому в стране писателей - Бондарева, Белова, Распутина, Проскурина и других - власти Москвы не решились: скандал будет несусветный.

Российский Союз писателей сохранился не только как юридическое лицо, но и как самостоятельный идеологический субъект и взял на себя учредительство «Дня» вместе с пятью его сотрудниками. Со мной в том числе. Заявление СП РСФСР Министерство печати долго мурыжило-мурыжило и всё-таки, как полагалось по действующему закону, выдало свидетельство о регистрации газеты. Прежний «День» с прежними авторами снова появился у подписчиков и в продаже в киосках - с лейтмотивом публикаций: победившая в стране демократия - чума.

Той осенью 1991-го я выдал на страницах «Дня» два очерка об арестованных по делу ГКЧП. О секретаре ЦК КПСС Олеге Шенине и секретаре Совета безопасности СССР Олеге Бакланове. Строитель из Сибири Шенин и творец ракет с Украины Бакланов - солдаты Советской империи. Они доблестно ей служили и на высоких постах в Москве пытались её спасти введением режима особого управления. Их теперь держат в тюрьме с обвинением по уголовной статье за измену Родине. А им, доказывал я в очерках, чрезвычайные меры абсолютно не нужны были лично для себя. И они, политики-созидатели, этими мерами принесли бы благо Родине. Принесли, если бы в ГКЧП не доминировали игравшие на его поражение сообщники Горбачёва..

Моя песнь о двух Олегах вызвала неожиданный отклик. В телефонной трубке у меня дома вдруг раздался год в ней не звучавший голос Веры:

- Привет, Николай Михайлович. Ты знаешь - кто тебе звонит?

- Ещё бы, память у меня, как мокрая глина в моей деревне Нижние Авчухи: раз ступил, след оставил и...

- Нет,- прервала меня Вера.- Ты не знаешь, кто тебе звонит. Звонит тебе не твоя почитательница, а читательница. Ваш «День» - единственная газета в моём рационе. Кроме неё - ничего не перевариваю. Славно, что вы не подняли руки вверх перед сволочами, танцующими на костях ГКЧП. Как ты написал о Шенине и Бакланове - мне понравилось. Но есть критические замечания. Хочу их высказать. Приглашаешь в гости?

Встречи мои с Верой не стали, как прежде, постоянными. У меня был сложный роман с Ритой, у неё - с Павлом. Виделись мы в начале девяностых редко, но часто говорили по телефону. У нас возникла взаимная тяга - необъяснимо сильная - поговорить! Мы обсуждали всё: от политики до личной жизни.

Наши взгляды на события в стране - на смертный приговор СССР в Беловежской Пуще, на реформы Гайдара, на бузу российского парламента против этих реформ - по большому счёту, совпадали. Разумеется, Вера, руководительница по природе, наставляла меня - так и эдак надо писать. Но наставляла не навязчиво, не обременительно.

После государственного переворота Ельцина и расстрела им Дома

Советов в октябре 1993-го наше единомыслие с Верой ничуть не нарушилось. Когда два номера запрещённого властью «Дня» вышли под шапками других газет, Вера специально приехала ко мне за этими номерами. Новую нашу газету - «Завтра», тираж которой продавался нелегально, с рук, Вера покупала у Музея Ленина и почти всегда любопытные давала комментарии к моим статьям и заметкам.

Как единомышленницу и читательницу я потерял Веру не скоро. Но потерял. Осенью 1996-го она уволилась из Московской консерватории и, по её выражению, сделалась спекулянткой. Включилась в скромную фирму своей подруги Нади - в фирму по закупке партий парфюмерии в Париже и оптовой их продаже в Москве и Питере. Поход в коммерцию мне Вера объяснила так:

- С волками жить - по-волчьи выть. Ельцин переизбран на второй срок. Гнусный его режим, при котором я - преподаватель лучшей в мире государственной консерватории - обречена быть побирушкой, устоял. Пока меня нищета не душит - есть накопления в золоте и валюте. Но они не вечны. Я трачу сейчас на себя в несколько раз больше, чем получаю в консерватории, а отказаться шиковать не могу. Поэтому надо осваивать искусство спекуляции.

Бизнес Нади с Верой удался. За счёт чего и как, я при встречах и телефонных разговорах с Верой не допытывался. Но она всё меньше жаловалась на взяточничество таможенников и прочих чиновников и на срыв оплат по договорам поставок.

Обрушение рубля в дефолте 1998-го больно шарахнуло по их фирме: французские ароматы стали стоить в московско-питерских магазинах в три-четыре раза дороже. «То, что у нас влёт уходило,- возмущалась осенью того года Вера,- мёртвым грузом теперь лежит на складах. Ну какие гады нами правят!»

Негодяйство Кириенко и Чубайса в Кабинете министров фирма Нади и Веры всё-таки выдержала. Перемогла кризис. Новое правительство Примакова-Маслюкова пресекло грабёж казны через займы у коммерческих банков со ста процентами годовых. Поползли вверх мировые цены на энергоносители. Зарплаты и пенсии возросли и Надя с Верой не только сбыли свои залежи французской парфюмерии, но и всё чаще стали мотаться в Париж за новыми партиями.

Дела у фирмы барышень шли настолько гладко, что следующей зимой Вера дважды позволила себе слетать на отдых в жаркие страны. С Кипра она привезла мне в подарок скульптурку Афродиты. А через пару месяцев - в январе 2000-го - я набрал номер мобильного телефона Веры и застал её на белом песке Сейшельских островов. Возвратившись домой, она прочитала мне лекцию - как надо воспринимать уход из Кремля Ельцина и назначение им разведчика-неудачника Путина исполняющим обязанности президента.

С тех пор созванивались мы лишь по праздникам. Но однажды Вера

разбудила меня телефонным звонком в буднее утро.

- Драгоценный Николай Михайлович, позволь не указаниями тебя пытать, а челом пред тобою бить. Моей фирме нужен новый просторный офис в приличном здании в центре Москвы. Я натравила одного из своих менеджеров на поиски аренды по объявлениям - он искал-искал и ничего приличного не нашёл. Золотой Николай Михайлович, нет ли средь обилия твоих знакомых человека, толк знающего в рынке столичной нежилой недвижимости?

Я продиктовал Вере телефон друга Серёги Потёмкина. Они встретились. Серёга вывел Веру на того, кто её проблему решил, и в знак благодарности получил приглашение на банкет по случаю открытия офиса.

То годичной давности знакомство Веры с Серёгой обернулось теперь для меня изжогой. Не случись оно - кредиторы Серёги не вышли бы на Веру, связанную как-то с занимающим их особистом Сталина и мне б не пришлось втягиваться в тягостную авантюру. Но знакомство состоялось, и по мольбе Серёги, загнанного в угол заимодавцами в лице вице-президента корпорации Евгения Петровича, я вынужден буду скоро ехать с Верой добиваться незнамо зачем расположения сталинского особиста - Тихона Лукича Щадова.

Глава 11. Шаг к призраку из Кремля

- Ку-ку,- позвонила мне Вера в четверг.- Это - вечно одинокая красавица. У тебя и у меня обязательства перед Евгением Петровичем. Так?

- Так.

- Но командовать парадом буду я. Тихон Лукич - очень занятой человек. Принять он нас может только в воскресенье - после полудня. Поэтому в 12.00 будь свободен, трезв и свеж.

- Куда я должен приехать?

- Сиди дома.

Без пяти минут двенадцать в воскресенье на моём телефонном аппарате высветился номер мобильника Веры:

- Парад - в повестке дня. Выходи из твоего замечательно зелёного двора. Напротив Введенского кладбища и магазина «Цветы» меня обнаружишь.

Худенькую Веру я узрел через открытое окно за рулём толстого лимузина. Сел рядом с ней на переднее сиденье. Она ненакрашенными губами коснулась моей щеки:

- Пора в путь-дорогу... В дорогу совсем не дальнюю. От Введенского кладбища с Госпитального вала Вера

повернула на набережную реки Яузы, а оттуда - на Щёлковское шоссе.

- Гляди,- указала она на лобовое стекло её лимузина,- там наклеена карточка - пропуск к Тихону Лукичу. Он обитает в водоохранной зоне, куда въезд автотранспорту запрещён. Не было бы у меня той карточки, нас к нему б не пропустили. Учти: на ту дачу, на которую мы едем, Тихон Лукич редко кого приглашает. Все деловые переговоры он проводит либо в офисе на Якиманке, либо в особняке в Жуковке - в бывшем дачном хозяйстве Совета Министров СССР. Там он работает, а живёт - в заповедном лесу. И в его обитель допускаются только избранные. Сообразил - что ты в их числе?

Мы миновали Преображенскую площадь. Я тронул Веру за коленку:

- Красавица-кукушка, мне Евгений Петрович столько уникального наплёл про Тихона Лукича, что я впал в сомнение: не бредил ли он? Вера, кто есть Тихон Лукич на самом деле?

- Спроси что-нибудь полегче.

- Но ты ведь к нему вхожа. Что тебя с ним связывает?

- Любовь.

- Любовь со стариком, который родился в Первую мировую войну?

- Да. Я с пяти лет зову его Лукич любимый.

За мостом в Черкизове Вера перестроилась в левый ряд и резвее помчала к выезду из Москвы:

- Я родилась ущербной. Сна нормального не было ни днём, ни ночью. Сама мучилась и всех родных мучила. Из года в год. Рост, вес, ум набирала я успешно, но постоянно просыпалась от кошмаров и орала на всю квартиру: вот чёрная пантера с открытой пастью по пеплу на меня несётся, вот зубастая акула плывёт по воздуху, чтоб заглотить мою голову...

Когда мне исполнилось пять, бабушка Лена, мать моей мамы, в начале мая отвезла меня с няней на дачу к Тихону Лукичу. Он повелел няне: пусть Вера все дни ходит босиком и несколько раз в любую погоду окунается в пруду. А по вечерам Тихон Лукич приходил в мою комнату, зажигал свечи у икон и шептал что-то, шептал, шептал.

За лето кошмары ушли, и с тех пор я, крошка сопливая, увидав Тихона Лукича, почему-то стала говорить: «Здравствуй, Лукич любимый».

Мы пересекли мост над Московской кольцевой автодорогой. Вера не умолкла:

- Любовь к Лукичу передалась мне по наследству. От бабушки Лены. У неё, жены партийного работника, который потом станет членом Политбюро ЦК, был тайный роман. В семье у нас принято считать, что забеременела она от мужа. Но когда после смерти Сталина Берия прятал

Тихона Лукича на даче внешней разведки, туда при строжайшей конспирации не раз доставляли молодую даму с девочкой-малюткой - мою бабушку с моей мамой.

Потом Лукич исчез, и следующая его встреча с бабушкой Леной состоялась почти через двадцать лет. В 1972-м. Она поведала ему о моих ночных кошмарах, и я оказалась с няней на его даче. Он отмолил меня от бесов, и вот уж много лет Тихон Лукич - просто мой Лукич любимый.

Мелькнул дорожный знак - «Долгое Ледово». Я спросил Веру:

- А Евгению Петровичу ты тоже про любовь рассказала?

- Ему-то это зачем? - повела она плечами.- С ним мы не о чувствах - о перспективах судачили. Его шпики, уверена, разнюхали, что моя с Надей фирма патронируется дружественной Тихону Лукичу структурой. Но он на то даже не намекнул. Беседу со мной начал с комплиментов: как растут ваши поставки парфюмерии и косметики в универмаги, какие свои классные специализированные магазины вы открываете. Вслед за комплиментами Евгений Петрович перефразировал Ленина: главная экономика - всё-таки политика. И заключил: красивая женщина, состоявшаяся в бизнесе, очень на многое способна в политике, заполонённой унылым мужичьём с дефицитом внимания прекрасного пола. Уразумел - с какой фигурой ты сейчас едешь?

- С будущим депутатом Госдумы. Евгений Петрович предложил тебе место в списке кандидатов от популярной партии, финансируемой его корпорацией, на ближайших парламентских выборах.

- Низко ты меня ценишь.- Вера снизила скорость лимузина и съехала с Щёлковского шоссе на асфальт, проложенный в лесной массив.- Я позвана в верхнюю палату парламента - в Совет Федерации. От губернатора, обязанного своим постом финансово-промышленной группе, в которой Евгений Петрович - вице-президент. Он попросил меня обдумать это предложение и потом обсудить - линию моего поведения на верхотуре законодательной власти. Я согласилась на следующую встречу. Евгений Петрович показал мне фото Тихона Лукича, выходящего из офиса на Якиманке: «Вы знаете этого человека?» - «Знаю».- «Вам не заказаны по вашей просьбе встречи с ним?» - «Нет».- «Вы можете представить ему под любым предлогом своего знакомого журналиста?» - «Да»,- «С этого мы и начнём наше сотрудничество». Вера оторвала руки от руля на мгновение:

- Вот, миленький, я с нашей с тобой поездки в заповедный лес беру курс на взятие Совета Федерации, ты фактом общения с Тихоном Лукичом выручаешь вляпавшегося в долги твоего друга Сергея Потёмкина. Мы двое - в выигрыше.

- А тебя совесть не мучит? Ты везёшь с собой осведомителя. Я во благо Потёмкина должен докладывать его кредиторам о моих разговорах с Тихоном Лукичом. И не выйдет ли это боком твоему Лукичу любимому?

- Ему невозможно навредить. Головушка Лукича крепка и свободна от

страстей. Он никогда на запредельное не зарится и своих шансов никогда же не упускает. Тебя я предъявлю ему как человека, которого интересует прошлое - события сталинской поры. Потолкуйте о них. А как дальше сложатся ваши отношения - мудрый Лукич сам решит. Есть вопросы к командующей парадом?

- Нет.

- Замечательно.

Два шлагбаума на двух поворотах в заповедном лесу поднялись перед машиной Веры - пропуск на её лобовом стекле у охранников водоёмов подозрений не вызвал. На еловой аллее Вера свернула к воротам в высоком заборе. Посигналила в клаксон на руле. С вышки за забором спустился военный с автоматом Калашникова, остановился в калитке, взглянул на номера Вериного лимузина и открыл ворота.

За ними дорожка раздваивалась. Одна полоса асфальта шла к обнесённому забором участку леса влево, другая - к такому же участку вправо. Вера колёса лимузина направила направо. Мы подъехали к воротам, которые сами собой отворились и потом затворились. Открылся вид на двухэтажный деревянный дом с высоким крыльцом.

- Всё, прибыли мы к Лукичу любимому,- Вера крутанула ключ в замке зажигания лимузина.

Я думал: встретит нас сейчас скрюченно-сгорбленный, весь в сединах-морщинах немощный столетний почти дед. Но из дверей дома по широким ступенькам крыльца нам навстречу шагал вниз босыми ногами стройный, русоволосый, чисто выбритый сильный сударь - в лёгкой чёрной рубашке с пояском и в чёрных же брюках.

Вера выскочила из машины, бегом кинулась к нему и повисла у него на шее, задрав ноги. Они троекратно расцеловались в щёки. Я выбрался из лимузина наружу. Вера прильнула к груди Тихона Лукича. Он погладил её по спине:

- Подлая ты, Верочка, редко старика радуешь. Когда счастье мне привалило видать тебя последний раз?

- Лукич любимый,- подняла голову Вера.- Но ты ж втравил меня в коммерцию. Я кручусь-верчусь и сил приехать подышать с тобой соснами не остаётся.

Обняв Тихона Лукича за плечи, Вера уставилась на меня:

- Позволь, Лукич, представить давнего моего друга - журналиста Николая Анисина.

Он, тихо-нежно отстранив Веру, ступил ко мне и протянул крепкую руку:

- Здравствуй, мил друг Никола. Я тебя знаю. Кое-что из того, что ты пишешь,- мне запомнилось.

Глаза у Тихона Лукича были синие-синие. Точь-в-точь как у Веры.

По ступенькам крыльца из дома вышла высокая старуха в белом платке и длинном цветастом платье. Она обняла Веру, поклонилась мне и обратилась к Тихону Лукичу:

- Дядь Тихон, стол сразу накрывать? Он кивнул:

- Да, Катюша.

И повёл нас с Верой к беседке в соснах. Там он, на меня глядючи, молвил:

- Моя племянница Катя, мил друг Никола, родилась от дворян. Но выросла в крестьянской семье и разносолы стряпать не приучена. На обед она нам подаст суп из грибов, мной вчера собранных, жареных карасиков, на рассвете нынче мне в нашем пруду попавшихся, и море зелени с открытых солнцу моих теплиц.

На деревянный сосновый стол в беседке племянница Тихона Лукича, которая выглядела гораздо старше, чем он, сначала выставила салаты и бутылку французского вина 1945 года рождения. Наполнила вином фужеры и удалилась. Сидевшая рядом с Тихоном Лукичом Вера боднула его головой в плечо:

- Лукич любимый, Николай по первому диплому твой коллега - историк. Он, крестьянин из брянской деревни Нижние Авчухи, умудрился даже пробраться в аспирантуру истфака Московского университета. Но потом изменил Музе Истории - Клио. Перевёлся на факультет журналистики МГУ и переквалифицировался в словесного фотографа современности. Но вероломная Клио всё-таки его иногда соблазняет. И сейчас ему приспичило изготовить для газеты историческое произведение - беседу с тобой как с призраком из сталинского Кремля.

Я поддакнул Вере. Прищурив синие глаза, Тихон Лукич развёл руками:

- Рановато, мил друг Никола, ты ко мне пожаловал. Мной написана книга. В ней - не только тайны эпохи Сталина. В ней - подноготная политики троцкистов Хрущёва и Брежнева. В ней - истинные лица оборотней Андропова и Горбачёва. Книга моя - на жёстком диске компьютера. Публиковать её я пока не намерен. Сигнальная ракета не выстрелила. И прости, мил друг Никола, разглашать никому неведомое в вашей газете я тоже не буду Время выступать в прессе для меня ещё не наступило.

- Но,- я заговорил,- зачем скрывать от читателя ему, читателю, предназначенное?

- Вопрос разумный - абстрактно разумный,- чуть вздёрнул брови Тихон Лукич.- Факты из моей книги - бомба. Они должны взорвать горы лжи о Сталине и раскрыть - кто виноват в катастрофе созданной им великой Советской Цивилизации. Но в пропаганде России всё ещё господствуют

щелкопёры - по заказу или по недомыслию извращающие нашу довоенную и послевоенную историю. Книгу мою, мил друг Никола, щелкопёры сейчас или замолчат, или опошлят-обсмеют. А эти факты должны прогреметь - в главных средствах массовой информации. Прогреметь, как очищающий воздух гром. Потеснят щелкопёров - я опубликую свою книгу и начну давать интервью журналистам. Ты, если захочешь, станешь первым из них.

- Ну а не для печати хоть один факт из вашей книги вы можете привести?

- Запросто. Расстрелянные в 1937-1938-м пламенные революционеры из так называемой ленинской гвардии - крупные воры. Они, коммунисты-интернационалисты, они, зиновьевы-апфельбаумы, каменевы-розенфельды, пятницкие-тарсисы, до 1935-го умыкали из России на Запад деньги и ценности, передавали их там родственникам и доверенным лицам и, таким образом, составили себе очень приличные капиталы. Тебе, мил друг Никола, это известно?

- Известно мне о фирмах - в США и Англии - «Амторг» и «Аркос» и о том, что им после Гражданской войны тайно сплавляли из России уйму драгоценностей.

Известно мне, что эти фирмы успешно продавали в Америке и Европе накопленные в нашей стране за столетия золотые изделия, бриллианты, коллекции нумизматики и картин.

Известно мне, что из «Амторга» и «Аркоса» сотни миллионов марок, франков, фунтов стерлингов и долларов через бюро Коминтерна за советской границей ежегодно передавались коммунистическим партиям Запада.

Но сведений о личном обогащении уничтоженной Сталиным ленинской гвардии я не обнаружил в книгах ни историков, ни мемуаристов.

Сергей Есенин в 1923 году вложил в уста своего поэтического героя, не смирившегося с властью пламенных революционеров, слова:

Мне хочется вызвать тех, Что на Марксе жиреют, как янки. Мы посмотрим их храбрость и смех, Когда двинутся наши танки.

Стихи Есенина ценили некоторые деятели в ЦК партии и правительстве. На встречах со своими власть имущими почитателями поэт мог услышать: расходы разорённой двумя войнами России на западные партии Коминтерна - огромны. И это, не исключено, натолкнуло его на мысль: а бескорыстно ли транжирят достояние страны самые влиятельные деятели Политбюро ЦК - Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин? А не ведут ли они, распространяя идеи коммунизма по всему миру, собственный бизнес - не жиреют ли сами на Марксе, как янки-буржуа?

Версия поэта Есенина о капиталах главных коммунистов-интернационалистов за минувшие восемьдесят с лишним лет так и

осталась версией. Подтверждения ей историки не нашли...

- И не найдут,- странно как-то улыбнулся Тихон Лукич,- бизнес ленинской гвардии на Марксе можно доказать только документами. А таких документов в архивах нет. Они в марте 1953-го перекочевали из служебного кремлёвского сейфа в мой личный и в отличном состоянии сохранены до сего дня. Я тогда совершил преступление - похитил секретные бумаги, поскольку опасался, что при захвате власти троцкистами Хрущёвым и Маленковым их уничтожат.

- И какими же документами вы располагаете?

- Их два вида. Первый - копии писем пламенных революционеров за границу к тем, кто получал от них и лично для них деньги, драгоценности из СССР, предназначенные партиям Коминтерна и комитетам Профинтерна. Второй - отчёты спецгруппы личных сотрудников Сталина - финансистов и террористов, которые обеспечивали возвращение уворованных денег - как поставками в нашу страну машин и оборудования с Запада, так и наличной валютой.

Подсудимые на процессах 1937-1938-го были арестованы по политическим обвинениям. Ты знаешь - что им вменялось?

- Заговор с целью свержения советской власти и разрушения социалистического строя, шпионаж в пользу капиталистических государств, попытка расчленить СССР на ряд независимых республик...

- Эти обвинения не были надуманы - чёрт-те какие черви копошились в мозгах ленинских гвардейцев. От ненависти к Сталину они на всё были готовы.

Признания из них в противоправных замыслах выбивали хамоватые офицеры НКВД. С бывшими партийными вельможами не церемонились на допросах и ничем не облегчали им жизнь на нарах. Но тяжкие тюремные будни для избранных обвиняемых иногда прерывались. Для тех, которые были причастны к финансированию структур Коминтерна и Профинтерна и которые через Наркомат внешней торговли за взятки заключали невыгодные для СССР сделки с заграничными фирмами. Этих обвиняемых по ночам из вонючей камеры привозили в уютную усадьбу на реке Москве. Там вежливые люди в штатском приглашали их за стол с вкусной едой, выпивкой и говорили им примерно следующее:

- За вами должок. Вы прикарманили уведённый из СССР солидный куш. Жизнь же ваша стоит дороже любых денег, благородных металлов и антиквариата. Смертный приговор вам по политическим мотивам обеспечен. Но не всё потеряно. Отдайте на бумаге распоряжение хранителям наворованных вами ценностей за границей - передоверить их предъявителям вашего письма. Чем больше вы поможете возвратить наворованного, тем больше у вас надежд не умереть мучительной смертью, а быть помилованным и жить-поживать сначала где-нибудь в ссылке, а потом и в столице.

Затребованные в усадьбе на реке Москве письма были начертаны. С ними в Европе и Америке к родственникам и доверенным лицам советских олигархов шли сначала финансисты Сталина и обсуждали: как получить причитающееся? Если финансисты не договаривались с кем-то из хранителей денег и ценностей, то его с роднёй брали в оборот сталинские террористы.

Не думаю, что все заграничные капиталы ленинской гвардии изъяли в пользу СССР. Но суммы валюты, фигурирующие в отчётах спецгруппы по изъятию,- очень внушительны. Фрагменты отчётов ксерокопированы и помещены в моей книге. Имеются в ней и фотокопии писем советских олигархов к хранителям их денег на Западе. Когда книга пойдёт в продажу, я при свидетелях под расписку передам письма с отчётами на хранение в государственный архив. Пусть специалисты проведут экспертизу на подлинность документов, и пусть наши с тобой, мил друг Никола, коллеги-историки перетолковывают их - каждый на свой лад.

- Тихон Лукич, не смею вам не верить. Но если воровство некоторых подсудимых на процессах 1937-1938 годов было документально доказано, то почему никому из них не поставили в вину хищения через Коминтерн, Профинтерн и Наркомат внешней торговли?

- Однажды товарищ Сталин обронил фразу: «Логика обстоятельств выше логики намерений». Он сам всегда придерживался этого правила. И когда сотрудники его канцелярии в усадьбе на реке Москве обещали арестованным за возврат денег из-за границы помилование, то, считаю, они выражали искреннее намерение Сталина: проявивших благоразумие нет необходимости расстреливать. Но их судьбу предопределила логика обстоятельств. Возник страшной силы враг СССР - гитлеровская Германия. Чтоб мобилизовать дух страны перед грядущей внешней угрозой, надо было ей продемонстрировать: нет и не будет пощады врагам внутренним. Поэтому в канун войны ленинских гвардейцев выставили на судах исключительно как врагов, а не жуликов, и потому Сталину пришлось отказаться от намерения их помиловать.

- Внешняя угроза миновала. Наступил победный 1945-й. А документы о воровстве пламенных революционеров остались строго засекреченными. Чем это было вызвано?

- Опять-таки - логикой обстоятельств. Мы сломали хребет чуду-юду неимоверной мощи. Перед рейхом Гитлера дрожал весь мир. И наша Победа над ним породила небывалые симпатии к СССР и его идеям справедливости. Коминтерн Сталин распустил, денег зарубежным компартиям ни во время, ни после войны не давал, но их авторитет в разных странах рос и рос, ибо рос и рос авторитет великого Советского Союза. Мы бесплатно обретали на Западе союзников в лице крепнущих компартий. Рассекретить документы об афёрах в Коминтерне и Профинтерне - значило бы подложить свинью западным коммунистам. А нашей стране этого совсем не надо было...

В наш с Тихоном Лукичем разговор влезла Вера:

- Прекрасное французское вино 1945 года выдыхается. Пора выпить. У меня тост: кто историю не изучает, того история проучает. За вас, мои историки.

Мы втроём содвинули разом фужеры. Употребив старое вино и свежий салат, я обратился к Тихону Лукичу:

- Вы назвали Хрущёва и Брежнева троцкистами. Но они трубадура мировой коммунистической революции Троцкого не реабилитировали и его 4-й Интернационал не реанимировали. За что ж вы им троцкизм шьёте?

- Мыслили они догмами Троцкого, следовали им и тем страшный вред стране нанесли. Особенно мы пострадали от того, что они сталинизм в международных делах подменили троцкизмом. Ты можешь сформулировать суть внешней политики СССР при Сталине?

- Боюсь, нет.

- Послушай тогда меня.

Осенью 1944-го наши танковые части вышли на южную границу Болгарии и их командующий Ротмистров позвонил в Ставку Верховного Главнокомандующего: «Товарищ Сталин, я в броске от исконной столицы православия - Константинополя. Позвольте сделать подарок русским верующим людям?» Сталин ответил: «Дух витает где хочет. Москва давно - Третий Рим. Нам нет смысла враждовать с турками ни за православные святыни, ни даже за проливы Чёрного моря». На следующий день Ротмистров опять позвонил в Ставку: «Товарищ Сталин, я провёл разведку - Константинополь не готов к обороне». Сталин разгневался: «Если вы ещё раз поднимете эту тему, то будете понижены в звании и должности».

Зимой 1945-го в Ливадийском дворце в Ялте Черчилль заговорил о входившей некогда в Российскую империю Финляндии - не намерен ли мистер Сталин добиваться включения её в состав империи Советской. Сталин сказал: «Амбициозным финнам трудно ужиться в многонациональной семье наших дружных народов. Мы забрали у них часть необходимых нам земель накануне войны с Германией, и пусть финны теперь живут своим умом-разумом».

Летом 1945-го Сталину доложили: греческие коммунисты подняли восстание, поможем мы им деньгами и оружием - Эллада сделается социалистической республикой. Сталин отреагировал так: «Я люблю мифы Древней Эллады и не вижу перспектив социализма в современной Греции».

В конце 1947-го - начале 1948-го руководитель социалистической Югославии Тито стал отворачиваться от СССР и заигрывать с США и прочими странами капитала. Это вызвало раскол в правящей партии - в югославском Союзе коммунистов. Почти половина членов его ЦК склонялась к смещению Тито со всех постов - с помощью советских денег

и войск. Разрешения на интервенцию Сталин не дал, молвив: «Маршал Тито со своей партизанской армией сковал в Югославии несколько гитлеровских дивизий, предназначенных к отправке на наш фронт. Его свержение нами будет морально не оправданным и потребует слишком много сил и средств».

Подчинить СССР финнов, турок, греков и народы Югославии Сталин мог. Но не подчинил. Потому, что их подчинение дорого бы стоило стране. А вот на очень недешёвый разгром миллионной Квантунской армии Японии Сталин не поскупился. Великому Советскому Союзу необходим был великий Тихий океан - с южным Сахалином и Курилами, с огромными природными дарами и возможностью строить базы для надёжной защиты наших границ на Востоке. Необходим был СССР и буфер безопасности на Западе. И Сталин отнял у Германии Кенигсберг с портом на Балтике, навязал деморализованным немцам в Берлине марионеточный социалистический режим и такие же режимы создал в государствах не буйных славян.

Внешняя политика Сталина - политика сугубо меркантильная. То есть - скрупулёзно-расчётливая: всё, что сулит больше ущерба, чем пользы, всё, что не приносит нашему государству прямой выгоды,- нам не нужно. Так СССР выступал на международной арене до захвата Кремля Хрущёвым - до того, как вместо сталинизма в советской внешней политике восторжествовал троцкизм.

Почему Сталин не поддержал восстание греческих коммунистов в 1945-м? Захватить и удержать власть они могли только при солидной материальной подпитке из нашей страны. А СССР за свои траты на идейно близкий ему режим в удалённой от него нищей Греции - что мог получить? Ничего. И именно поэтому в культурной Элладе с традициями справедливости Сталин не увидел перспектив социализма.

Хрущёв же полез внедрять социализм к дикарям - в Африку, Азию и Латинскую Америку. Полез не с миссионерами-проповедниками, а с деньгами, техникой, продуктами. Выгоду СССР от громадных расходов на распространение троцкистских идей мировой коммунистической революции никто не подсчитывал. Обирая русских и другие народы, экономившие на всём и вся, Хрущёв кормил и кормил дикие, якобы социалистические режимы за морями-океанами.

Брежнев не был одержимым троцкистом. Ему, в отличие от Хрущёва, не снились ни построение коммунизма в СССР к 1980 году, ни сокрушение власти капитала в США и Западной Европе до конца XX века. Но поскольку он не страдал от избытка ума, то из плена сонма расплодившихся при Хрущёве агентов влияния Запада не выбрался. Троцкизм во внешней политике Советского Союза не только сохранился - укрепился. Колоссальные ресурсы, надобные на обустройство наших городов и сёл, на модернизацию отечественного производства, уходили за тридевять земель на социализм-коммунизм в братские как бы по строю государства негров, арабов, азиатов. Добра им хрущёвско-брежневская

троцкистская власть отвалила в кредит - видимо-невидимо. А они как жили своими племенными укладами, так и живут и сотни миллиардов долларов долга никогда уже нам с тобой не вернут.

Племянница Тихона Лукича - старушка Катюша - принесла к нам в беседку в соснах три дымящиеся тарелки с грибным супом. Молча их расставила, разложила ложки и молча подалась обратно в дом. Тишину я нарушил:

- Земляком товарища Сталина - Шота Руставели сказано: всё, что спрятал, то пропало, всё, что отдал,- всё твоё. Надо ли нам было отдавать своё добро неграм, арабам, азиатам - история рассудит. Но совершенно очевидно: у нас в стране в шестидесятые-семидесятые годы очень многое понапрасну пропадало. Когда Брежнев за пару лет до смерти произнёс фразу: «Экономика должна быть экономной», каждый здравомыслящий советский гражданин отдавал себе отчёт: наша экономика ужасно затратная и давно тяжко больна. Но лечить её никто не взялся, и Горбачёвым она была просто прикончена. Китай такую же, как у нас, экономическую систему успешно реформировал, а мы - нет. Как это объяснить?

Тихон Лукич помешал ложкой суп в тарелке:

- С чьим именем связывают успех китайских реформ?

- Дэн Сяопина.

- Так вот, мил друг Никола, никакие реформы Дэна не состоялись бы, если б Мао Цзэдун не провёл в Китае так называемую Культурную революцию и не очистил общество и государство от гнили во власти. Начал загнивать помаленьку в пятидесятые годы и наш правящий слой. Чистку его Сталин намечал, и поживи он ещё, мы б имели своего подобного Дэну реформатора - с фамилией, скажем, Суслов. Михаил Андреевич Суслов хотел и мог стать идеологом необходимых стране реформ. Но разобраться с нечистью в порах власти природой не было дано.

В моей книге есть глава «Пятая колонна». В ней - и способы вербовки в СССР агентов влияния Запада, и методика их действий, направленных на то, чтоб законсервировать пороки нашей страны и таким образом довести её до краха. В ней - и штрихи к портретам Андропова и Горбачёва, под покровительством которых западная агентура уничтожила главного военного и экономического конкурента стран Запада - великий и могучий Советский Союз. Через год-другой книга моя выйдет, ты её прочитаешь, и мы сделаем с тобой беседу для вашей газеты.

- А теперь,- Тихон Лукич левой рукой обнял за плечи Веру, а рукой правой взял фужер с вином,- давай, мил друг Никола, выпьем за несравненное украшение нашего стола.

После обеда Тихон Лукич пригласил нас с Верой прогуляться по окрестностям его дачи. Говорили он и она. Говорили они о не интересных

мне коммерческих делах, и я в разговор не вмешивался.

В Москву мы на Верином лимузине въехали на закате солнца.

- Ты,- не поворачивая головы, изрекла Вера,- первый раз соблазнял меня в своём номере в Пицунде с помощью дешёвого армянского коньяка. А у меня на кухне сейчас простаивает натуральный, страсть дорогой коньяк французский, и у тебя нет морального права не распить его со мной. Едем ко мне и вспомним - как хорошо нам было в мандариновой роще близ Пицунды.

Глава 12. Ставка - жизнь

Утром в понедельник, пока я обливался под душем, Вера приготовила омлет и чай. За стол я присел буквально на пять минут - надо было не опоздать на планёрку в редакцию. Вера проводила меня до лифтов и на прощание вдруг обронила фразу:

- Ты уж, пожалуйста, не потеряй свою телефонную книжку - она ценна не только для тебя.

Подтекст фразы я не уразумел.

Сразу после планёрки повалили, как обычно, посетители - авторы с рукописями и сумасшедшие с идеями переустройства России. Разобравшись с теми из них, с которыми мне надлежало разобраться, я переместился из приёмной редакции в цех вёрстки. Перечитал и сократил подготовленную мной полосу в текущий номер и лишь в обеденный час позвонил Потёмкину:

- Облом с просьбой твоих кредиторов. Тихон Лукич всерьёз меня не воспринял. Ни разговоров по душам, ни тем более дружбы с ним у меня не будет.

- Ну и отлично,- весело ответствовал Потёмкин.- Вера это уже доложила Евгению Петровичу. У него нет претензий к нам. Он сам нашёл меня на мобильнике и сказал: «В провале моего замысла нет вины вашего товарища, и вы можете заключить договор на продление сроков кредита». Кранты - болт с гайкой мы теперь на всех кладём.

Тема Тихона Лукича для Потёмкина закрылась. Для меня же - заново открылась. Менее чем через неделю.

В жаркую июльскую субботу я выключил дома компьютер. Статья - не в ближайший номер и не грех пойти в Лефортовский парк поплавать и позагорать. Зазвонил телефон:

- Поклон тебе, мил друг Никола. Угадал старика?

- Угадал, Тихон Лукич.

- Чем время в воскресенье занимать намерен?

- Сложением из слов словосочетаний, из словосочетаний - предложений.

- А на день прервать писательство можешь? - Да.

- Тогда слушай: завтра в 9.00 к твоему подъезду подойдёт автомобиль номер 777. Он отвезёт тебя, куда надо - на Валдай - и мы с тобой там кое-что обговорим.

На чёрном «Мерседесе» русоволосый шофёр Иван доставил меня по Ленинградскому шоссе за деревню Долгие Бороды. В хвойный с туями лес пансионата «Валдай».

Тихон Лукич обитал на даче №1 в 4-м люксе, отделанном редкими породами дерева. Деревянные узоры радовали глаз и издавали приятный запах.

Мы сели в кресла за столиком. Тихон Лукич обвёл взглядом свой люкс и спросил меня:

- Знаешь о трагедии в этих стенах в конце лета 1948-го?

- Нет.

- Здесь умер от яда товарищ Жданов.

- Вас воспоминания о нём привели к месту его смерти?

- Товарищ Жданов - глубоко почитаемый мной политик. Но я слишком стар, чтоб путешествовать памяти ради. Дело меня сюда привело. Важное дело.

Тихон Лукич налил чай в чашки:

- Среди тьмы моих приятелей, мил друг Никола, есть бывшие члены коллегий ведущих отраслей советской экономики. Одни ещё служат марионетками в ведомственных структурах управления, другие - просто пенсионеры. И те и эти - гордецы. Они сильно довольны состоянием своих отраслей в прошлом и ревностно следят за положением дел в них в настоящем. При вакханалии демократии с рынком.

Добрый десяток «мамонтов» плановой экономики я уговорил принять мою стенографистку и надиктовать ей ответ на вопрос: «Что изменилось в вашей отрасли за минувшие годы рыночных реформ?» На основе фактов от «мамонтов» - фактов абсолютно достоверных - я составил доклад-прогноз: «Что будет с экономикой Российской Федерации через пять лет?»

Этот доклад близкий мне депутат Госдумы по служебной почте отправил трём адресатам. Первым трём по влиянию во власти, а не по должностям лицам. К каждому адресату депутат обратился с письмом на бланке:

«Автор доклада-прогноза Щадов Т.Л. служил в канцелярии Сталина. Был советником в Верховном Совете СССР и Госплане СССР при Брежневе. Крах советской экономической системы Щадов Т.Л. предсказал ещё в середине семидесятых годов в записке на имя Секретаря ЦК КПСС Суслова М.А. В той же записке, которая находится в архиве в фондах ЦК, Щадов Т.Л. предложил концепцию мер по преобразованию неэффективной

экономики СССР. Его концепцию лично Суслов М.А. одобрил. Но в руководстве страны преобладали догматики. Время для безболезненных реформ было упущено.

Сейчас у нас - рыночный уклад-урод. Его построение подорвало наш экономический потенциал. Но не весь. А грядёт полная деградация российской экономики. Это, на мой взгляд, доказано в докладе-прогнозе Щадова Т.Л. Если его выводы убедительными найдёте и вы, то Щадов Т.Л. может представить вашему вниманию свой вариант предотвращения надвигающейся катастрофы. То есть мобилизационную модель экономики и проект по её идеологическому обеспечению».

Тихон Лукич опустил руки на подлокотники кресла:

- Напомню тебе: мой доклад с письмом депутата направлен был троим. Откликнулся спустя месяц один. Тот, на которого я более остальных рассчитывал. Назовём его просто - Чин. Он часто на телеэкранах не мелькает, но многое на верху власти решает. Мне позвонил его помощник: шеф ваш доклад изучил, высоко оценил уровень прогноза и хотел бы с вами встретиться - но в неформальной обстановке.

Чуть позже тот же помощник связал со мной по телефону самого Чина. Он собирался в краткий отпуск на Валдай и пригласил меня приехать туда - соединить приятное с полезным: уютный домик для отдыха вам найдут и мы в тиши неспешно обсудим занимающие нас проблемы. Я сказал: приглашение на Валдай с благодарностью приму - при условии, что мне на даче №1 управделами президента закажут номер товарища Жданова.

Каприз мой был умышленным. В разгаре - сезон отпусков. Все люксы на первой даче «Валдая» распределены между обитателями кабинетов в Кремле, в Доме правительства и в парламенте. И если интерес у Чина ко мне не праздный, не шуточный, то он каприз исполнит. А на нет - суда нет. Как видишь, в желанные апартаменты меня вселили.

Взяв стеклянный сосуд с травяным чаем, Тихон Лукич наполнил мою опустошённую чашку и обновил свою:

- Свиделись мы с Чином в беседке на берегу озера. Сидели недолго - долго гуляли. Говорили в лад. И до чего договорились? До согласия о причинах крушения Советской империи. До единого мнения: Россия попала под иго Запада - он навязал нам выгодные ему устои и ценности и уничтожает нашу страну как экономического и военного конкурента. Сошлись мы и в том, что превращение России в сырьевой придаток Запада можно ещё не допустить, если внедрить в расхристанный российский рынок мобилизационную модель экономики.

Далее у нас пошла речь не о сути этой модели, а о создании предпосылок для её внедрения.

Кремль сейчас не управляет Россией, ибо жёстко не контролирует собственников её достояния и не держит в страхе начальников в столице и

в провинции. Собственники утаивают причитающиеся государству доходы и со спокойной душой их присваивают. Начальники благополучно наживаются на взятках и умыкании денег из скудных бюджетов. Нищие рядовые граждане, видя растущие вокруг городов дачи-дворцы, шикарные лимузины, набитые предметами роскоши магазины для богачей, понимают, что их грабят, но воспринимают грабёж как само собой разумеющееся. При всём том все проекты мобилизации ресурсов на развитие производства - бессмысленны. Как быть?

Внедрению мобилизационной модели экономики должен предшествовать моральный расстрел. Моральный расстрел жуликов-собственников и жуликов-начальников.

Завершился мой с Чином разговор устным договором о совместном изготовлении пушки. Электронной пушки для пальбы по жуликам.

Я уведомил Чина: мной воспитан жутко толковый менеджер - Василий. Он способен организовать всё что угодно - сходку бандитов, юбилей отряда милицейского спецназа, банк, автопробег, гастроли звёзд поп-музыки и прочее. В сей момент в его ведении - казино и пышное шоу.

Василий по моей просьбе оставит свой нынешний бизнес и сотворит телестудию - со скрытым от посторонних глаз офисом, набитым телетехникой, с даровитыми актёрами, с умелыми режиссёрами, репортёрами и техническим персоналом. Студия Василия от меня получит все возможные схемы жульничества. Но, чтоб запечатлеть осуществление этих схем конкретными лицами в конкретных обстоятельствах, студию Василия надо пристегнуть к спецподразделениям правоохранительных органов. Чин посчитал это реальным.

Тогда, я продолжил, студия Василия создаст две еженедельные телепрограммы «Руки за спину» - о жульничестве собственников и «Охота на начальников» - о жульничестве мэров, губернаторов и служащих министерств. Сцены допросов тех и этих, картинки обысков в их дорогих квартирах и дачах-дворцах, оформленных на родственников и подставных лиц, будут интересны всей бедствующей стране. Но необходимо, чтоб названные телепрограммы допустили для показа на один из четырёх популярных телеканалов. Чин уверенно произнёс: и это реально.

Напоследок я сказал: студия Василия и её телепрограммы будут работать на государство и их расходы должны оплачивать те, кто своим богатством обязан государству. Чин скукожил лоб и разгладил: поищем таковых.

Вчера на Валдай на вертолёте прилетел денежный Туз. Беседа с ним в укромном месте у нас с Чином удалась. Туз - еврей. Натуральный сын своего племени. И зело здравомыслящий. Его логика, в общем-то, правильная. XXI век - век взрыва энергии ранее дремавших наций. Китайцы, вьетнамцы, арабы, персы-иранцы, кавказцы набирают силу, и их стремление захватить себе как можно больше места под солнцем одинаково опасно и для русских, и для евреев. Русские - основной сплав

российского общества. Евреи - один из его ингредиентов. Но русские сегодня разобщены, деморализованы, и без сплочённого и активного ингредиента из евреев они окажутся беспомощны перед экспансией новых пассионариев - от китайцев до кавказцев. Задача русской и еврейской элит - объединить усилия в укреплении мощи ныне раздрызганного Государства Российского. Не произойдёт этого, худо придётся и русским, и евреям.

Итог беседы в укромном месте: проект телепрограмм по раскрытию схем жульничества и моральному расстрелу жуликов-собственников и жуликов-начальников Туз согласился финансировать - пора всем прежде думать о государстве, о потом о себе.

Тихон Лукич открыл папку на столике:

- Мы условились с Тузом, что я составлю смету расходов - на аренду офиса телестудии, на её оборудование и зарплату коллективу, на выплаты осведомителям-информаторам и сотрудникам правоохранительных органов, которые будут выставлять жуликов под наши телекамеры. Смета мной подготовлена. Теперь её надо доставить двум финансовым менеджерам Туза, дабы они решили - каким образом оплачивать наш проект: что по безналичному расчёту, что наличными деньгами, что переводами на счета фирм моих друзей для обналичивания. Передать менеджерам смету, мил друг Никола, я прошу тебя. Почему именно тебя?

Королей играет свита. От лиц из окружения Туза немало зависит. Смету им мог бы вручить Василий, с которым они потом будут вести денежные дела. Но он для них - тёмная персона. А ты - нет. Туз по средам начинает читать прессу с вашего еженедельника. Знают газету и твои публикации в ней, я полагаю, и его подручные. И их легче расположить к нашему проекту знакомому им человеку. Поэтому не в службу, а в дружбу отвези смету в офис Туза.

Буркнуть что-то против у меня не было причин.

Листы бумаги в целлофане перекочевали из папки Тихона Лукича в мои руки. Он указал на первый лист:

- Здесь - фамилии, имена, отчества и телефоны двух господ. Звони завтра любому из них - у меня документ с Валдая - и они тебя примут. Отдай им смету, подари свои последние книги, расскажи чего-нибудь занятное. Вызовешь ты приязнь к себе у менеджеров Туза, они и моего волкодава Василия воспримут радушно.

Помимо просьбы, мил друг Никола, у меня к тебе предложение. Точнее, ангажемент. Мне надо, чтоб ты, не оставляя газету, постоянно работал со мной. Проект двух телепрограмм «Руки за спину» и «Охота на начальников» - это пробный шар в моей пропагандистской игре.

Мы с Чином на Валдае доразмышлялись: упадок экономики, всё учащающиеся теракты чеченцев, нарастающий вал уголовщины не только из властного бессилия Кремля проистекают. Даже при тотальном

контроле над собственниками и при абсолютно дрожащими перед ним начальниками Кремль не может эффективно управлять Россией, потому что не управляет течением мысли в ней. Массовая пресса потчует наше общество блевотиной. У народа нет сплачивающих его идеалов. Идеалов служения Родине и Делу. И, стало быть, страна обречена катиться в пропасть.

Чин обязался пробить на телеканалах ряд идейно заряженных телепередач. Мне предстоит подобрать их ведущих и участников, годных чувства добрые пробуждать. Для контактов с инженерами душ, с политиками и учёными, с мыслящими военными и капиталистами я должен нанять посредника-единомышленника. Лучшей, чем ты, кандидатуры на эту роль у меня нет. Заключаем контракт?

Тихон Лукич протянул руку Я её пожал. Он расстегнул молнию на его папке:

- Теперь как мой сотрудник выслушай указания. Первое. В твоей теперешней жилетке с футболкой ты

не можешь ехать к менеджерам Туза. Нежелательно видеть на тебе ширпотреб потом и некоторым другим лицам, которые нам понадобятся. Вот визитка директора универмага - Ольги. Наведайся к ней завтра, и она позаботится, чтоб ты имел парочку приличных летних костюмов и набор рубашек к ним. Платить ни за что не надо. Всё спишут на меня.

Второе. Встречать тебя отдельные потребные нам граждане будут не только по одёжке, но и по автомобилю. На «Жигулёнке» своём ты никуда не суйся. Вот визитка диспетчеров гаража моих друзей. Они сдают «Мерседесы» с водителями напрокат. Но тому, кто скажет «Лукич-777», машины предоставляют бесплатно. Пользуйся моим паролем на все деловые поездки. От тебя требуется только расписаться в путёвке.

Третье. Ты выглядишь слишком усталым и измотанным для твоих младых лет. Куришь, наверное, напропалую, пьёшь не в меру, физкультуры чураешься. Вот членская карта нашего клуба здоровья. В нём сауна, бассейн, массаж, тренажёры. Все услуги обладателям карт - дармовые. Наведывайся в клуб хотя бы два-три раза в неделю. Мой сотрудник по пропаганде должен искриться бодростью.

Передав мне визитки и карту, Тихон Лукич достал из кармашка папки конверт и положил предо мной:

- Тут энная сумма в европейской валюте. Она, полагаю, больше двух твоих годовых заработков в газете. Возьми.

- Позвольте не брать, Тихон Лукич. Я к халяве не приучен.

- Запрещаю пререкаться. В конверте аванс за твой труд на общее дело и оборотные средства, которые ты будешь тратить на обеды и ужины с теми, кто нам понадобится.

На следующий день я не стал обращаться к Ольге из универмага. Но

надел свой лучший костюм и по завершению планёрки в редакции воспользовался паролем «Лу-кич-777». За мной прислали лимузин, и я, предварительно созвонившись с менеджерами Туза, прикатил к ним в стеклобетонную многоэтажку. Вручил им листы со сметой телестудии и её программ, подарил, согласно установке Тихона Лукича, свои книжки и деликатно поразвлекал их только мне известными историями из жизни политиков. Расстались со мной менеджеры душевно.

Приближался август - время, когда меня тянет к вулкану Кара-Даг, к бухтам окрест и друзьям, собирающимся из разных городов на набережной Коктебеля. Поручений от Тихона Лукича мне не поступало. Его конверт с деньгами я не распечатывал и уже решил покупать билет до Феодосии. Но он позвонил:

- Есть интересные новости - скажи диспетчерам нашего гаража, что тебе надобен автомобиль с пропуском ко мне на дачу. Я приеду около 19.00, и ты постарайся к этому часу до меня добраться.

Тем вечером наша встреча не состоялась. В заповедном лесу на повороте к даче Тихона Лукича машину, на которой я ехал, остановил сержант с автоматом:

- Езжайте в объезд.

Поперёк дороги в окружении двух милицейских «Жигулей» и кареты «Скорой помощи» зиял выбитыми стёклами «Мерседес» с номером «777». Рядом с ним по пояс голый, с перебинтованным плечом русоволосый шофёр Иван разговаривал с двумя людьми в штатском. В «Скорую» грузили труп молодого мужика с запёкшейся кровью на лице. Тихона Лукича ни живого, ни мёртвого нигде не было видно. Не оказалось его и на даче. Телефоны Веры, у которой я попытался справиться о случившемся с её Лукичом любимым, не отзывались всю неделю.

Август наступил. Билет на поезд до Феодосии лежал в моём паспорте. Номер в Доме творчества «Коктебель» мне был заказан. В день последний перед отпуском минут за десять до начала редакционной планёрки у входа в особняк Союза писателей меня задержал мордастый молодой человек. Показал удостоверение, в котором я успел прочитать, что он - майор, и предложил пройти для беседы в припаркованный поблизости микроавтобус. В его салоне за столиком ещё один боец невидимого фронта в наушниках вертел кругляшками какого-то агрегата.

Мы сели с майором напротив друг друга. Он огрел меня вопросом:

- Кто поставил вам «жучок»?

- Какой «жучок»?

- Заурядной прослушивающей системы.

- Не понимаю.

- Книжка с номерами телефонов всегда при вас?

- Разумеется.

- Дайте мне её.

Железной пишущей авторучкой майор прошуровал корешок моей телефонной книжки и выдавил оттуда какую-то пласмассово-металлическую фиговину:

- Вот этот самый «жучок». Кому из знакомых вы говорили о поездке на Валдай к Тихону Лукичу?

- Никому.

- Где сейчас Тихон Лукич, вам известно? - Нет.

- Его машину обстрелял из автомата наёмный убийца. Ранил шофёра. Тихон Лукич укокошил наёмника из именного оружия - из пистолета, подаренного ему в Великую Отечественную маршалом Рокоссовским. По действующим законам Тихону Лукичу не грозит никакая уголовная ответственность. Но он, оказав первую помощь шофёру и вызвав «Скорую помощь» и милицию, исчез. Найти мы его не можем до сих пор. А отыскать его приказал тот, кто в вашей с ним беседе на Валдае фигурировал как Чин. У нас проблемы...

Майор протянул мне визитку:

- Будет у вас с ним контакт, скажите ему - пусть свяжется с нами.

Скорый поезд Москва - Феодосия минул Тулу. В купе со мной ехала знойного возраста дама - жена генерала. Она, простившись с мужем на перроне, уткнулась в детектив Виктора Пронина и всё читала и читала. Вот-вот должна была быть станция Скуратово. Станция на территории Чернского района, где Бежин луг с тенями героев Тургенева, где имение матери Льва Толстого княгини Волконской и где глава района - мой друг Виктор Данилович Волков. По традиции, передвигаясь из Москвы в Коктебель, я всегда свидетельствовал Волкову своё почтение. Поговорил с ним. И тут у станции Скуратово зазвучала музыка Баха в моём телефоне, а за ней - голос Тихона Лукича:

- Ты догадался, кем к тебе был вселён «жучок»?

- Нет.

- Верой - по просьбе кредиторов Потёмкина. Они желали знать о планах национал-социалистического Агитпропа, и я решил их желание удовлетворить. Зачем? Чтоб выяснить: после огласки наших планов в Кремле и Доме правительства Чин способен держать удар или нет? Служба безопасности потёмкинских кредиторов слушала нас, мои товарищи - её переговоры с начальниками. Распечатка записи моей с тобой беседы на Валдае бомбой для Чина не стала. Но она всполошила кое-кого далеко от границ России, за океанами. Последовала команда меня ликвидировать. Покушение подготовила не корпорация кредиторов Потёмкина, а её иностранная фирма-партнёр. Поэтому оно случилось неожиданно для нас. Я спасся благодаря своей животной интуиции, мой

же шофёр Иван ни за что ни про что получил пулю в плечо. Хозяев киллера, которого я застрелил, мы установили, и за кровь Ивана они заплатят кровью. Достанем мы их и в Вашингтоне, и в Нью-Йорке, и в Тель-Авиве. Демократия в мире позволяет нам свершить расплату.

- Тихон Лукич, насколько я понял, наш контракт по пропагандистской кампании прекращается. А у меня аванс под него. Кому мне после отпуска передать конверт с деньгами в европейской валюте?

- Запрещаю пораженческие настроения. Наш контракт лишь временно приостанавливается. Встань как-нибудь в Москве рано поутру. Спустись просто так в метро, прокатись в трамвае или троллейбусе. Оглядись. Вокруг увидишь симпатичные, здоровые и энергичные лица. Они хотят и умеют работать, любить и воспитывать детей, и им необходимы идеи праведного устройства общества. На национал-социалистический Агитпроп у нас в стране есть спрос, и мы обязаны продвигать наши проекты. России суждено жить по благородным сталинским принципам.

- На днях моему приятелю Саше Маковецкому - государственному служащему, не привязанному к скрипу литературного пера, вдруг приснился стих:

А над Москвой - чужие стяги.

Но красный цвет знамён грядёт.

И нам не страшны все варяги –

Товарищ Сталин вновь придёт.

Вопрос, Тихон Лукич: придёт ли вновь товарищ Сталин?

- А он от нас никуда и не уходил, а всего-навсего только позволил нам подурить - хлебнуть помоев демократии. Для того позволил, чтоб мы иммунитет против неё обрели. Над товарищем Сталиным, сыном сапожника и прачки, простиралась длань Богородицы. Без покровительства с Небес он не создал бы совершеннейшую в мировой истории Советскую Цивилизацию. По отцу товарищ Сталин - осетин. И псевдоним себе он взял не от русского слова «сталь», а от осетинского - «сталы»: звезда. Сталин - Звезда Богородицы над Россией. Звезда самого справедливого общества всех времён. Народы России Богородицу не прогневали, и товарищ Сталин в том или ином облике появится в Кремле, позвонит всем кому надо, и все исполнят его указания.

Скорый поезд Москва - Феодосия прибыл в конечный пункт по расписанию. Через полчаса я уже распаковывал сумку в номере Дома творчества «Коктебель». В открытое окно мне подмигивали акация и кипарис. А поблизости зеленели лициния, туя, черёмуха... Я вышел в чудный парк. Как здорово было - просто дышать.

У музея поэта Волошина, который в Гражданскую войну белых укрывал от красных, красных - от белых, я ступил на набережную. С неё

открывался вид на море, вулкан Кара-Даг, гору Хамелеон и Тихую бухту. Всем этим любовались в своё время офицер царской армии Лука Щадов и его сын Тихон - офицер армии Сталина. А сейчас по набережной Коктебеля шествовала молодёжь нашей смутной эпохи. Азартная славянская молодёжь - сильные парни и красивые барышни. Воссияет ли над ними Звезда Богородицы?

Москва - ДТ «Малеевка» - ДТ «Заветы Макушка» - ДТ «Коктебель».

Содержание

Глава 1. Да будет свет.....1
Глава 2. Он вернулся из боя.....2
Глава 3. Капкан в миллион долларов.....2
Глава 4. В тени Жданова.....2
Глава 5. Роль при вожде.....2
Глава 6. Пик операции «Чемодан - вокзал - Израиль».....2
Глава 7. Верёвочка с Берией.....2
Глава 8. Блеф Суслова.....2
Глава 9. Обратно в политику - с чёрного хода.....2
Глава 10. Поклонница ГКЧП.....2
Глава 11. Шаг к призраку из Кремля.....2
Глава 12. Ставка - жизнь.....2